Ж 83
306

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ

ПО

РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ

ДО НАЧАЛА XVIII ВѢКА

И

МѢСТНИЧЕСТВО

У 83/306
Ф 1-73/10621
925

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ

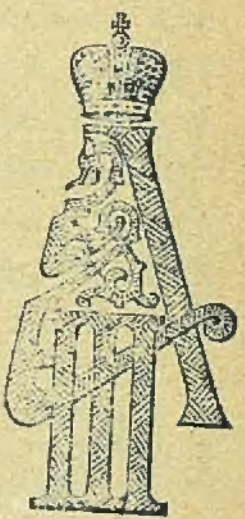
ПО РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ

ДО НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

Отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати 3-го выпуска артикула воинскаго (гл. XVII и XVIII).

Историко-юридическое изслѣдованіе

П. О. Бобровскаго.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1889.

Печатано по распоряженію председателя С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В.И. ЛЕНИНА
Ф 4835 42

Оттискъ изъ Журнала гражд. и угол. права 1889 г.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ ПО РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ ДО НАЧАЛА XVIII ВѢКА.

Вопросъ о личныхъ оскорбленіяхъ или преступленіяхъ противъ *личной чести* по русскому праву, уже давно обращалъ на себя вниманіе юристовъ, преимущественно криминалистовъ [1]). Преступленіямъ же противъ *родовой чести* посвящено особо нѣсколько капитальныхъ трудовъ, на которые мы укажемъ впослѣдствіи.

Обращаясь къ источникамъ, мы увидимъ, что съ самаго основанія русскаго государства къ славянскимъ языческимъ элементамъ примѣшивалось сперва вліяніе скандинавовъ или варяго-руссовъ; далѣе, по порядку времени, вошли въ бытъ народа элементы—византійскій, вмѣстѣ съ христіанствомъ, и монголо-татарскій, со времени владычества монголовъ. Дружина, которая была зерномъ для военныхъ силъ въ русскомъ государствѣ, мало по малу преобразуется въ бояръ и дѣтей

---

[1]) *Спасовича* „О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ“ (жур. мин. юст. 1860 г. № 1). *Н. Ланге* „О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву“ (жур. мин. народ. прос. 1860 г., ч. CII). Boris Utin, Ueber die Ehrenverletzung nach Russischen Recht, seit dem XVII Jahrhundert. Dorpat. 1857. *Шайкевича* „О преступленіяхъ противъ чести.“ Моск. унив. зап. 1865. Приложенія“. *Духовскаго:* „Понятіе клеветы, какъ преступленія противъ чести частныхъ лицъ по русскому праву“. Ярославль. 1873 г. и друг.

боярскихъ или дворянъ, со всѣми притязаніями на предводительство и господство въ войскахъ.

Въ многовѣковый періодъ русской исторіи не сознается значеніе личности; языческіе обычаи славянъ съ трудомъ поддаются вліянію христіанства, въ которомъ личность уважается сама по себѣ, независимо отъ общественнаго положенія. Только во второй половинѣ XVI столѣтія, послѣ паденія *судебнаго поединка*, какъ „суда божія“, обычая языческаго, рядомъ съ процвѣтаніемъ чести родовой и служебной, начинаетъ едва-едва пробиваться понятіе о чести личной.

Въ слѣдующій періодъ исторіи, обнимающій болѣе сталѣтъ, сѣмена новыхъ идей забрасываются въ народный бытъ сначала въ смутное время, черезъ посредство поляковъ и шведовъ, потомъ, съ воцареніемъ дома Романовыхъ, черезъ призываемыхъ на службу иноземцевъ, подъ общимъ собирательнымъ именемъ „нѣмцевъ“, засѣвшихъ преимущественно въ служиломъ сословіи. Въ военномъ быту постепенно падаетъ первенство дворянской привилегированной конницы и поднимается значеніе казачества. Притязательность родовой чести становится тягостною для государства, которое ощущаетъ надобность въ развитіи вооруженныхъ свохъ силъ. Въ соборномъ уложеніи признается еще, какъ бы нехотя, необходимость огражденія личной чести каждаго самаго малаго человѣка, но только съ паденіемъ мѣстничества устранено существенное препятствіе къ открытому признанію въ каждомъ человѣкѣ его личныхъ достоинствъ.

Въ третьемъ періодѣ, обнимающемъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, менѣе полустолѣтія, до изданія воинскаго и морскаго уставовъ, эти новыя идеи находятъ энергическое приложеніе. Благодаря генію Петра Великаго, совершается коренное измѣненіе военнаго устройства, учреждена регулярная армія и образованъ флотъ, каждый воинъ признанъ *слугою отечества*—его защитникомъ и охранителемъ, въ новомъ государствѣ на счету каждый солдатъ, каждый матросъ: рядовому

солдату, какъ офицеру и начальнику, законъ даетъ защиту отъ неправаго посягательства на его честь и право искать удовлетвореніе за личное оскорбленіе въ какой бы формѣ оно ни выражалось бы. Сознается, что личная честь не можетъ быть предметомъ продажи на деньги, что она составляетъ благо, которое личность можетъ отстаивать, какъ и всѣ другія права свои, что это благо можетъ быть у человѣка отнято только въ силу закона, при извѣстныхъ условіяхъ. Но и въ этотъ періодъ упорно продолжается еще борьба старинныхъ понятій съ новыми, чести родовой съ честью служебною. Мѣстничество еще существуетъ въ нравахъ чиновныхъ людей.

Восьмивѣковой путь проходится съ видимымъ торжествомъ нравственной силы надъ физическою, христіанства надъ косностью язычества.

I. Преступленія противъ чести въ древней Руси.

Въ жизни русскихъ славянъ, при самомъ зарожденіи государства, встрѣчаются тѣ же бытовыя явленія, которыя наблюдаются и въ жизни другихъ древнихъ народовъ. Родовой патріархальный бытъ русскихъ славянъ, съ обычаемъ кровавой мести, лежитъ въ основѣ древнѣйшихъ памятниковъ русскаго законодательства. Родовыя отношенія играли важную роль въ быту нашихъ предковъ, съ ними мы встрѣчаемся даже и въ XVII столѣтіи [2]).

Русскіе князья, съ своею дружиною, образовавъ юное славянское общество, внесли въ среду его начало сословное, въ противоположность родовому. Въ дружину варяжскую открытъ

---

[2]) Весьма интересны воззрѣнія на этотъ предметъ: *Эверса*, *Соловьева*, *Кавелина*, *Калачова*, *Никольскаго*, *Утина* и друг. Въ пятидесятыхъ годахъ по этому вопросу возникла серьезная полемика. См. москов. сборн. 1852 г., т. I, статью *Аксакова*. Теорія родоваго быта у русскихъ славянъ обстоятельно изслѣдована *Никольскимъ* въ сочиненіи: „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ“. Москва. 1859 г.

былъ свободный доступъ храбрымъ людямъ всѣхъ странъ и народовъ и прежде всего, конечно, туземцамъ славянамъ; въ дружинѣ каждый могъ подняться своею личною доблестью, личными достоинствами, явилось понятіе о лучшихъ храбрѣйшихъ людяхъ, выдѣлявшихся изъ толпы, скованной прежде извѣстною степенью по родовой лѣстницѣ. Дружина получала содержаніе отъ князя; старшіе члены дружины, называемые въ актахъ боярами и княжими мужами, были его совѣтниками, воинами по преимуществу; иногда такихъ княжихъ мужей называли *огнищанами*. Другую часть войска, подчиненную дружинѣ, составляли *вои* (воины), т. е. земское войско. Всѣ они вмѣстѣ съ дружиною образовали *полки*. Но были еще и наемныя войска: варяги, печенѣги, торки. Ожесточенные битвы нерѣдко рѣшались единоборствомъ—*поединкомъ*. Поединщики, случалось, боролись безъ оружія, схватывали другъ друга руками, и старались задушить противника, или повалить, ударить объ землю. Печенѣгъ вызываетъ на единоборство русскаго: со стороны Азіи выходитъ громадный печенѣгъ, со стороны Руси—Янъ Усмоневецъ, человѣкъ обыкновенный, незначительностію своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана, но побѣждаетъ его. Редедя князь касожскій вызываетъ на поединокъ Мстислава. Мстиславъ чувствуетъ, что противникъ одолѣетъ его, и однако русскій князь побѣждаетъ азіатца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія преданіе видитъ въ лицѣ Святослава. Онъ не богатырь въ собственномъ смыслѣ, онъ вождь дружины, онъ отказывается отъ поединка съ Цимисхіемъ, но онъ первый между дружинниками, бьется на челѣ ихъ, не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Въ немъ личность всецѣло подчинена потребностямъ общественнымъ. Это герой въ настоящемъ понятіи.

При стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, когда господствовали необузданныя страсти, когда силою брали все, а право силы считалось высшимъ правомъ, нравы не могли быть мягкими, и самые законы допускали частную месть, какъ расплату за

обиду. Кровавая месть, частыя убійства на пирахъ, мщеніе Ольги, разбои при Владимірѣ, поступки Добрыни съ семьею Рогвольда въ Полоцкѣ, поведеніе Святослава —вотъ факты, не оставляющіе сомнѣнія для вывода о грубости нравовъ и жестокости людской. Всѣ члены одного рода обязаны защищать другъ друга, мстить другъ за друга. Въ русской правдѣ эта обязанность ограничена уже извѣстными степенями родства: братъ мститъ за брата, отецъ за сына и наоборотъ, дядя за племянника съ братней и сестриной стороны.

Все это въ порядкѣ вещей, вездѣ первоначальныя общества складывались такимъ же образомъ. Изъ русской правды видимъ, что родовой бытъ славянъ въ XI столѣтіи началъ уже ослабѣвать.

Когда не было мстителя, то убійца платилъ князю пеню, виру, за княжа мужа и боярина двойную виру (80 гривенъ), за свободнаго человѣка одну *виру*, за женщину *полвиры*. Рабъ, холопъ считался вещью, предметомъ; его убійство не считалось убійствомъ. Честь какъ и жизнь свободнаго человѣка оцѣнивалась на деньги; честь холопа не стоила и *вевериды* (900 доля гривны).

Когда сила физическая на первомъ планѣ, когда страсти не подчинены господству религіозныхъ и нравственныхъ законовъ, тогда не можетъ быть мѣста обидѣ словомъ: за скорою обидою слѣдуетъ скорая месть, расправа физическая, безпощадная, но отъ мстителя уже можно было откупиться деньгами. И древній богатырь, герой эпохи, въ народномъ воображеніи представляется существомъ одареннымъ чудовищною физическою силою, котораго одолѣть можно было только посредствомъ чародѣйства.

Съ русскимъ народомъ эпохи язычества въ тѣсной связи волхвы, гадатели, кудесники, ворожеи, вѣдуны, вѣдьмы. Язычники славяне подчинялись вліянію этихъ темныхъ силъ. Волхвы славянъ, какъ видно, имѣли тѣсную связь съ волхвами финскими. Долго послѣ принятія христіанства волхвы

съ сѣвера мутили славянское народонаселеніе. У финновъ болѣе чѣмъ у славянъ было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ, объ общеніи съ ними. Значеніе чародѣевъ и ворожей въ быту русскаго народонаселенія было весьма значительно; оттого вѣроятно, долгое время, въ теченіи пяти—шести столѣтій, съ волшебствомъ и чародѣйствомъ безплодно боролось христіанство [3]).

Обратимся къ обозрѣнію источниковъ и прослѣдимъ ходъ историческихъ явленій, которыми обусловливалось постоянное развитіе просвѣщенія въ обществѣ и соотвѣтственное съ нимъ развитіе понятій о личности.

Памятники древней Руси.

а) Языческіе обычаи русскихъ славянъ въ ссорахъ, дракахъ и играхъ: поединки, потѣшные и кулачные бои.

Бытъ русскаго народа, опоэтизированный въ былинахъ, представляетъ доблестныхъ богатырей, вступающихъ въ бой съ беззавѣтною отвагою, ради удальства, мести, поживы на чужой счетъ; или же, подобно древнимъ героямъ, русскіе богатыри жертвуютъ собою ради отчизны, за вѣру, за вдовъ, сиротъ и бѣдныхъ людей. Наши витязи бьются одинъ на одинъ.

Въ одиночныхъ бояхъ или поединкахъ русскіе герои бились, на коняхъ или пѣшіе, разнымъ оружіемъ: „палицами булатными“, „саблями острыми“, „копьями долгомѣрными“, а то и просто дубинами, напримѣръ новгородскіе богатыри, или въ рукопашку. У поединщиковъ былъ въ употребленіи также лукъ, рогатина и булатный ножъ.

---

[3]) *Соловьевъ*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ т. I, стр. 90, 91, 247. См. еще цитату 117 о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области, объяснявшихъ какимъ образомъ созданъ человѣкъ. По ихъ понятіямъ доброе или злое существо проистекаетъ изъ женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужское.

Одолѣвшій въ рукопашномъ бою поражалъ своего противника рогатиною, или же булатнымъ ножомъ. Но могъ дать ему и пощаду. Коренной русскій богатырь Илья Муромецъ почти во всѣхъ былинахъ представляется ловкимъ стрѣлкомъ [4]).

Въ законодательныхъ памятникахъ первое извѣстіе о „полѣ", т. е. „судебномъ поединкѣ" встрѣчаемъ въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича съ Ригою въ 1229 г. [5]). Русскимъ запрещается вступать на поединокъ съ *иностранцами* какъ въ русской землѣ, такъ и за ея предѣлами. „Но нѣмцы" т. е. иностранцы, могли рѣшать дѣло между собою поединкомъ, „князя это дѣло не касается" [6]). Изъ словъ договора, запрещавшаго смольянамъ вызывать на поединокъ нѣмецкихъ гостей „на полѣ въ Смоленскѣ", Бѣляевъ заключаетъ, что у смольянъ существовалъ обычай дѣлать такіе вызовы [7]). Бьющіеся на поединкѣ употребляли палки или дубину (палицу), сулицу или мечь. Палацкій въ исторіи чеховъ упоминаетъ о постановленіи Кунрата Ота въ XII столѣтіи, коимъ чехамъ запрещается употребленіе поединка *„развѣ только съ иностранцами* [8])". Слѣдовательно у чеховъ разрѣшалось биться съ иноземцами, у русскихъ же славянъ, напротивъ, биться съ иноземцами запрещалось. Но у тѣхъ и у другихъ славянъ съ XIII столѣтія, вѣроятно подъ вліяніемъ христіанства, стремились *вывести изъ употребленія поединокъ между своими.*

---

[4]) *В. П. Авенаріусъ* „Книга былинъ". С.-П.-Б. 1880 г. стр. 25, 256, 253, 102.

[5]) „Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права". Сбп. 1859 г., стр. 22: „роусснноу не звати латина на полѣ биться оу роускои земли; а латинникоу не звати роусина на полѣ оу Ризѣ и на Готьскомъ березѣ"; а въ 1230: „роусснноу же нельзѣ позвати немчина на поле смоленское, ни немчичю въ Ризѣ, на Готьскомъ березе".

[6]) Тамъ же стр. 22, 23: „Аже латинскии гость биеться мьжю съ бою оу роусской земли любо мьчемъ, а любо деревъмъ, князю то не надобе, мьжю събою судити". А въ варіантѣ 1230 г. названы „мечь" и „сулица".—Русскіе должны судиться между собою своимъ судомъ „отыравяться сами по своему суду", не только въ русской землѣ, но и за ея предѣлами: „въ Ризе на Готьскомъ березе".

[7]) *Бѣляевъ* „Поле". Москвитянинъ на 1855 г. №№ 13 и 14, стр. 35.

[8]) Ibid.,стр. 34, 35. „Dejiny národu Českého, ч. II, стр. 327.

Въ русской правдѣ не встрѣчаемъ названія „поле“, но въ ней упоминается о „желѣзѣ“, о „водѣ“. какъ объ особыхъ формахъ суда божія, а къ такому суду, какъ одна изъ его формъ, относится и судебный поединокъ или поле [9]). Такъ было вездѣ въ эпоху господства ордалій.

О рѣшеніи судебныхъ дѣлъ водою упоминаетъ извѣстный проповѣдникъ XIII стол. Серапіонъ: „Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утопати начнетъ, неповинепъ есть, аще ли попловетъ—волхвовь есть. Не можетъ ли дъяволъ, видя ваше маловѣріе, подержати да не погрузится, дабы въ вреши въ душегубство?“ Представителей православной церкви возмущали эти обычаи язычества: „Яко оставльше послушество боготвореннаго человѣка, идоста къ бездушну естьству, къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣванье божіе [10])“. И желѣзо, какъ судебное доказательство (договоръ Мстислава 1229 г.), употребляется въ крайнихъ случаяхъ [11]). Испытаніе водою, холодною или горячею, и желѣзомъ, какъ обычай языческаго суда божія, переходило въ законодательство христіанъ съ замѣною однако языческихъ обрядовъ, употреблявшихся при судѣ, обрядами христіанскими: передъ испытаніемъ водою дѣлали *заклинанія* и *освящали* ее, потомъ обвиняемаго бросали въ нее связаннаго и если онъ погружался на дно, то объявляли невиннымъ, если же всплывалъ

---

[9]) Ibid., стр. 35. См. *русскую правду*, по троицкому списку, ст. 17. 81, 82: „во всѣхъ тяжбахъ, въ татьбѣ и въ поклепѣ, когда не будетъ лица, то тогда дати ему желѣво изъ неволи до полугривны золота“; когда же цѣнъ былъ менѣе, до двухъ гривенъ серебра, „то на воду“. Цѣны же меньшей цѣнности рѣшались присягою (*Собр. важн. памятн. древ. рус. пр.*, стр. 54, 64, 65). Холопъ могъ быть допущенъ къ свидѣтельству по желанію истца только въ крайности, при отсутствіи свидѣтеля изъ лицъ свободныхъ. У чеховъ подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на раскаленномъ желѣзѣ, либо держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У сербовъ обвиненный долженъ былъ опустить руку въ раскаленный котелъ, либо выхватить желѣзо изъ огня при дверяхъ храма и отнести его къ алтарю. Подвергавшійся испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки: если онъ при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло, *Соловьевъ*, Ист. Рос. I, стр. 264, цит. 378. Авторъ полагаетъ, что здѣсь начало *пытки*.

[10]) *Бѣляевъ*, стр. 36. *Творенія св. отц.* Годъ 1, кн. 3. Прибав. стр. 202.

[11]) Ibid, стр. 36 *Русск. достопамятности* ч. II, стр. 235.

на поверхность воды—виновнымъ. Обычай бросать людей въ воду на *жертву* нѣкоему богу существовалъ съ древнѣйшихъ временъ и сохранялся долгое время у русскихъ славянъ послѣ принятія христіанства. При испытаніи же горячею водою испытуемый обязанъ былъ вынуть изъ сосуда съ кипяткомъ извѣстный предметъ.

Поединки, надо полагать, вели къ безпорядкамъ, къ нарушенію общественной тишины, ибо поединщики „польщики“ обращались за помощью къ *постороннимъ* и такимъ образомъ изъ частнаго боя легко воспламенялась общая драка. По существовавшему изъ древности обычаю въ Черногоріи, когда кто нибудь вызывалъ другаго на поединокъ (мейданъ), изъ мести или просто изъ удали, то часто случалось, что поединщики созывали на помощь къ себѣ и, когда вокругъ завязывался бой, удалялись [12]).

Запрещеніе призывать на помощь постороннихъ, особенно людей другой націи, мы видимъ въ текстѣ древнѣйшихъ европейскихъ военныхъ артикуловъ, коими разрѣшались поединки и драки.

Языческое происхожденіе потѣшныхъ игръ.

Новгородскіе *потѣшные бои* палицами или палками, о которыхъ упоминаютъ лѣтописцы, также весьма древняго происхожденія. Воспоминанія о бояхъ сохранялись въ народныхъ преданіяхъ и перешли въ новгородскія былины. Въ былинахъ про „Василія Буслаевича“ назначенъ бой его дружины съ новгородскими мужиками, т. е. съ горожанами, на *Волховомъ мосту* и здѣсь сплетается съ преданіемъ объ идолѣ Перунѣ, ввергнутомъ въ р. Волховъ. Въ густынской лѣтописи сказано, что когда въ 990 году въ Новгородѣ сверженъ былъ въ волховъ идолъ Перуна, то „единъ нѣкто человѣкъ верже на него палицею, онъ же, вземъ палицу, верже пею на мостъ и уби тамо мужей килка (нѣсколько). Порази же слѣпотою новгородцевъ, яко *оттолѣ* въ сіе время даже до

[12]) *Попов*ъ, Путешествіе въ Черногорію, стр. 145, 291; у Бѣлясева, стр. 37.

нынѣ (т. е. до XVII в.), въ *коеждо лѣто на томъ мосту люди собираются и, раздѣлившеся на двое, играюще убиваются* [13])".

Такъ упорно въ народномъ быту христіанъ сохранялись древніе языческіе обычаи.

Противъ бѣсовскихъ побоищъ или „неистовыхъ забавъ", какъ и противъ поединковъ, возставала церковь, а жившіе въ Новгородѣ нѣмецкіе гости просто побаивались этихъ „мужицкихъ" дракъ съ дреколіемъ.

Въ правилахъ владимірскаго собора 1227 г. сказано, что митрополитъ Кириллъ съ епископами новгородскимъ, ростовскимъ, переяславскимъ и полотскимъ [14]), опредѣлили: участниковъ *нечестивыхъ игръ съ дрекольемъ*, которыя сопровождались безчинствами и убійствами, отлучать „отъ святыхъ Божиихъ церковь, а оубіении да боудоуть прокляти въ сии вѣкъ и въ боудоущии". Противящихся по постановленію собора велѣно лишать христіанскаго погребенія: „Аще и оумретъ, то над нихъ не ходятъ иереи и службы за нихъ да не творятъ, ни положити ихъ близъ Божиихъ церковъ". Священника, не исполняющаго этихъ правилъ, лишать сана: „да боудетъ чюжь своего сана".

Въ составѣ предложеній (редакція которыхъ дошла до насъ на латинскомъ языкѣ), представленныхъ со стороны нѣмецкихъ уполномоченныхъ новгородскому правительству, при заключеніи съ нимъ договора 1270 г., находится статья, по которой на улицѣ между нѣмецкими торговыми дворами должна быть запрещена неистовая забава, въ коей люди бьются дреколіемъ. При этомъ указана и цѣль запрещенія:

---

[13]) Полн. собр. русск. лѣтопис. т. II, стр. 257, 258, 259, въ прибавл. *чет. лет.* и еще въ *Русск. Врем.* ч. 1, стр. 52: „Опь же (Перунъ), плюя сквозь *великій мостъ*, верже палицу свою и рѣче: на *семъ* мя поминаютъ новгородскія дѣти, *сею же* (добавляетъ лѣтописецъ) и нынѣ безумніи люди убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ". У *Бѣляева* стр. 41 и слѣд.

[14]) Изъ постановленій собора видно, что отъ временъ языческихъ (треклятыхъ еллинъ) сохранялись обычаи „въ Божественные праздники позоры нѣкаины бесовскыя творити, съ свистаніемъ и съ кличемъ и съ пѣлемъ сзывающе нѣкы скаредныя пьяница, и бьющеся дрьколіемъ до самыя смерти и пьзимающе отъ убиваемыхъ порты". *Русск. Дост.*, ч. I, стр. 115. У *Бѣляева*, стр. 42, замѣч. 2.

„чтобы русскіе и гости не имѣли повода къ ссорамъ“. Но статья эта очевидно не была принята Новгородомъ, такъ какъ ея въ договорѣ 1270 г. нѣтъ [15]).

Обычай языческихъ игръ въ XIII вѣкѣ распространенъ былъ не только между русскими славянами. Лѣтописецъ, разсказывая о битвѣ Даніила Романовича галицкаго съ Мендогомъ, между прочимъ, писалъ: „И ятвязи съ *сулицами* гонишась на поли подобно *игрѣ*“ [16]). Ятвяги были упорными язычниками и съ ними вели истребительныя войны сосѣдніе христіане: тевтонскіе рыцари, князья мазовецкіе и особенно князья галицкіе. У ятвяговъ бой нерѣдко рѣшался поединкомъ.

И такъ, до нашествія монголовъ русскимъ славянамъ, какъ и германцамъ, были хорошо извѣстны ордаліи, какъ различныя формы суда Божія, а въ томъ числѣ и поединокъ; вѣрили, что „божество“ было на сторонѣ праваго, и эту вѣру не могло поколебать у древнихъ славянъ принятіе христіанства и строгій запретъ духовенства.

Въ народныхъ обычаяхъ, сохранявшихся отъ временъ язычества, поддерживались потѣшные бои или игрища, съ которыми соединялись языческіе обряды; церковь вела борьбу съ этими обычаями, несогласными съ духомъ любви и кротости христіанской, и верховная власть готова была поддержать стремленія христіанскихъ іерарховъ, возставшихъ противъ боевъ съ палицами, противъ боевъ потѣшныхъ или игрищъ. Но ни церковь, ни верховная власть не могли искоренить въ русскомъ народѣ обычаевъ, стремившихся стать юридическими учрежденіями, чему ни мало не препятствовало татарское иго, остановившее надолго свободное развитіе общественной и государственной жизни.

Мы видѣли, что въ XIV и XV столѣтіяхъ у романскихъ

---

[15]) *Андреевскій*, О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. С.-П.-Б. 1855 г. См. примѣч. 91, на стр. 28. *Бережковъ*. О торговлѣ Руси съ Ганзой конца XV вѣка. С.-П.-Б. 1879 г. См. стр. 189—194.

[16]) *Карамзинъ*, Ист. госуд. росс. т. IV, стр. 90. Лѣтописецъ волынскій разсказываетъ о *поединкѣ* молодаго Льва Даніиловича съ начальникомъ ятвяговъ Стекиптомъ. *Даниловича*, Skarbnik, № 156. *Ярошевича*, Obraz Liwy, т. II, гл. I § 13.

и германскихъ племенъ поединки стали средствомъ своекорыстія, самоуправства и насилій. Тоже было и съ судебными поединками славянъ; рыцарскія игры, тоже что и кулачные бои, въ существѣ своемъ точно также были наслѣдіемъ языческихъ забавъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ видимъ замѣчательное сходство западныхъ народовъ съ тѣми славянами, которые направили свои силы на отдаленный востокъ Европы.

Въ XIV столѣтіи, существовавшій у западныхъ и южныхъ славянъ обычай судебныхъ битвъ, сдерживаемый ранѣе законами нѣкоторыхъ государей (напримѣръ у чеховъ), получилъ самобытное развитіе и опредѣленіе, болѣе или менѣе сходное съ германскими уставами. Въ чешскомъ „земскомъ уставѣ 1348 и 1355 г.г.“ въ сорока пунктахъ подробно описаны всѣ обряды и условія, относительно судебнаго поединка или по чешски *„забоя правнаго“* [17]). И эти обряды сопровождались обычаями языческими извѣстными русскимъ славянамъ.

Поле по судебникамъ Іоанна III и Іоанна IV.

Не смотря на раздробленіе Руси, обычай поля не исчезалъ и держался въ народномъ употребленіи. Это видно изъ словъ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ грамотъ XV столѣтія: „или поле ся коньчало, а то коньчати“ и проч. [18]), и изъ посланія митрополита Фотія къ новгородцамъ 1410 г., который подъ страхомъ лишенія священнаго сана запрещаетъ священникамъ причащать поединщиковъ и допускать ихъ къ крестному цѣлованію; убившій другаго на поединкѣ име-

---

[17]) „Wybor z Literatury Ceské“. Прага 1845 г. стр. 610—625. *Палацкій*, „Dejin. etc.“ ч. II, стр. 297. У *Бѣляева*, стр. 45.

[18]) *Бѣляевъ*, стр. 45. Псковская судебная грамота, договоры Москвы съ Рязанью. Собр. госуд. грам. и догов. I, грам. №№ 36 и 65. Въ уставной бѣлозерской грамотѣ 1488 г. судебный процессъ въ денежныхъ дѣлахъ разрѣшается вести *до поля*: „А побіются на полѣ, и намѣстники велятъ на виноватомъ истцово доправити, а на себя велятъ взяти противень противу истцова, а то имъ съ тіуны и съ доводчики за всѣ ихъ пошлины“. *Акты археограф. экс.* т. I, № 123 стр. 93.—Тутъ же упоминается о пошлинахъ намѣстнику, тіуну, доводчикамъ: „а досудятъ намѣстники и тіуны о рублѣ до поля, а восхотятъ ся помирити, и они дадутъ намѣстнику гривну, и съ тіуны и съ доводчики, за всѣ пошлины“.

нуется душегубцемъ, „въ церковь не входитъ, дары не пріемлетъ, ни богородицына хлѣба, причащенія святаго не пріиметъ *осмнадцать лѣтъ*“; убитый на поединкѣ лишается христіанскаго погребенія: „а убитого не хороните“ [19]). Языческая основа поединка сказывалась у русскихъ славянъ въ существованіи особаго класса *волхвовъ* и *чародѣевъ*, которые оказывали помощь польщикамъ „сатанинскими“ дѣлами; хотя объ участіи этихъ темныхъ силъ упоминается въ памятникахъ позднѣйшихъ (именно XVI столѣтія), но очевидно, что волхвы и чародѣи, существуя у славянъ съ древнѣйшихъ временъ, составляли у нихъ, какъ и у германцевъ, неотъемлемую, хотя и не гласную силу „судебнаго поединка“. Съ чародѣями, волхвами, вѣдунами, ворожеями русскіе польщики заключали условія и отъ нихъ ожидали помощи въ заклинаніяхъ и заговорахъ; православная христіанская религія ничего не могла сдѣлать, чтобы искоренить языческій обычай вывести чародѣйство, какъ господствующу силу въ рѣшеніи дѣлъ по „суду божію“. Мало того, съ объединеніемъ московской Руси подъ скипетромъ Іоанна III, „обычай поля“ въ тяжбахъ пріобрѣлъ государственное значеніе: судебникъ Іоанна III, 1497 года, опредѣляетъ условія поля въ статьяхъ: „о полевыхъ пошлинахъ“, „о судѣ городскомъ“, „о послушествѣ [20])“. Московское государство, не взирая на неодобреніе духовенства, пользуется народнымъ обычаемъ для обложенія поединщиковъ пошлиною въ пользу своихъ чиновниковъ. Такимъ образомъ польщики, по „отеческому обычаю“, съ одной стороны негласно обязывались болѣе или менѣе значительною платою волхвамъ и чародѣямъ, а съ другой—официально облагались узаконенною пошлиною въ пользу окольничаго, діака и недѣльщика (въ Москвѣ), намѣстниковъ или ихъ тіуновъ и доводчиковъ (въ областяхъ).

---

[19]) *Вильевъ*, стр. 45, 46: „а который попъ хоронитъ, тотъ поповства лишенъ“. Въ цитатѣ у автора не вѣрна ссылка: въ актахъ подъ стр. 426 значится „гаможенныя грамота Соловецкаго монастыря“ 1591 г.

[20]) *Судебникъ* в. к. *Іоанна Васильевича*. „Собр. важн. пам. по ист. древ. русскаго права“, стр. 169, 170, 178, 182, 185, 186.

Повидимому торжество поединка дошло до полнаго апогея въ началѣ XVI стол., т. е. вскорѣ послѣ признанія этой формы процесса обязательною для московскаго государства.

Герберштейнъ, въ запискахъ о Московіи „Rerum Moscoviticarum commentarii", говоря о судопроизводствѣ по великокняжескому судебнику, въ описаніи своемъ о поединкахъ, какъ *обычаѣ отечественномъ*, дополняетъ его нѣкоторыми любопытными данными, почерпнутыми изъ практики.

Мѣсто поединка „поле" назначали *окольничій* (ocolnik) и *недѣльщикъ* (nedelsnik), которые, равно какъ и судья (бояринъ) и писецъ, получали опредѣленную пошлину [21]). Слѣдуетъ замѣтить, что передъ начатіемъ боя недѣльщикъ отводилъ опредѣленное пространство и обносилъ его веревкою, за что получалъ плату, которая носила названіе „вязчее", независимо отъ пошлины, „да недѣльщину-жъ *вязчего* 4 алтынъ" (судеб. Іоанна III). Къ рѣшенію дѣла „полемъ" прибѣгали не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ [22]). „Если поединокъ совершается по причинѣ какого нибудь пожара, убійства друга, похищенія или кражи, обвинитель, если побѣдитъ, имѣетъ получить то, о чемъ просилъ; окольничему дать полтину и оружіе побѣжденнаго, писцу пятьдесятъ денегъ, недѣльщику полтину, *вестону* (?) (vestou—тотъ, который предписываетъ условія и сводитъ обѣ стороны на поединокъ) *четыре алтына*; все оставшееся у побѣжденнаго слѣдуетъ

---

[21]) „Окольничій представляетъ собою *претора*, т. е. судью, поставленнаго княземъ; этимъ же именемъ также называется высшій совѣтникъ, находящійся постоянно при князѣ. Недѣльщикъ у нихъ—общественная должность; недѣльщики призываютъ въ судъ людей, схватываютъ злодѣевъ и держатъ ихъ въ темницѣ; они принадлежатъ къ числу благородныхъ". *Герберштейнъ*, въ переводѣ Анонимова, стр. 85. Въ статьѣ „о полевыхъ пошлинахъ" установлено количество таковыхъ: когда „досудятся до поля, а у поля *не стоявъ* помирятся", когда „у поля стоявъ помирятся", „когда побіются на полѣ въ заемномъ дѣлѣ", „когда побіются на полѣ въ пожегѣ, или въ душегубствѣ, или въ разбоѣ, или въ татьбѣ". Судеб. Іоанна III, стр. 169, 170. У чеховъ мѣсто поединка называлось „шранкомъ" отъ нѣмецкаго Schrank.

[22]) Полемъ дозволялось рѣшать дѣла: заемныя отъ рубля и выше, бой или оскорбленіе и увѣчье, поджогъ, душегубство, разбой и даже тяжбы о поземельномъ владѣніи. *Бѣляевъ*, стр. 47.

продать и отдать судьямъ, самого же (побѣжденнаго) подвергнуть тѣлесному наказанію по мѣрѣ преступленія“ [23]).

Самый поединокъ, какъ видно изъ описанія Герберштейна, происходилъ такимъ же точно образомъ, какъ и у скандинавскихъ народовъ, вообще у германцевъ. Тотъ же порядокъ соблюдали и западные славяне, напр. чехи. Только у русскихъ, какъ кажется, не было многихъ мелочныхъ формальностей и предварительныхъ преній. Когда вызванные истцомъ *свидѣтели* [24]) показывали противъ обвиняемаго, то послѣдній, по отечественному обычаю, требовалъ *присяги*, *поля* и *поединка* и ввѣрялъ свое дѣло „правдѣ божіей“.

„Каждый изъ нихъ, говоритъ Герберштейнъ, можетъ поставить на поединокъ кого нибудь другаго [25]); также каждый можетъ взять себѣ какое угодно оружіе, *пищаль и лукъ*“ [26]). Поединщики наши были обременены крайне тяжелымъ вооруженіемъ и большею частью пускали въ дѣло „сулицу“ (желѣзную палицу съ обоихъ концовъ заостренную), которою

---

[23]) Въ судебникѣ Іоанна III: „ино на *убитомъ* исцево доправить, да окольничему на *убитомъ* полтина да доспѣхъ, а діаку четверть (т. е. 50 денегъ), а недѣльщику полтина, да недѣльщику-жъ вячего 4 алтына (т. е. 24 деньги); а *самъ убитой* въ казни и въ продажѣ боярину и діаку“. У Герберштейна „вестону“ опредѣлялось вячего 4 алтына, и такое же количество окольничему по судеб. Іоанна III.—„*Убитый*“ *не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ*. Въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ „битый“.

[24]) Окольничій и діакъ, пріѣдя на мѣсто поединка, спрашивали ищей и отвѣтчиковъ: „кто за ними стрячен и поручники?“. Названные ими свидѣтели обязаны были присутствовать безъ оружія, „а доспѣху, и дубинь, и ослоновъ стрячимъ и поручникомъ у себя не держати“. *Судеб. Іоанна III, стр. 186.*

[25]) Такого называли „наймитомъ“; см. „о послушествѣ“. Судеб. Іоанна III: „А противу послуха отвѣтчикъ будетъ старъ или малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или черница, или жонка, ино противу послуха наймитъ наняти вольно, а послуху наймата нѣтъ“... „А на комъ чего взыщетъ жонка, или дѣтина малъ, или кто старъ, или немощенъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или черница, или кто отъ тѣхъ въ послушествѣ будетъ, ино наймита наняти вольно; а истцомъ или послуху цѣловати, а наймитомъ битися; а противу тѣхъ наймитовъ истцу или отвѣтчику наймитъ-же; а въсхочетъ и онъ самъ біется на полѣ“.

[26]) О вооруженіи и снаряженіи поединщиковъ въ судеб. Іоанна III ничего не сказано. Подробности вооруженія по Герберштейну изложены нами на стр. 269 „*Арт. Воин.*, вып. 2“.

русскіе искусно владѣли. „Начинаютъ бой сперва копьемъ, потомъ употребляютъ въ дѣло другія оружія (сулицу, топоръ). Въ продолженіе многихъ лѣтъ московиты, бившіеся съ иностранцами, съ германцами, поляками или литовцами, были побѣждаемы. Когда же весьма недавно, одинъ литвинъ, 26 лѣтъ отъ роду, былъ убитъ на поединкѣ съ однимъ московитомъ, который вышелъ побѣдителемъ болѣе чѣмъ изъ двадцати поединковъ, то князь разгнѣвался (sic) и приказалъ немедленно призвать его, чтобы на него посмотрѣть. Увидѣвъ его, онъ плюнулъ на землю и постановилъ впредь не назначать поединка между иноземцемъ и своимъ подданнымъ“. Иноземцы опасались схватываться съ русскими въ рукопашную, и старались одолѣть искуствомъ и проворствомъ нападеній; напротивъ, русскіе, будучи сильны руками и мышцами, отличались силою ударовъ. На поединкѣ (вѣроятно за чертою, внѣ круга, какъ и у германцевъ) присутствовали друзья и доброжелатели обѣихъ сторонъ, обыкновенно съ дубинами, которыя пускали въ ходъ отъ времени до времени: „Ибо, если доброжелатели одного изъ бойцовъ увидятъ, что ему дѣлается какая нибудь обида, то тотчасъ бѣгутъ для отраженія этой обиды; тоже дѣлаетъ и другая сторона, и такимъ образомъ между ними происходитъ схватка, интересная для зрителей, потому что дерутся въ потасовку, кулаками, батогами и дубинами съ обожженнымъ концомъ [27])“.

Герберштейнъ, описывая наше поле, какъ любопытное явленіе, даже и не вспоминаетъ о судебномъ поединкѣ у своихъ соотечественниковъ, который еще существовалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Европы въ началѣ XVI вѣка.

Въ судебникѣ Іоанна III предписывалось отгонять отъ поля „опричныхъ людей“, т. е. постороннихъ, а сопротивляющихся подвергать штрафамъ и привлекать къ суду. Но этотъ запретъ, какъ видно, не всегда исполнялся и поединокъ обращался въ общую свалку [28]). Припомнимъ, что въ нѣмецкихъ

[27]) См. объ этомъ у *Флемминга* „Der vollk. Teutsche Soldat“. *Герберштейнъ*, стр. 81—84.

[28]) „А которые имуть опричные у поля стояти, и окольничему и діаку тѣхъ

военныхъ артикулахъ призывать на помощь во время драки людей другой *націи* воспрещалось подъ угрозою смерти [29]).

Въ актахъ первой половины XVI стол. (археологической экспедиціи, въ историческихъ и юридическихъ) встрѣчаемъ частыя упоминанія о полѣ въ дѣлахъ о поземельной собственности. Истецъ и отвѣтчикъ, при опредѣленіи границъ своихъ владѣній, призывали свидѣтелей; свидѣтели той или другой стороны доказывали, всякому оспаривающему, справедливость своихъ показаній полемъ, такъ что свидѣтели истца бились на полѣ не только съ свидѣтелями отвѣтчика, но и съ самимъ отвѣтчикомъ, или обратно—истецъ бился съ свидѣтелями отвѣтчика. До какихъ размѣровъ развивались вызовы на поединокъ свидѣтельствуетъ тяжба Ѳерапонтова монастыря съ крестьянами сосѣдней Есюнинской волости въ 1534 году. По поводу спора за межу, которую перешли на монастырской землѣ, стали косить сѣно и рубить лѣсъ, обѣ стороны представили свидѣтелей и при первомъ же показаніи свидѣтели монастырскіе разошлись со свидѣтелями общины; затѣмъ каждая сторона заключала свои рѣчи просьбою судьи: „дай намъ, господине, съ ними въ томъ Божію правду; цѣлуемъ, господине, крестъ да *лъземъ съ ними на поле битисъ*“ [30]).

Такимъ образомъ споръ обращался въ сущности въ организованную драку, гдѣ обѣ стороны выставляли наемныхъ бойцовъ, т. е. *наймитовъ*, а тѣ въ свою очередь заручались заклинаніемъ чародѣевъ. И тѣхъ и другихъ отыскивать было не трудно за деньги: они напередъ знали: когда, кому и гдѣ присуждено было поле. Промышляя своимъ искуствомъ, наймиты, волхвы, ворожеи и чародѣи предлагали свои услуги за извѣстную сумму истцу и отвѣтчику. Польщики, *поцѣловавъ крестъ*, всегда чувствовали потребность въ наймитахъ и влеченіе къ чародѣямъ и волхвамъ и затѣмъ уже лѣзли въ

отслати прочь; а не пойдутъ опричные люди прочь, и окольничему и діаку на тѣхъ велѣти исцово доправите и съ поплинами, да велѣти ихъ на поруку да поставити передъ великими княземъ“. *Судеб. Іоанна III*, стр. 186, 187.

[29]) Ср. воинские артикулы: шведскій, датскій, имперскій XVI и XVII стол.

[30]) Акты юридическіе № 20, у *Бѣляева*, стр. 47, 48.

драку. Таковъ былъ „отеческій обычай“, гдѣ преданія языческой старины перепутывались съ христіанскими понятіями, и „Божья правда“, судъ Божій, сопровождаясь клятвою на крестѣ, искала опоры въ сатанинскихъ дѣйствіяхъ заклинателей!...

Но этого мало. Іоаннъ IV, въ своемъ судебникѣ 1550 г., еще болѣе развилъ регламентацію „поля“, какъ судебнаго доказательства, къ которому неизбѣжно должны были обращаться тяжущіеся въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ. Судебникъ 1550 г. заботится главнымъ образомъ объ извлеченіи выгодъ изъ суевѣрнаго „отеческаго обычая“, какъ и вообще изъ судопроизводства, для вознагражденія чиновниковъ и пополненія государевой казны. Хотя за лишніе поборы судебникъ угрожалъ тройнымъ штрафомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ оговорку: „а обыщется то, что жалобникъ солгалъ, и того жалобника казнити торговою казнію, да вкинути въ тюрму“ [31]). Легко судить, какъ невыгодны были жалобы тяжущихся на неправедные поборы боярина и дьяка, окольничаго, дворецкаго, казначея и всякихъ судей и подъячихъ (въ провинціи намѣстника, волостеля ихъ тіуновъ и др.), болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ вопросу о поединкахъ. Убитый, т. е. побитый на полѣ, долженъ былъ расплачиваться на всѣ стороны: „на убитомъ (т. е. битомъ) истцово доправити; окольничему на убитомъ полтина, да за доспѣхъ убитаго три рубля, а діаку четверть рубля, а недѣльщику полтинажъ, да недѣльщикужъ вязчего четыре алтына безъ дву денегъ. А убитаго дати на поруку: какъ его государь попытаетъ, ино его поставити передъ государемъ; а не будетъ по немъ поруки, ино его вкинути въ тюрьму, доколѣ по немъ порука будетъ“ (ст. 22).

---

[31]) „Судебникъ царя и великаго князя Іоанна Васильевича, 1550 г., какъ судити бояромъ, и окольничимъ, и дворецкимъ, и казначеемъ, и діякамъ, и всякимъ приказнымъ людемъ, и по городомъ намѣстникомъ, и по волостемъ волостелемъ и ихъ тіуномъ, и всякимъ судіямъ“. О поли ст. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19.

Хотя русское законодательство старалось уравновѣсить внѣшнія средства поединщиковъ, т. е. ихъ силу и искуство, „а бой полщиковъ давати ровенъ“ [32]), а обычаи требовали уравненія и внутреннихъ качествъ бойцовъ [33]), однакожъ полевой процессъ во всѣхъ отношеніяхъ представляется судомъ неправеднымъ, въ высшей степени разорительнымъ, особенно для побѣжденнаго. Онъ развивалъ классъ людей темныхъ: волхвовъ, ябедниковъ, питалъ суевѣріе въ массахъ и плодилъ неурядицу. Поле стали назначать по суду даже и тамъ, гдѣ можно было рѣшить дѣло миролюбиво или инымъ способомъ, ибо въ этомъ дѣлѣ непосредственно заинтересованы были и производители суда, и тѣ темные люди, для которыхъ поединокъ служитъ предметомъ наживы, т. е. наймиты и всякаго рода чародѣи. „Повелѣно, говоритъ Максимъ Грекъ, объ оружіи разсудитися тяжбѣ, взыскуется отъ обою добробравенъ полевщикъ, взыскуется отъ обидящаго и чародѣи ворожея, ижъ возможетъ дѣйствомъ сатанинскимъ пособити своему полевщику“. Чуткій ко всѣмъ современнымъ злоупотребленіямъ, Максимъ Грекъ, въ словѣ о *Божіемъ промыслѣ, благости и человѣколюбіи*, возсталъ противъ поединка,

---

[32]) Между прочимъ Максимъ Грекъ по поводу судебнаго поединка писалъ еще слѣдующее: „Сіе Божіе праведное повелѣніе отрицающе, иже у насъ властеліе и судіе, желаніемъ корыстованія, аще и весь градъ предстанетъ вопіющь и свидѣтельствующь на обидѣвшаго, никако же внемлютъ имъ; но оружіи и *браньми множайшими* велятъ разсудитися обидящему и обидимому, и иже аще множайшими браньми побѣдитъ, той правъ судится у нихъ, аще обидѣвъ будетъ“. *Рукоп. библ. Троицкой лавры*, ст. 49 и 177 и друг.; у *Бѣляева*, стр. 59. „А битися на полѣ бойцу съ бойцомъ, или небойцу съ небойцомъ, а бойцу съ небойцомъ не битися, но имъ на полѣ битися и пр.“. *Судеб. Іоанна VI*, ст. 14.

[33]) Въ одномъ изъ судныхъ дѣлъ 1505 г. сказано: „И Иванъ да Юрій Лупевы, да Митя Шпатовъ такъ рекли: мы, господине, съ ними на поле битися не лѣземъ; а поставятъ, господине, противъ насъ дѣтей боярскихъ, и мы, господине, противъ дѣтей боярскихъ биться лѣземъ“. *Бѣляевъ*, стр. 50. Тутъ же приведены права лицъ на рѣшеніе тяжбы поединкомъ въ чешскомъ правѣ. Биться на поединкѣ могли только равные по рожденію, низшій же съ высшимъ могъ биться только тогда, когда этого хотѣлъ самъ высшій, въ противномъ случаѣ высшему по рожденію предоставлялось право доказывать свою невинность присягою надъ крестомъ. Люди благородные бились мечами со щитомъ; люди низшаго класса—палками (Kyji) со щитами великими“. *Тамъ же*, стр. 51.

поддерживаемаго лихоимствомъ: „корыствованія бо для неправеднаго и лихоимства несытнаго умыслися вамъ сицево богомерзко судилище“. Въ такомъ судѣ обиженный убогій обвиняется, а богатый обидчикъ оправдывается „мзды ради“. Но голосъ Максима Грека тогда не имѣлъ рѣшительнаго вліянія, хотя въ глубинѣ души многіе признавали его справедливость и самъ Іоаннъ Грозный, утвердивъ судебникъ въ 1550 г., въ слѣдующемъ же 1551 г. на Стоглавомъ соборѣ московскомъ, въ предложенномъ на разрѣшеніе вопросѣ, выразилъ негодованіе на волхвовъ и чародѣевъ, которые своими бѣсовскими поученіями оказывали пособіе тяжущимся: „на тѣ *чарованія надѣяся*, поклепца и ябедникъ не миритца, и крестъ цѣлуютъ, и на полѣ биютца и, поклепавъ, убиваютъ“ [34]). Но соборъ въ своемъ отвѣтѣ не пошелъ далѣе совѣтовъ. Онъ предлагалъ запретить чародѣйства при полѣ, и самъ наложилъ на чародѣйниковъ и принимающихъ ихъ запрещенія по церковнымъ правиламъ и представилъ ходатайство о томъ, чтобы не принуждать къ полю священниковъ и иноковъ, а довольствоваться отъ нихъ обыскомъ [35]).

Чародѣевъ и волшебниковъ, повидимому, не удалось извести, съ ними мы встрѣтимся еще въ XVII столѣтіи. Но „поле“ должно было прекратить свое существованіе еще въ концѣ XVI столѣтія.

Лѣта 7064 (1556 г.) августа въ 21 день, царь всея Руси приговорилъ со всѣми бояры: дѣла, которыя могутъ быть разрѣшены судомъ по обыску и свидѣтельскими показаніями

---

[34]) *Стогл. гл. 41*, вопр. 1—7. У *Бѣляева*, стр. 60.

[35]) *Стогл. гл. 41.* Отвѣтъ на вопр. 17 „О свят. и судѣ“. Акты археолог. экси., т. I, № 229 стр. 221: „а бояромъ къ полемъ и къ цѣлованью попомъ не присужати, обыскивати о всякихъ дѣлѣхъ обыскомъ“.—См. въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства“ *И. Д. Бѣляева*, изд. 1879 г. „О суевѣріяхъ“, стр. 547—549. Чародѣи и волхвы, прельщая народъ разными еретическими хитростями, предлагали поединщикамъ свои кудесническія пособія и по аристотелевымъ вратамъ и рафлямъ и звѣздамъ, показывали счастливые и несчастливые часы, прельщали людей, оттого и ябедники, надѣясь на кудесничество, не мирились, выходили на бой и побивались.

(„послушествомъ“), *вершити безъ поля и безъ цѣлованія*. „А досудятся въ которомъ дѣлѣ до поля, а станетъ бити челомъ отвѣтчикъ, что ему стояти у поля не мочно, чтобъ присудили крестное цѣлованіе: *ино поле отставивати*, а дати на волю истцу, хочетъ самъ поцѣлуетъ, или ему дастъ. А учнетъ бити челомъ ищея, ино потому жъ дати отвѣтчику на волю“ [36]). Съ того времени мѣстами началась отмѣна поединка.

Такъ, въ уставной двинской грамотѣ (сентябрь 1556 г.) читаемъ: „А судити выборнымъ судьямъ христьянъ по ихъ животомъ и по нашей уставной грамотѣ; . . . . *а судити имъ и сыскивати во всякихъ дѣлѣхъ и управа чинити безъ поль* [37]).

Въ другихъ грамотахъ, напримѣръ, уставныхъ Троицкаго монастыря, о полѣ упоминается даже въ 1590 году [38]). Во всякомъ случаѣ, въ концѣ XVI столѣтія „поле“ постепенно отмѣняется, какъ бы само собою начинаетъ угасать и въ началѣ XVII вѣка, кажется, совершенно исчезаетъ.

Упраздненіе поля, какъ судебнаго доказательства, повело къ усиленію наказаній свидѣтелей за ложныя показанія. Поле, какъ мы знаемъ, кормило не однихъ только приказныхъ людей, оно кормило наймитовъ, волхвовъ и чародѣевъ. Съ прекращеніемъ поля въ государствѣ сталъ развиваться классъ „ябедниковъ“, крайне не симпатичный въ народной памяти. Ябедники, говорятъ памятники наши, являлись въ суды по найму и проводили своихъ довѣрителей „лгали, говорили не по дѣлу, лаяли, оттягивали судъ“. И такихъ злыхъ людей,

---

[36]) „Собр. важн. пам. по истор. древн. русскаго права“, стр. 273 и слѣд., II, 1, 8, 15. За ложныя показанія свидѣтелей опредѣлено наказывать какъ и въ разбойныхъ дѣлахъ, а именно—бить кнутомъ. Когда число солгавшихъ свидѣтелей будетъ значительное, то кнутомъ наказывали 5% или 6%. Бояре, дворяне и дѣти боярскіе отвѣчаютъ за ложныя показанія своихъ крестьянъ.

[37]) Ак. археогр. эксп. I, № 250, стр. 272. Тоже и въ судн. грамотѣ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. *Бѣляевъ*.

[38]) По мнѣнію Бѣляева (стр. 60 и 61), мѣстныя отмѣны поединка начались съ 1556 г.: уст. двинская грамота, въ акт. арх. эксп. т. I № 250, стр. 272; судн. грамота удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. Напротивъ, въ устав. грамотахъ для селъ Троицкаго монастыря 1560, 1580, 1590 встрѣчаются упоминанія о полѣ. Акт. археогр. эксп., т. I, стр. 278, 372, 420 №№ 255, 308 и 347.

послѣ наказанія кнутомъ, ссылали въ украинскіе города — Сѣвскъ и Курскъ. Само правительство готовило въ степяхъ горючій матеріалъ для смутнаго времени. И этими ябедниками были дѣти боярскіе и боярскіе холопы [39]).

Никакого не можетъ быть сомнѣнія, что распространеніе огнестрѣльнаго оружія со второй половины XVI столѣтія было главною причиною упраздненія „поля", какъ судебнаго доказательства. Смертоносное оружіе поражало безъ разбора и сильнаго, и слабаго и богатаго, и бѣднаго. Теперь наймиты и чародѣи должны были обратиться къ иному, болѣе безопасному, но не менѣе прибыльному промыслу, и въ этомъ они нашли поощреніе въ суевѣріи общества XVII столѣтія [40]).

---

[39]) Многіе холопи боярскіе ходятъ въ доводахъ за своихъ государей (т. е. господъ) и *наймуются* въ судѣхъ у иныхъ, а *ябедами и кромолами люди проторятъ*, въ жалобищахъ пишутъ иски великіе и, что не довелося въ судѣхъ, лгутъ и говорятъ не по дѣлу, оттягая судъ, чтобъ надолго не вершити, или составляютъ кромолы, поминая иныя прежніи дѣла „лаю";.. а тѣмъ злымъ людемъ, *дѣтямъ боярскимъ и холопямъ* и иныхъ чиновъ людемъ казни нѣтъ: и государь царь, что въ томъ укажетъ *Док. 1582 г.* Въ приговорѣ своемъ царь указалъ: ябедниковъ, кромольниковъ и составщиковъ по прежнимъ уложеніямъ не щадити; *холопій боярскихъ*, когда въ судѣ будетъ говорить не по дѣлу, *бивъ кнутомъ* отъ суда отсылати и впредь къ суду не пущати. А буде лаялъ—*бивъ кнутомъ доправить безчестіе безъ суда.* А назоветъ кого воромъ или кромольникомъ и не доведетъ, самого казнити смертью, а кто въ судѣ лжетъ и составитъ ябеду ино того казнити *торговою казнью, да написати въ казаки въ украйные городки Сѣвскъ и Курскъ.* А наемнаго доводчика, который на судѣ продастъ, взявъ деньги не договоритъ, казнити *смертью*, а кто подкупитъ—казнити *торговою казнію.*—Точно также установлены суровыя наказанія и на *дѣтей боярскихъ*, которыя бѣгая отъ службы, ходятъ въ суды за другихъ, занимаются ябедою, подаютъ великіе иски, а миряться на маломъ. Такъ, за составъ и кромолу *торговая казнь и ссылка въ казаки въ украинскіе города*, а помѣстья и вотчины взявъ раздати роду его, а не будетъ ему рода—отдать безпомѣстнымъ. Съ судей (бояръ, намѣстниковъ, казначеевъ, дьяковъ), покровительствующихъ *ябедникамъ*, взяти истцовъ искъ, пошлины и проторя, а въ искѣ, что государь укажетъ. *Лѣта 7090* (1582 г.) марта въ 12 день. „Собр. гакн. памят. по истор. русскаго права" стр. 309—312.

[40]) Мѣста, гдѣ происходили судебные поединки, до сихъ поръ сохраняются въ названіи разныхъ урочищъ, селъ и деревень словомъ *майданъ* или *мейданъ*, что на восточныхъ языкахъ означаетъ „поле". Извѣстно, что у сербовъ и болгаръ до сихъ поръ мейданъ именно означаетъ „поединокъ". *Бѣлясовъ*, стр. 52 замѣтка *П. А. Безсонова.*

Потѣшные и кулачные бои.

Какъ *потѣшные* бои съ древоліемъ, противъ которыхъ, какъ противъ обычая языческаго „эллинскаго", возставало духовенство, лишавшее бойцовъ христіанскаго погребенія, что видно изъ слѣдующаго мѣста густынской лѣтописи: „порази же слѣпотою новгородцевъ, яко оттолѣ (т. е. съ X вѣка) *въ сіе время даже до нынѣ* въ каждо лѣто на томъ мосту (Волховскомъ) люди собираются и, *раздѣлъшеся надвое, играюще* убиваются",—такъ и *кулачные бои*, зачастую оканчивавшіеся смертоубійствомъ, имѣли, повидимому, тотъ же характеръ.

Подобно турнирамъ нѣмцевъ, кулачные бои русскихъ имѣли характеръ любимой *забавы* или *потѣхи*. На особенно отведенномъ мѣстѣ, называемомъ „поле", собирался народъ, и молодежъ публично вступала въ *единоборство*, показывая свою удаль и силу. Вотъ что разсказываетъ о такихъ забавахъ въ XVI столѣтіи баронъ Герберштейнъ [41]). „Въ праздничные дни молодые люди и мальчишки обыкновенно собираются въ городѣ на обширное и извѣстное всѣмъ (celebris) мѣсто, чтобы всѣ ихъ могли видѣть и слышать. Ихъ сзываютъ, подавая сигналъ свистомъ. Поэтому, сигналу они немедленно сходятся и вступаютъ въ рукопашный бой. Начинаютъ бой кулаками, и вскорѣ съ большою яростью колотятъ руками и ногами безъ разбору лицо, шею, грудь, животъ и дѣторолныя части, или споря между собою о побѣдѣ, стараются какимъ бы то ни было образомъ повалить другъ друга, такъ что часто уносятъ нѣкоторыхъ оттуда мертвыми. Кто побѣждаетъ большее число противниковъ, больше остается на мѣстѣ и мужественнѣе переноситъ удары, того хвалятъ передъ другими и онъ считается славнымъ побѣдителемъ. Этотъ родъ борьбы установленъ для того, чтобы юноши привыкли сносить побои и переносить терпѣливо всякіе удары".

Въ теченіи XVI столѣтія кулачные бои были еще въ большой модѣ, они забавляли суроваго царя Іоанна Ва-

---

[41]) *Барона Герберштейна* Записки о Московіи, „Rerum Moscovit. Comment". стр. 80 и 81.

сильевича. Всѣмъ извѣстна былина, воспѣтая знаменитымъ поэтомъ. Пространство для боя и для поединка обозначалось веревкою или цѣпью [42]).

Кулачные бои церковь относила также къ языческимъ забавамъ, считая ихъ, „эллинскою“ потѣхою, и въ XVII столѣтіи они подвергались энергическому запрещенію наравнѣ съ иными бѣсовскими забавами, а участники ихъ преслѣдовались наравнѣ съ ворожеями.

б) Личныя оскорбленія по русской правдѣ, разнымъ уставамъ и судебникамъ.

Первоначальные древнѣйшіе русскіе законы о личныхъ оскорбленіяхъ заимствованы изъ византійскихъ и скандинавскихъ источниковъ [43]). Въ уставѣ Владиміра къ церковному суду отнесены: а) *оскорбленія дѣйствіемъ ближайшихъ родственниковъ:* „зубояжа или сынъ отца біетъ илі матерь дочька біетъ, или свекровь“, б) *сквернословіе и брань:* „кто уречется сквернымі словы и прилагая отца и матерь, или сестры, или дѣти“, „*уреканій три:* б....., и зеліи и еретичествомъ“, и в) *волхованіе* и *чародѣйство:* „вѣдовьство, потвори, чародѣаніе, въихъвованіе, зелничьство“. Тотъ же церковный уставъ въ редакціи Ярослава, при опредѣленіи взысканій за обиду женщины, различаетъ сословія: „Аще кто пошибаетъ боярскую дочку или боярскую жену: за *соромъ* ей 5 гривенъ золота, а меньшихъ бояръ—гривна зо-

---

[42]) „И велѣлъ (царь Иванъ Васильевичъ) растянуть цѣпь серебряную, чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную. Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ для *охотницкаго боя, одиночнаго*“. *Лермонтовъ.*

[43]) Второй отдѣлъ устава Владиміра—*правила о церковныхъ судахъ* составленъ по византійскому номаконону; послѣдній служилъ образцомъ первому. Уставъ этотъ служилъ источникомъ для всѣхъ послѣдующихъ уставовъ, опредѣлявшихъ отношеніе церкви къ обществу; на него ссылается московскій соборъ 1556 г. *Бѣляевъ* „Лекціи по истор. рус. права“, стр. 207, 209. Въ русской правдѣ встрѣчаемъ заимствованія изъ скандинавскихъ законовъ, см. В. Утина „Ueber die Ehrenverletz“. стр. 19 и приводимыя имъ цитаты. Русская правда, передѣланная на русскій ладъ, свидѣтельствуетъ о тѣхъ юридическихъ вѣрованіяхъ, коими жило русское общество того времени. *Бѣляевъ*, стр. 219.

лота, а нарочитыхъ людей три рубля; а простой чади— 15 гривенъ". Еще опредѣленнѣе это различіе установлено за оскорбленіе женщины (мужней жены) названіемъ „б.....": за жену великихъ бояръ—за соромъ ей 5 гривенъ золота, а будетъ меньшихъ бояръ—за соромъ ей 3 гривны золота, а будетъ городскихъ людей—за соромъ ей три гривны серебра, а сельскихъ людей—за соромъ ей гривна серебра [44]). Таже плата назначалась въ пользу митрополита. Кромѣ того, за обиду болѣе тяжкую опредѣлялось уголовное наказаніе по распоряженію свѣтской власти: „а князь казнитъ".

Въ древнѣйшихъ законахъ, заимствованныхъ изъ Византіи, мы уже встрѣчаемся съ оскорбленіемъ словомъ (поноснымъ, оскорбительнымъ) и подобныя оскорбленія подлежали разбирательству духовной власти.

Въ русской же правдѣ, которая, за малыми исключеніями, отличается чисто славянскимъ характеромъ, оскорбленіе словомъ, напримѣръ брань, не считалась личною обидою, по крайней мѣрѣ о такой обидѣ въ ней не упоминается. Въ русской правдѣ разбираются различнаго рода побои и тѣлѣсныя поврежденія, на которыя оно смотритъ, какъ и въ статьяхъ объ убійствѣ, какъ на права частной мести. Обиженному предоставлялось на выборъ—или мстить обидчику или взыскать съ него деньги за *обиду*, за *соромъ*, т. е. за безчестье [45]).

---

[44]) Собр. важн. памят. по истор. древн. русск. права, стр. 396, 399, 401.

[45]) Законы о личныхъ оскорбленіяхъ по русской правдѣ разсмотрѣны Б. Утинымъ, Н. Лапге и Бѣляевымъ въ вышеназванныхъ сочиненіяхъ. По мнѣнію Бѣляева (лекціи стр. 231), статьи о личныхъ оскорбленіяхъ въ русской правдѣ изданы въ отмѣну статей уднаго закона, несогласныхъ съ духомъ общества. Въ нихъ поддерживается право мести; но Ярославъ не могъ уже вполнѣ отрѣшиться отъ византійскаго права и обратиться къ старымъ русскимъ обычаямъ. По старымъ русскимъ обычаямъ въ дѣлахъ по личнымъ оскорбленіямъ судебными доказательствами были знаменіе (знаки отъ побоевъ) и рота (присяга). Ярославъ отмѣнилъ роту и ввелъ новое судебное доказательство, чисто византійскаго происхожденія—свидѣтелей или *видоковъ*". О томъ, что личное оскорбленіе считалось „безчестіемъ" и относилось къ тѣмъ правонарушеніямъ, которыя означали обиду, разъясняетъ Б. Утинъ, стр. 23 и 34. Онъ ссылается на судебникъ царя Константина, въ ст. о *сварѣ* и т. д.

Всякое преступленіе противъ личности по древнимъ русскимъ законамъ считается *обидою* и этимъ словомъ въ обширномъ смыслѣ выражается *неправда*. Такое обобщеніе встрѣчаемъ и на другихъ языкахъ (латинское—Injuria, скандинавское—Wildas). Русская правда не дѣлаетъ различія между тѣлесными поврежденіями и оскорбленіемъ дѣйствіемъ, и облагаетъ тѣ и другія извѣстною платою. Къ оскорбленіямъ *дѣйствіемъ* она относитъ: 1) ударъ мечомъ, безъ обнаженія его, или рукояткою (ст. 18); 2) ударъ батогомъ, чашею, рогомъ, тылѣсиною (ст. 20); 3) ударъ мечомъ съ нанесеніемъ раны (ст. 24); 4) простой толчокъ „аже попъхнетъ мужъ мужа, любо къ себѣ, ли отъ себе“ (ст. 25); 5) ударъ по лицу (вѣроятно рукою), (ст. 25); 6) ударъ жердью (ст. 25); 7) выбитіе зуба съ кровотеченіемъ „а кровь видятъ оу него во ртѣ“ (ст. 61); 8) „кто порветъ бороду“ (ст. 60). Предусматривается *угроза*: „Аже ли вынезъ мечь, а не оутнетъ“ (ст. 19). Къ особому виду личной обиды относится нанесеніе удара (какого бы ни было) холопомъ свободному мужу. Затѣмъ, къ личнымъ же оскорбленіямъ отнесены *тѣлесныя поврежденія* или *раны*: 1) отсѣченіе перста (ст. 22); 2) отсѣченіе или поврежденіе руки или ноги (ст. 21); 3) поврежденіе глаза (ст. 21).

За всѣ означенныя личныя обиды опредѣлялась денежная плата обыкновенно на гривны, по количеству которыхъ мы можемъ различать большую или меньшую тяжесть обиды [46]).

---

[46]) Высшею монетою была *гривна*. Гривна сначала означала вѣсъ металла—золота или серебра, и почти равнялась нынѣшнему фунту. Въ тоже врмя она означала и монету, равную греческой литрѣ, котора вѣсила на нашъ вѣсъ 72 золотника, а по старинному вѣсу 68 золот. Гривна серебра содержала въ себѣ 4 гривны кунъ (такъ и въ договорѣ Смоленска съ Ригою 1230 года). Но это отношеніе не всегда было одинаково. Въ уставѣ Владиміра отношеніе между ними было какъ 1: 7, или какъ 1 къ $7^1/_2$. Въ этомъ же уставѣ въ золотой гривнѣ считалось 50 гривенъ кунъ. Но гривна золота не была ходячею монетою. Купами назывались монеты въ нашъ колтинникъ величиною, только нѣсколько тоньше его. До XII столѣтія въ гривнѣ было 25 кунъ, а съ XII—уже 50 кунъ, то есть 200 монетъ, называемыхъ купами, составляли гривну серебра. *Поатъ* въ гривнѣ 20; выверицъ или векшъ въ гривнѣ 900. Новгородскія деньги были почти вдвое тяжелѣ низовыхъ, въ новгород-

Въ побояхъ тяжкихъ виновный платитъ продажи по 12 гривенъ, въ побояхъ легкихъ—по 3 гривны; за побои въ дракѣ платится меньше 3 гривенъ, если не было никакихъ знаковъ на тѣлѣ. Но во всякомъ случаѣ зачинщикъ драки не получалъ платы за обиду (ст. 23). Взаимная обида не наказуема, что видимъ изъ выраженія въ ст. 20: „не терпяше противу тому (кто нанесетъ ударъ чѣмъ либо) оударитъ мечемь, то вины ему въ томъ нетуть".

Тяжкою обидою считалось вырываніе клока волосъ изъ бороды, напротивъ ударъ по лицу отнесенъ къ легкой обидѣ. Древній человѣкъ дорожилъ болѣе всего благообразностью своего лица. За выбитый зубъ съ кровотеченіемъ, что почиталось тяжкой обидой, обиженному платилась гривна, какъ вознагражденіе за увѣчье (на леченіе) [47]).

Что же касается до ранъ и тѣлесныхъ поврежденій, то въ Русской правдѣ противопоставлено два лица, получавшія плату: одно лицо — самъ обиженный, а другое лицо былъ князь. „Аже перстъ аутнетъ (кли) либо 3 гривны продажѣ, а самому гривна коунъ" (ст. 22). Въ пользу обиженнаго опредѣляется небольшая плата: за отсѣченіе пальца гривна кунъ, за отсѣченіе руки и проч. 10 гривенъ, т. е. меньше чѣмъ за ударъ мечомъ. Полагаютъ, что гривна и 10 гривенъ (ст. 21 и 22) была *добавочною платою*, сверхъ опредѣленной въ предъидущихъ статьяхъ платы за безчестье, и эта плата назначалась какъ за лѣчебное и за увѣчье (ср. ст. 24).

Получившій ударъ, когда не было на тѣлѣ знаковъ „еще ли

ской гривнѣ серебра считалось по 4, а $7^1/_2$ гривенъ кунъ, какъ и въ уставѣ Владиміра Святаго. Гривны дѣлались изъ чистаго серебра, мелкія монеты—изъ смѣси металловъ. *Бѣляевъ*, „Лекціи", стр. 200—202.

[47]) Въ чью пользу шла продажа по спискамъ Правды судить трудно. Лапге въ своихъ толкованіяхъ (Журн. мин. народ. просвѣщ. 1859 г., апрѣль, стр. 166 и 167) старается доказать, что за обиду дѣйствіемъ вознагражденіе за „обиду", „соромъ", шло въ пользу обиженнаго, а за рану и тѣлесное поврежденіе оно опредѣлялось и въ пользу князя — какъ продажа, и въ пользу пострадавшаго — какъ безчестье. См. объ этомъ же предметѣ сужденіе Утина. Это различіе въ платѣ *пени* въ пользу князя, *безчестья* и *увѣчья*—въ пользу потерпѣвшаго, ясно можно различать лишь въ позднѣйшихъ памятникахъ русскаго права.

не будетъ на немъ знамени", долженъ былъ привести въ судъ свидѣтелей и, по разслѣдованію, зачинщикъ драки платилъ 60 кунъ ($1^1/_5$ гривны); если же виновный не могъ привести свидѣтелей, то искъ прекращался. *Рота* или присяга Ярославомъ сохранена только въ томъ случаѣ, когда обиженнымъ былъ Варягъ или Колбягъ, потому вѣроятно, что ни въ Скандинавіи, ни въ Помераніи не было введено еще христіанства и Ярославу не хотѣлось подчинять язычниковъ христіанскимъ законамъ (*Бѣляевъ*, стр. 232).

Русская правда ясно различаетъ людей свободныхъ отъ несвободныхъ. Когда холопъ ударитъ свободнаго мужа, а господинъ его не выдастъ, то обиженный получаетъ за безчестье 12 гривенъ; но если господинъ поймаетъ ударившаго его холопа, то можетъ его убить. Это постановленіе Ярослава, при его сыновьяхъ, смягчено въ томъ смыслѣ, что для удовлетворенія своей мести, господинъ, поймавши холопа, могъ его побить и отпустить („любо бити и развязавше"), или взять гривну кунъ за соромъ (бечестье). Въ личныхъ обидахъ по Русской правдѣ всѣ свободные получаютъ одинакое удовлетвореніе, между тѣмъ въ опредѣленіи виры за убійство различаются прежде всего два класса: *княжи мужи* и *бояре*, принадлежавшіе къ высшему разряду дружины, и всѣ прочіе (кромѣ рабовъ), подъ общимъ собирательнымъ именемъ *смердъ* русинъ или гридь, т. е. младшая дружина, купецъ, мечникъ, изгой, боярскій тіунъ, словѣнинъ. Все это были люди свободные; за голову каждаго изъ нихъ положено 40 гривенъ, а если некому будетъ мстить за княжа мужа „то положити за голову 80 гривенъ". Между тѣмъ за убійство холопа пеня опредѣлялась въ зависимости отъ значенія его господина, а именно отъ 12 до 5 гривенъ, а за рабу—6 гривенъ. Въ опредѣленіи платы за оскорбленіе женщины свободныхъ состояній, какъ мы видѣли, въ церковныхъ законахъ различались ясно четыре класса: *великіе бояре, меньшіе бояре, городскіе люди и сельскіе люди*. Замѣтимъ еще, что въ русской правдѣ встрѣчаются статьи, въ которыхъ опредѣлена пеня за муки и истязаніе: огнищанина, тіуна, мечника, или про-

стаго человѣка, смерда (но не холопа)—*безъ княжескаго приказанія*. Слѣдовательно, по приказанію князя и свободные люди могли подвергаться наказанію [48]).

Общественная жизнь въ древней Руси была нѣсколько развита только въ извѣстномъ кругу людей свободныхъ; люди несвободные—холопы или рабы, были не болѣе какъ вещью. Господинъ могъ убить холопа безнаказанно. Языческіе обычаи сохраняли жизненную силу и церковь имѣла еще слабое вліяніе на юридическій бытъ Россіи. Съ одной стороны съ трудомъ прививались византійскіе законы о судѣ, съ другой—христіанство не могло устранить „отеческихъ", собственно языческихъ обычаевъ; въ XV столѣтіи поле или судебный поединокъ получили даже государственную санкцію, а духовныя власти въ XVI в. продолжали безплодную борьбу съ волхвами и чародѣями.

Въ продолжительный періодъ времени отъ XII до конца XV столѣтія, обстоятельства не могли благопріятствовать общественному развитію народа, частію вслѣдствіе междоусобій удѣльныхъ князей, частію вслѣдствіе вліянія монгольскаго владычества. Изъ духовныхъ посланій видимъ печальное состояніе нравственности въ народѣ. За этотъ длинный періодъ времени сохранилось только нѣсколько юридическихъ актовъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ вопросу о личныхъ обидахъ [49]). Въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. предусматри-

---

[48]) Русская правда (списокъ Троицкій): „А въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть; но оже будеть безъ вины оубиенъ то за холопъ оурокъ платити, или за рабу, а князю 12 гривенъ продажѣ. *Собр. важн. пам. по исторіи древ. русск. права. Русская правда*, стр. 55, 56, 65. Тамъ же другіе списки русской правды и церков. уст. Владиміра св. и Ярослава I (1051—1054). Сужденія *Б. Утина, Н. Лапе* и *Бѣляева*. См. еще *Соловьева*: Исторія Россія ч. I. Особенно *Калачова* „Изслѣдованіе о русской правдѣ" 1846 года.

[49]) Договоръ смоленскаго князя Мстислова Давыдовича съ городомъ Ригою и Готскимъ берегомъ, въ 1228 и 1229 годахъ. *Собр. важн. пам. по ист. древ. русск. права;* п. III, ст. 1, 2, 3, 4. Уставная двинская грамота вел. кн. Василія Дмитріевича, тамъ же стр. 145. *Акт. археогр. экс.*, I, № 13.—Посланіе митрополита Іоны псковскому князю Михаилу Андреевичу, послѣ 1450 г., объ обидѣ митрополичьяго десятника. *Акты истор.*, I, № 50. Запись новгородская о церковномъ

ваются—*ударъ до крови*, *ударъ по лицу*, или *батогомъ*, *тѣлесныя поврежденія*, *схватка за волосы*. Сумма платежа за безчестье увеличивалась или уменьшалась смотря по важности тѣлеснаго поврежденія и значенію лица; такъ, за ударъ до крови опредѣлялось полторы гривны, за выбитый глазъ, отсѣченіе руки, ноги—по 5 гривенъ. Священникъ за обиду получалъ вознагражденіе вдвое болѣе свободнаго мужа; вознагражденіе холопа за побои и тѣлесныя поврежденія было ничтожное. Но эти постановленія имѣли, кажется, мѣстный характеръ. Въ двинской грамотѣ 1398 г. встрѣчаемъ постановленіе объ оскорбленіи *словомъ* только въ отношеніи бояръ; за оскорбленіе боярина платилось ему безчестье по его *отечеству*, т. е. по значенію рода. За побои вообще, съ причиненіемъ раны или синяковъ, въ грамотѣ опредѣлялось безчестье: за кровавую рану—30 бѣлъ, за синюю рану 15 бѣлъ, „а вина противу того“, т. е. пеня шла въ пользу князя. Холопы, по прежнему, не состояли подъ покровительствомъ законовъ: „А кто осподарь огрѣшится ударитъ своего холопа или робу, а случится смерть, въ томъ намѣстници не судятъ, ни вины не емлютъ“. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, именно въ 1477 г., видимъ, что въ новгородской судной записи вознагражденіе за нанесеніе побоевъ крестьянину опредѣлено было въ *одинъ рубль*, сколько бы ни было участниковъ въ дракѣ; но кто вырветъ бороду, тотъ платитъ за бой и бороду *два рубля*: „ино *за бороду* присуждати *два рубля за бой*“. За безчестье менѣе рубля не присуждалось пени, но искъ за безчестье могъ быть и менѣе рубля [50]).

судѣ, ранѣе 1477 г. *Акты археогр. экс.* I, № 103. Губная (уставная) московская запись ранѣе 1486 г. *Акты археогр. экс.* I, № 115. Жалованная грамота вел. кн. Іоанна Васильевича костромскому намѣстнику боярину Судимонту, 1499 г. *Акты ист.*, I, № 110.

[50]) Такъ въ губной московской записи читаемъ: „а пересуда идетъ съ рубли по десяти денегъ, а меньши рубли пересуда нѣтъ; а кто учнетъ безчестія искать то со всякого пересудъ“. Изъ этихъ словъ Ланге заключаетъ, „что такіе иски о безчестіи въ это время уже начались со стороны простолюдиновъ, вслѣдствіе непригожихъ словъ“, иначе за какое безчестье могли взыскивать менѣе рубля, когда

Постановленія эти мало содержательны, по нимъ нельзя составить опредѣленнаго заключенія. Видимъ только, что въ обществѣ XV стол. уже зарождалось понятіе о личной обидѣ *непригожимъ, непристойнымъ словомъ* и что поднималось значеніе низшаго класса людей—холоповъ.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о родовой чести, гдѣ каждое лицо основываетъ свои притязанія на почетъ и первенство не на своемъ внутреннемъ достоинствѣ, но на своихъ кровныхъ связяхъ и на значеніи своей породы, перейдемъ къ судебнику царя Іоанна Васильевича, какъ важнѣйшему изъ постановленій XVI стол., гдѣ за личную обиду опредѣлено въ пользу обиженнаго денежное вознагражденіе—въ соотвѣтствіи съ *окладомъ жалованья* или *доходомъ отъ кормленія*. На основаніи этого закона, получившаго широкое приложеніе и подробную регламентацію въ соборномъ уложеніи 1649 г., почти до нашихъ дней, до 1851 г., полагалось за обиду чиновнаго лица взыскивать годовой окладъ его жалованья (Спасовичъ).

Сущность постановленій Судебника о безчестіи состоитъ въ томъ, что *каждому разряду лицъ присвоена честь, отличная отъ чести людей всѣхъ другихъ разрядовъ*; безчестіе уменьшается по мѣрѣ увеличенія разстоянія людей даннаго разряда отъ царя, какъ источника всякой чести въ государствѣ. Таково происхожденіе чести *чиновной*, которая противополагалась чести *родовой*, основанной на породѣ.

Сперва замѣтимъ, что жители московскаго государства въ первое время единодержавія дѣлились на *служилыхъ людей* и *неслужилыхъ*, или, какъ ихъ называли въ актахъ,

---

за побои назначался одинъ рубль". Журн. мин. народ. просв. 1859 г., апрѣль-стр. 172. Но такой выводъ не вытекаетъ изъ существа текста названнаннаго акта. „Безчестье непригожимъ словомъ" или собственно „лай" въ XV стол., пожалуй, могли понимать въ смыслѣ оскорбленія чести развѣ только высшіе разряды служилыхъ, особенно когда дѣло касалось чести ихъ рода, по расчетамъ мѣстничества.—Мы видѣли, какихъ усилій стоило духовенству, чтобы внушить своей паствѣ необходимость пріучать своихъ дѣтей избѣгать употребленія неприличныхъ выраженій, а это было уже въ XVI столѣтіи!

жилецкихъ людей. Къ служилымъ относились: а) *духовенство*, высшіе члены котораго назывались властями; б) *дворянство*, названное такъ въ 1566 г.; оно образовалось изъ старшихъ дружинниковъ, бояръ и удѣльныхъ князей, поступившихъ на службу московскому государю, и дѣлилось на: 1) *московскихъ дворянъ*, 2) *жильцовъ* и 3) *городовыхъ дворянъ*; в) *боярскіе дѣти*, переименованные въ 1566 г. изъ младшей дружины и дворянъ. Дворяне занимали высшія должности при государевомъ дворѣ, въ администраціи и войскѣ; изъ болѣе знатныхъ родовъ назначались ко двору: бояре, окольничіе, стольники, стряпчіе. Дѣти боярскія занимали низшія должности въ войскѣ и во всѣхъ управленіяхъ. Далѣе были *служилые люди по прибору*: стрѣльцы, пушкари, городовые казаки и проч. Къ *неслужилымъ* или *жилецкимъ людямъ* отнесены: 1) *городскіе или посадскіе люди* (гости, торговые люди, сурожане и суконники, торговые люди черныхъ сотенъ); 2) *сельскіе* или *уѣздные жилецкіе люди* подъ общимъ именемъ *крестьянъ*. Кромѣ того былъ еще значительный классъ *государевыхъ людей*, ничѣмъ не обязанныхъ государству и составлявшихъ какъ бы пролетаріатъ.

Въ царскомъ Судебникѣ, при опредѣленіи денежнаго штрафа за безчестіе, принята въ соображеніе эта группировка служилыхъ и неслужилыхъ людей московскаго государства. Дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленіе, безчестье указывать по количеству получаемаго дохода, а которымъ полагается денежное жалованье, то окладъ его и служитъ мѣрою для вознагражденія за безчестіе. Дьякамъ палатнымъ и дворцовымъ безчестіе указываетъ самъ царь и великій князь. Затѣмъ безчестье гостямъ— 50 рублей, торговымъ людямъ и посадскимъ— 5 рублей, боярскому человѣку—5 рублей, тіуну боярскому или доводчику и праветчику безчестіе—противъ ихъ дохода. Наконецъ, крестьянину пашенному и непашенному, боярскому человѣку молодчему или черному городскому — безчестья рубль. „А за увѣчіе указывати крестьянину, посмотря по человѣку и по увѣчью и по безчестію, и всѣмъ указывати за увѣчье посмотря по человѣку и по увѣчью“. Женамъ озна-

ченныхъ лицъ, по всѣмъ категоріямъ, отъ боярскаго сына до крестьянина, безчестье опредѣлять вдвое противъ доходовъ или окладовъ мужа.

Эта табель съ таксою за безчестье постепенно дополнялась въ XVI и XVII столѣт., по мѣрѣ образованія новыхъ группъ служилыхъ и неслужилыхъ людей, и спустя сто лѣтъ, въ Уложеніи 1649 г., уже составила сложную систему денежной таксы, служившей основаніемъ для иска за безчестье въ судѣ.

Въ постановленіяхъ Судебника важно то обстоятельство, что государство беретъ подъ защиту и личность крестьянина, т. е. что холопъ перестаетъ быть вещью; честь его однако очень низка, и чѣмъ ниже были люди по своему общественному положенію, тѣмъ меньше цѣнилась и ихъ честь, тѣмъ меньшая назначалась плата за ихъ безчестье. О безчестіи боярина въ Судебникѣ не упоминается, но изъ частныхъ случаевъ назначенія штрафа видимъ, что ему опредѣлялось за безчестье 600 рублей, слѣдовательно его честь цѣнилась въ 600 разъ дороже чести крестьянина [51]). За *увѣчье*, т. е. за раны и тѣлесныя поврежденія опредѣлялась особая плата, смотря по свойству поврежденія и по значенію человѣка „смотря по человѣку и увѣчью“. Теперь безнаказанно нельзя было бить и увѣчить холопа.

Судебникъ, однако, не говоритъ, въ чемъ именно состояла обида, дававшая право на искъ о безчестьи. Это обстоятельство опредѣлялось, безъ сомнѣнія, обычаемъ. Изъ другихъ статей Судебника и изъ дополнительныхъ указовъ, выходившихъ въ царствованіе Іоанна IV, видимъ, что въ теченіи XVI стол. понятіе безчестіе или вознагражденіе за обиду значительно расширилось какъ въ объективномъ и субъек-

---

[51]) Акты Арх. Эксп. I, № 280, приговоръ 1571 г. о безчесіи дьяка Василія Щелкалова и его жены; съ подъячаго Улана Айгустова, который былъ подвергнутъ пыткѣ, взыскано 600 рублей, изъ нихъ 200 рублей за безчестье дьяка, а 400 р. его жены. Акты Арх. Эксп. I, № 180. За безчестье боярина Василія Ивановича Темкина опредѣлено взыскать 600 рублей на печатникѣ Иванѣ Михайловѣ, и на немъ же 200 рублей за безчестіе дьяка Василія Щелкалова.

тивномъ отношеніяхъ, такъ въ *самомъ существѣ обиды*, подъ которою понималось *не только личное оскорбленіе, но вообще всякая неправда во взаимныхъ отношеніяхъ между людьми* [52]). Безчестье наносилось „лаемъ“ или непригожимъ словомъ, побоями, тѣлеснымъ поврежденіемъ; оно наносилось также несправедливымъ обвиненіемъ въ судѣ, ложнымъ свидѣтельствомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сверхъ взысканія денежнаго за безчестіе, опредѣлялось уголовное наказаніе. Эти случаи, однако, весьма ограничены, если оставить въ сторонѣ безчестье по поводу мѣстническихъ споровъ, о чемъ будемъ говорить ниже, въ главѣ о „родовой чести“. Замѣтимъ только, что духъ мѣстничества проникалъ и въ среду духовныхъ властей.

Вообще, изъ постановленій Судебника о безчестіи и немногихъ частныхъ случаевъ оскорбленія, замѣчаемъ, что тогда не *различали личныхъ оскорбленій отъ обидъ по службѣ, собственной личности не могли отдѣлять отъ званія, которое носили.* Извѣстный чинъ, принадлежность лица извѣстному разряду служилыхъ или неслужилыхъ, какъ и принадлежность лица *къ роду по отечеству*, были какъ бы природою человѣка, обращая внѣшнюю форму во внутреннее содержаніе его личности, въ его „я“. Субъективная сторона

---

[52]) *Судебникъ* 1550 г., ст. 25, 27, 31, 70. Кромѣ того ст. 6 за ложное показаніе на боярина, окольничьяго, дворецкаго, казначея, дьяка, подъячаго (объ обвиненіи его не по суду), виновный „сверхъ его вины“, (т. е. сверхъ платы за безчестье), подвергался торговой казни кнутомъ и заключенію въ тюрьму. *Ак. Ист.* т. I, № 165, также и въ судной грамотѣ Владиміра Андреевича, *Ак. Арх. Экс.* I, № 257, въ августѣ 1556 г. постановлено взыскать *двойное безчестіе* въ пользу тѣхъ людей, которые подвергались пыткѣ, вслѣдствіе ложнаго показанія. *Ак. Ист.* I (№ 154 XX), за несправедливый „лай“ въ судѣ бить кнутомъ и править безчестіе безъ суда (т. I, № 216). Въ 1584 г. рязанскій архіепископъ Леонидъ жаловался государю на ростовскаго архіепископа Евѳимія за то, что тотъ „съ собою ѣсти съ блюда не далъ и меня конечно позоровалъ“, и за то, что пасъ „Осифовскихъ постриженниковъ, называетъ не Осифляны, по *жидовляны*“ (т. II, № 12, 13). Въ 1599 г. пьяный казакъ приходилъ къ царевичамъ (семейства Кучюма), жившимъ въ Радонежѣ, въ ночи пьяный, бранился и лаялъ царевичей матерны, и что вообще казаки не слушали Воейкова и ходили къ царевичамъ безчинно. Въ царской грамотѣ объявлено казакамъ, что если они учнутъ царевичей безпокоить, и имъ быть „казненными смертію“.

чести опредѣлялась отнюдь не внутренними достоинствами, а только принадлежностью лица къ извѣстному классу или разряду людей. Честь была, такъ сказать, стадная, гуртовая. Всего рельефнѣе она выразилась въ институтѣ мѣстничества и эти общія начала законодательства XVI стол. получили широкое развитіе въ слѣдующемъ XVII столѣтіи.

Но сперва намъ необходимо ознакомиться съ понятіемъ о чести въ сосѣдней Литовской Руси, такъ какъ Литовскій Статутъ служилъ серьезнымъ матеріаломъ для развитія постановленій о личныхъ оскорбленіяхъ въ Соборномъ Уложеніи, главномъ памятникѣ русскаго законодательства эпохи, заканчивающей многовѣковой періодъ древней исторіи Россіи.

Преступленія противъ чести по Литовскому Статуту.

Въ Литовской Руси такъ называемая *шляхетская честь* основана была на субъективныхъ, чисто сословныхъ преимуществахъ. Въ XVI стол. литовское государство находилось уже подъ сильнымъ давленіемъ латино-польской цивилизаціи и господари (великіе князья) литовскіе щедро надѣляли дворянъ, бывшихъ русскихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, тѣми „вольностями“, или преимуществами, какими пользовалась польская шляхта или „рыцарство“. „*Шляхетская честь*“ въ статутѣ ограждается прочными привилегіями: господарь обѣщаетъ за себя и за потомство—„ижъ все рыцарство шляхту великаго князьства при вольностяхъ ихъ звыклыхъ, которые отъ насъ, господаря, и от продков нашихъ имъ суть наданы, будемъ повинни заховати и держати, тежъ кождый шляхтичъ оселый (осѣдлый) подле права не позваный и не поконаны правомъ, отъ насъ, господаря, и отъ жаднаго вроду (суда) иманъ (взятъ) и везенье (въ заключеніе) сажонъ быть не маетъ; окромѣ причинъ въ инъшихъ артикулехъ сего статуту поменныхъ“ [53]).

---

[53]) *Статутъ великаго князьства литовскаго* 1588 г. (т. е. 3-й), изд. Времен. общ. ист. и древн. рос. 1854 г. Согласно съ изданіемъ Мамоничей. Раздѣлъ 1, арт. 10.—Было три изданія литовскаго статута. Въ 1522 г. собраны въ одну книгу

По литовскому статуту объектомъ личныхъ обидъ, повидимому, могли быть исключительно люди *шляхетнаго рода*, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—лица духовнаго званія, ихъ жены и дѣти, и горожане, но только не крестьяне.

Если кто назоветъ дворянина (шляхтича) недворяниномъ, а названный докажетъ (представленіемъ надлежащихъ свидѣтелей изъ дворянъ), что онъ дѣйствительно шляхетскаго рода, тогда оскорбитель, если онъ самъ дворянскаго происхожденія, подвергается за такую *дерзость* (неповстегливую мову) заключенію *въ крѣпости* (въ замкѣ) *на двадцать не-*

распоряженія прежнихъ государей и древніе обычаи литовско-русскіе; это уложеніе, пересмотрѣнное въ Вильнѣ въ 1524 г., и, затѣмъ дополненное, принято литовскими сословіями, утверждено великимъ княземъ въ 1529 г. и получило обязательную силу съ 1 января 1530 г. Собраніе законовъ, подъ названіемъ *перваго* или *стараго статута литовскаго*, состояло изъ XIII раздѣловъ; писано на русскомъ языкѣ, въ 1532 г. переведено на латинскій и польскій языки (Ярошевичъ, „Obraz Litwy“ II, стр. 193). Вскорѣ явилась надобность пополнить его новыми узаконеніями, вслѣдствіе новыхъ правъ, данныхъ шляхетству. Съ 1544 г. надъ статутомъ работало 10 коммисаровъ, составившихъ 10 новыхъ статей, и затѣмъ, послѣ дополненій на сеймахъ, появилось въ 1564 г. *второе изданіе статута*, называемаго *волынскимъ*. Соединеніе Литвы съ Польшею на люблинскомъ сеймѣ вело къ большимъ перемѣнамъ въ законодательствѣ; требовались новые пересмотры и дополненія статута; послѣ люблинской уніи многое уже негодилось. Для пересмотра прежняго статута назначено 14 коммисаровъ, подъ предсѣдательствомъ епископа Валеріана Протасевича и, наконецъ, 23 января 1588 г. статутъ былъ утвержденъ Сигизмундомъ III и напечатанъ въ Вильнѣ на русскомъ языкѣ въ типографіи Кузьмы и Льва Мамоничей. Первые же два статута вовсе не были изданы на русскомъ языкѣ. На польскомъ языкѣ третій статутъ изданъ лишь въ 1614 году, т. е. черезъ 25 лѣтъ послѣ русскаго изданія. Третій статутъ сохранилъ свою силу въ западныхъ губерніяхъ до 9 сентября 1840 г., когда замѣненъ русскимъ сводомъ законовъ. И такъ, оригиналы всѣхъ трехъ статутовъ написаны были на русскомъ языкѣ. Перепечатки польскихъ изданій третьяго литовскаго статута іезуитами въ 1647, 1693, 1744 и 1786 г. сдѣланы съ искаженіями. Въ составъ литовскаго статута, кромѣ русскихъ древнихъ законовъ (Русской правды и проч.), вошли: римское право, тевтонское и рыцарское право, магдебургское нѣмецкое право и саксонское зерцало. Подробныя свѣдѣнія объ исторіи литовскихъ статутовъ у *Ярошевича*: „Obraz Litwy“, ч. II, гл. XII: Prawodowstwo Litwy, стр. 127—148. *Даниловичъ* „Opis bibliograf. Stat.“ *Денн. Виленскій* 1823 г., т. 2, стр. 2. *Антоній Сосновскій*: „Wiadomosc o drugim Statucie“. Денн. Виленскій 1822 г. № 6, стр. 20. *Линде*: „Wiadomosc o Stat. Litew.“, стр. 193. *Кукольникъ*: „Историческія замѣтки о Литвѣ“ 1846 г., стр. 82. Кромѣ того, въ Юрид. Записк. изд. 1841 г. *Рѣдкина*, статья *Даниловича*: „Взглядъ на литовское законодательство и литовскіе статуты“.

дѣль и *уплатъ обиженному* двойнаго штрафа за *безчестіе* (совито навезати); но если обидѣвшій шляхтича принадлежалъ къ простому роду (т. е. не былъ шляхтичемъ), то судъ „велитъ палачу привести его къ столбу, сѣчь его тамъ розгами и послѣ выгнать изъ города“. Во время же веденія его изъ суда къ позорному столбу и изгнанія изъ города судъ прикажетъ обнародовать, что онъ „такими словы на шляхътича торгнулъ“ (т. е. говорилъ на дворянина такія слова).

На основаніи польскихъ законовъ [статута 1420 г.], если кто кого обезчеститъ словомъ и въ томъ станетъ запираться, то обязанъ очиститься присягою; то же самое и по литовскому статуту. Если же дворянинъ, какого бы ни былъ званія (*ибо всѣ дворяне отъ вельможа до бѣднѣйшаго шляхтича равны между собою*), въ глаза скажетъ другому дворянину какое либо порицаніе на счетъ его дворянства, или коснется его чести и добраго поведенія и передъ судомъ въ томъ запрется, то опороченный не долженъ считать себя оскорбленнымъ и не обязанъ искать удовлетворенія на отрекшемся отъ своихъ словъ [„кто ничого шкодити не маетъ, а онъ того справоватисе не будетъ повиненъ, и тая примовка (значитъ: оскорбленіе) долей на того, хто се запрелъ не маетъ быти довожена“]. Но если подобнаго рода порицаніе въ глаза будетъ повторено, то поноситель, хотя бы отрекался отъ своихъ словъ, имѣетъ быть наказанъ *шестинедѣльнымъ заключеніемъ въ замкѣ*. А кто такому опредѣленію станетъ противиться, то обязанъ заплатить обиженному („винной сторонѣ“) 50 копъ грошей и затѣмъ, по истеченіи четырехъ недѣльнаго срока на позывъ въ судъ, долженъ высидѣть шесть недѣль въ заключеніи. На *заочное опороченіе* („о заочьную примовку“) жаловаться никто не долженъ, ибо опороченіе остается на томъ, кто заочно честнаго человѣка порицаетъ, а добронравному человѣку непристойно поносить честнаго [„бо доброму человѣку не годить се легко говорити о почтивомъ“].

Если дворянинъ скажетъ другому дворянину, что „ты не учьтивое [нечестной] матьки и нечистаго ложа [незаконно-

рожденный] сынъ", то обидчикъ долженъ заплатить безчестья 80 копъ грошей и передъ тѣмъ же судомъ извиниться въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „што есьми менилъ на тебе, же бы ты былъ неучъстивое матъки и нечистаго ложа сынъ, томъ на тебе брехалъ яко песъ" (т. е. лаялъ на тебя какъ собака); но если обидчикъ заупрямится и не пожелаетъ извиниться передъ судомъ, то обязанъ заплатить обиженному *50 копъ грошей безчестія*, а по истеченіи четырехъ недѣльнаго срока, назначаемаго на позывъ къ суду, подвергается *шестинедѣльному заключенію* [64]). Такому же наказанію подлежитъ и тотъ, кто опорочилъ честную дворянку, назвавъ ее блудницею и развратною („называючи ее вшетечницею").

Въ раздѣлахъ: IV—о судѣ и судьяхъ и XI—о насиліяхъ и уголовныхъ преступленіяхъ дворянъ, изложены преступленія, которыя относятся къ личной обидѣ дѣйствіемъ и къ тѣлеснымъ поврежденіямъ въ дракахъ.

Кто съ умысла въ поруганіе дворянскаго достоинства билъ дворянина, или велѣлъ бить его палкою, кистенемъ, жезломъ (булавою), кнутьями или плетьми (пугами), розгами (дубцами), или чѣмъ либо другимъ, тотъ за всякіе такіе побои и посрамленія платитъ безчестіе („навезки") 40 копъ грошей и, сверхъ того, въ наказаніе за такое буйство и своеволіе („за вину такого зуфальства и своволенства"), высидѣть *12 недѣль въ замкѣ* или *въ башнѣ*. Кто далъ другому пощечину или въ бородѣ волосы рвалъ, таковой обязанъ заплатить *12 рублей грошей безчестья и высидѣть въ заключеніи три недѣли*. За оскорбленія женщинъ же дворянокъ („белымъ головамъ шляхтянкомъ") *безчестье и время заключенія присуждать вдвое*. Такое наказаніе и плата за безчестье, за личныя обиды дѣйствіемъ, опредѣляются и лицамъ духовнаго званія христіанскаго исповѣданія, женамъ ихъ и дѣтямъ. За причиненіе побоевъ гостю присуждается *безчестье вдвое по его званію, заключеніе на 12 недѣль и вознагражденіе убытковъ*. Такому же наказанію подвергается

---

[64]) См. о принесеніи извиненій (Abbite) за личныя обиды словомъ въ саксонскихъ военныхъ законахъ XV и XVI стол. C. J. M. Novis. „Патентъ о поединкахъ и ссорахъ курф. саксон. и кор. польскаго кор. Августа".

и гость за подобную же обиду хозяину, его хозяйкѣ, его сыну, его дочери, слугѣ или его крестьянину. Мѣщанинъ или крестьянинъ за причиненіе побоевъ или раны дворянину *лишается руки*, а за увѣчье дворянину крестьянинъ долженъ быть *казненъ смертью*. Кто помѣстнаго или безпомѣстнаго шляхтича, человѣка честнаго и вѣры достойнаго, оговоритъ въ воровствѣ, тотъ обидчикъ— если шляхтичъ— *платитъ безчестье какъ за рану и подвергается 12 недѣльному заключенію*, а если человѣкъ простаго званія — *наказывается розгами у столба съ обнародованіемъ содѣяннаго имъ преступленія*.

За оскорбленіе словомъ—**воеводъ, кастелянов**ъ, **старостъ, подкоморихъ** (межевыхъ судей) **и всѣхъ вообще судей**, во *время исполненія ими обязанностей*, виновный, по приговору трибунальнаго суда, *подвергается заключенію въ башню на 6 недѣль*.

Кто самъ или посредствомъ слугъ и крестьянъ своихъ прибьетъ **вознаго** при отправленіи имъ дѣлъ по своей должности, безъ приказанія, или по приказанію воеводъ, старостъ, судей, либо насильно отберетъ отъ него бумаги и изорветъ, либо принудитъ вознаго или свидѣтелей *оныя съѣсть*, либо *ударитъ въ щеку*, или будетъ *драть за волосы* и тѣмъ поругается власти, тотъ, по изобличеніи, обязанъ возному *заплатитъ безчестье вдвое, по его званію*, а за преступленіе противъ государя — *посадитъ его въ верхнюю башню на 12 недѣль*; а свидѣтелямъ дворянамъ, которые сопровождаютъ вознаго, заплатитъ *двойное безчестье*, по званію ихъ, и *возвратитъ вдвойнѣ убытки вознаго* и *свидѣтелей*. Ежели лошадямъ будутъ обрѣзаны хвосты или причинены раны, то виновный обязанъ *за лошадь отдать лошадь*, но отъ заключенія въ вѣжу свободенъ. За причиненіе побоевъ возному или великокняжескому посыльному, тѣмъ, кому листы посланы или его прислугою, или его людьми, опредѣляется, за непочтеніе къ власти, заключеніе въ *виленскомъ замкѣ на полгода*, а возному или посланному платится *двойное безчестье* по его званію.

Предусматриваются также взаимныя оскорбленія тяжущихся словомъ и дѣйствіемъ въ присутствіи суда.

Кто во время производства разбирательства въ судѣ обидитъ другаго неблагопристойнымъ словомъ, тотъ подвергается *заклю-*

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени

ченію въ замкѣ на 6 недѣль. Кто же толкнетъ или ударитъ рукою, тотъ за нанесеніе удара платитъ *12 рублей безчестья*, а за самое преступленіе подвергается *заключенію на 6 недѣль.* А если кто либо въ ссорѣ обнажитъ кортикъ, мечъ или саблю, или другое оружіе, тотъ, хотя бы и не ранилъ, *лишенъ будетъ руки*, а если ранилъ— *наказывается смертью.* Но если кто самъ далъ поводъ къ ссорѣ словами или ударомъ рукою и тѣмъ вынудилъ противника для защиты поднять оружіе, ранить и даже убить, то послѣдній никакому наказанію не подвергается. Отказавшійся отъ исполненія приговора суда подвергается: *двойной платѣ за безчестіе*, штрафу 40 копъ грошей въ пользу суда и заключенію. Судья, обидѣвшій кого либо въ судѣ словами, наказывается *заключеніемъ на 6 недѣль*; если воевода, староста, коммисаръ и проч. сдѣлаетъ кому либо во время засѣданія въ судѣ насиліе и ранитъ, то чиновникъ будетъ *казненъ смертію*, а если убъетъ, то *лишается жизни и чести*; сверхъ того, съ виновнаго взыскать за безчестіе вдвое. При взаимности обидъ, чиновникъ, вынужденный защищаться, хотя бы и ранилъ или убилъ, свободенъ отъ наказанія.

За личныя обиды словомъ и дѣйствіемъ, чинимыя *при дворѣ великокняжескомъ* или *въ городѣ, гдѣ имѣетъ пребываніе великій князь*, статутъ (разд. I) усиливаетъ наказанія за неуваженіе къ власти и безчестіе частному лицу:

а) За произнесеніе словъ укорительныхъ, язвительныхъ и позорящихъ дворянскую честь, „словы быстрыми, ущипливыми славе доброй, и учтивости шляхетства шкодливыми", виновный подвергается *шестинедѣльному заключенію и за безчестіе по закону.*

б) За поднятіе руки и нанесеніе удара рукою, обидчикъ, если самъ началъ драку, подвергается *трехмѣсячному заключенію въ замкѣ*, а обиженному заплатитъ *безчестіе вдвое* по его состолнію; „буде же кто, въ лицо ударивъ, окровенитъ („а естли по поличку росъкровавитъ"), тогда онъ также платитъ *навезку* (безчестіе) *вдвое* и *полгода въ заключеніи быть имѣетъ*".

в) Кто обнажитъ (на другаго) кинжалъ, саблю и другое оружіе, тому опредѣляется *заключеніе на три мѣсяца*, а кто съ обнаженнымъ оружіемъ нападетъ, но не ранитъ, или и ранитъ, тому *отсѣчь руку* и, сверхъ того, съ движимаго и недвижимаго имѣнія обидчика взыскивается *безчестіе вдвое.*

г) Обидчикъ подвергается *лишенію жизни*, если въ присутствіи

господаря, кого либо ранитъ; а если нанесетъ смертельную рану, „таковый убійца *живота и чести лишенъ будетъ*“, а *головщину* (за голову убитаго) или *безчестья платить вдвое* [55]).

Въ западной Россіи, со времени ея соединенія съ Польшею въ силу люблинскаго акта 1569 г., поединокъ, утративъ значеніе ордаліи, пользовался сочувствіемъ шляхты: вельможи и дворяне вступали между собою въ драки по ничтожнымъ причинамъ. Насильственные захваты, наѣзды, самовольное нарушеніе правъ лицъ другихъ состояній, особенно низшихъ сословій, составляли черту шляхетскаго быта въ литовской Руси въ XVI и XVII стол.

Нравственная распущенность шляхетства, сопровождаясь поединками и драками, нарушала общественное спокойствіе и безопасность. Прежніе ленники, ставши могущественными вассалами и укрѣпившись правами вотчинниковъ, пользовались продажностью судей и пускали въ ходъ угрозы и подстрекательства въ такихъ выраженіяхъ, которыя оскорбляли честь и доброе имя; потомъ, сражаясь между собою, убивали другъ друга, нерѣдко прибѣгая для того къ особеннымъ средствамъ (*Ярошевичъ*). Еще въ 1559 г. Николай Радзивиллъ для прекращенія частыхъ случаевъ убійства, большая часть которыхъ оправдывалась обычаями поединка, совѣтовалъ литовскому господарю Сигизмунду-Августу, положить конецъ варварскому обычаю, покрывавшему преступныя намѣренія. До какой степени укорененъ былъ обычай поединка въ литовской Руси во второй половинѣ XVI стол., видно изъ того, что не смотря на предложеніе Радзивилла, во второмъ литовскомъ статутѣ 1554 г. не рѣшились сдѣлать что либо для его стѣсненія или ограниченія. Между тѣмъ, въ Польшѣ (въ коронѣ) изданъ былъ въ 1588 г. законъ, коимъ

---

[55]) *Статутъ велик. князь. литовскаго 1588 г.*, изд. 1854 г., разд. III, арт. 19, 21, 22, 27, 28 § 1 и § 5. Разд. XI, арт. 27, § 5, 6 и 7; арт. 42, § 1; арт. 49. Разд. IV, арт. 7 § 1 и 2, арт. 62 и 63. Разд. XIV, арт. 10. Разд. I, арт. 14, 24, 9 § 1, 2 и 3. *Сличи:* „стат. велик. княж. литовскаго“ со ссылками на конституціи; польскій текстъ съ русскимъ переводомъ, изд. правительствующаго сената. С.-П.-Б. 1811 г., въ двухъ частяхъ.

постановлено: *въ случаѣ вызова на поединокъ, вызываемый не долженъ выходить, развѣ будетъ разрѣшено королемъ, а кто осмѣлится сдѣлать противное, тотъ будетъ посаженъ въ башню на полгода и уплатитъ за безчестье 60 гривенъ.* Тогда и въ 3 статутѣ 1588 г. введенъ былъ соотвѣтственный артикулъ (разд. XI, арт. 14), по которому *„вызовъ на поединокъ допускается только съ разрѣшенія короля или гетмана, но отказавшійся отъ поединка не теряетъ своей доброй славы“* [56]).

Нельзя не замѣтить, что подобное ограниченіе въ законѣ не достигало своей цѣли, „не вырвало съ корнемъ вреднаго растенія, а только его подрѣзало“. Ранившій или убившій на поединкѣ только тогда подвергался опредѣленному въ законѣ наказанію, когда того требовали или самъ раненый, или родственники убитаго; понятно, что подобное право всегда можно было обойти, коль скоро пострадавшій соглашался на рѣшеніе дѣла поединкомъ [57]). И убійства на поединкахъ (не разрѣшаемыхъ ни королемъ, ни гетманомъ) по прежнему продолжались.

Литовскій статутъ послѣдовательно проводитъ различіе въ мѣрѣ наказаній за совершеніе преступленій лицами дво-

---

[56]) *Статутъ велик. князь. литовскаго*, разд. XI, арт. 14 „О забитье за повабеньемъ, або вызваньемъ на руку“, т. е. о смертоубійствѣ на поединкѣ. Артикулъ 14, воспрещая поединки условно, узаконяетъ: 1) поединки могутъ быть допускаемы по *великимъ* и *важнымъ причинамъ*, только съ разрѣшенія великаго князя и гетмана; 2) въ случаѣ поединка (недозволеннаго), раненый не получаетъ никакого удовлетворенія за рану, ранившій заключается на *полгода въ столичномъ виленскомъ замкѣ*, а если оба взаимно себя ранили, то никто изъ нихъ одинъ другому не долженъ дѣлать удовлетворенія; 3) кто на поединкѣ останется живъ—вызыватель, или вызванный, тотъ наказывается лишеніемъ жизни по жалобѣ и по иску дѣтей или родственниковъ убитаго, по головщины съ него не взыскивается; 4) если кто либо настоятельнѣйшимъ образомъ понуждаетъ къ поединку другаго, произнося какія либо язвительныя слова, предосудительныя для добраго имени и чести, а обиженный не согласится отвѣчать вызовомъ, то таковыя ругательныя слова не должны вредить его доброму имени; напротивъ, они обращаются на противника, нарушающаго законъ. Обиженный можетъ позвать своего обидчика на основаніи 27 арт. разд. III (объ оскорбленіи словами) къ суду и требовать уплаты за безчестіе и т. п.

[57]) *Ярошевичъ*, „Obraz Litwy“, ч. II, стр. 26.

рянскаго и недворянскаго состоянія. Нанесеніе раны въ гнѣвѣ или запальчивости *ножемъ, кортикомъ* или *кинжаломъ*, по законамъ XVI и XVII столѣт., преслѣдовались вездѣ съ особенною строгостью. По литовскому статуту за причиненіе раны ножемъ и т. п. шляхтичемъ шляхтичу опредѣлялось *отсѣченіе руки*, а человѣку простаго званія—только *денежное взысканіе*. Если же человѣкъ простаго званія ранитъ ножемъ шляхтича, то *лишается жизни*, а если ранитъ человѣка простаго же званія, то *теряетъ руку* (разд. XI, арт. 16, § 2).

Къ сказанному о наказаніяхъ за личныя обиды, ссоры, драки и поединки, слѣдуетъ добавить, что и судопроизводство (статутъ, разд. IV), будучи исключительно въ рукахъ чиновниковъ шляхетскаго сословія, направлено было также въ интересѣ этой разнузданной касты, которая стала бичемъ низшихъ сословій и причиною бѣдствій въ XVII и XVIII столѣт. въ литовскомъ государствѣ, соединенномъ съ Польшею. Помѣщикъ могъ наказывать своихъ крестьянъ даже за уголовныя преступленія: онъ былъ судьею и исполнителемъ собственныхъ приговоровъ; по своему капризу могъ миловать и лишать жизни своихъ подданныхъ. На насилія и произволъ вотчинника не было апелляціи. Право уголовнаго суда надъ крестьянами отнято у помѣщиковъ литовской Руси лишь въ 1768 г., т. е. за нѣсколько лѣтъ до перваго раздѣла рѣчи посполитой [58]).

Преступленія противъ чести по соборному уложенію [59]).

Въ теченіи четырехъ столѣтій—отъ русской правды до уложенія царя Алексѣя Михаиловича—въ русскомъ законо-

---

[58]) *Ярошевичъ*, „Obraz Litwy", ч. II, стр. 164 и 165.

[59]) Boris Utin. „Ueber die Ehrenverletzung nach Russischen Recht seit dem XVII Jahrhundert". Dorpat, 1857 г., стр. 54, цит. 2. Въ своемъ сочиненіи „О преступленіяхъ противъ чести по русскому праву, начиная съ XVII столѣтія" Утинъ приводитъ обстоятельную оцѣнку преступленій противъ чести по уложенію. Этимъ трудомъ мы и воспользовались, не имѣя причины входить въ подробную оцѣнку изложенныхъ имъ юридическихъ фактовъ; мы нашли нужнымъ обратить вниманіе на переходную эпоху къ законамъ Петра, освѣтить факты и пополнить существенные пробѣлы справками съ источниками.

дательствѣ слабо были развиты правоопредѣленія, относящіяся къ личнымъ оскорбленіямъ и къ преступленіямъ противъ чести въ нормальномъ ея значеніи. Политическое состояніе, жестокія войны, татарское иго не могли способствовать смягченію грубыхъ нравовъ. Митрополитъ Фотій въ посланіи къ новгородцамъ рекомендовалъ священникамъ внушать своимъ духовнымъ дѣтямъ, чтобы они „престали отъ сквернныхъ словесъ и неподобныхъ, что лаютъ отцевымъ и материнымъ именемъ, за неже того въ крестіанѣхъ нигдѣ нѣсть“; родители должны пріучать дѣтей своихъ измала не говорить „лихихъ словъ“; кто васъ не будетъ слушать „отъ церкви отлучайте, ни святаго причастья не давайте, ни дары, ни Богородицина хлѣба“ [60]). Но христіанская религія оказывала еще слабое вліяніе на народные обычаи. Идея централизаціи московскаго государства въ своемъ осуществленіи, между тѣмъ, требовала громаднаго напряженія народныхъ силъ и тутъ обстоятельства складывались не въ пользу народной культуры. Съ образованіемъ новыхъ элементовъ въ XVI и XVII стол. въ войскѣ и администраціи, законодателямъ неизбѣжно предстояло ограждать общественную безопасность грозными законами, налагать жесткую узду на преступленія противъ личности и имущества—*на воровство, смертоубійство, насилія и иныя грубыя проявленія преступной воли*. Писанные законы—судебники 1497 и 1550 г.г., служили не болѣе какъ пособіемъ къ тѣмъ матеріальнымъ законамъ, которые содержались въ обычномъ правѣ; послѣдніе же могли развиваться только путемъ судейской практики, а затѣмъ и заимствованіями отъ сосѣдей. Господствующимъ идеаломъ въ древней Россіи была родовая честь, которая питалась службою главѣ государства, какъ верховному представителю дружины, какъ своему вотчиннику. Сословія едва зарождались и, во всякомъ случаѣ, они развивались иначе, чѣмъ на Западѣ. Представленія о государственной чести, при господствѣ мѣстническихъ сче-

---

[60]) Доп. къ актамъ археологич. экспед., т. I, № 369. Акты истор. т. I № 16: „Такоже, господине, уймай подъ собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія“.

товъ, было шаткое. Въ тѣсномъ кругу знатныхъ родовъ изъ одного поколѣнія въ другое переходили эгоистическія понятія о родовой чести, пока наконецъ событія XVII вѣка, послѣ постоянно колебавшихся мѣропріятій государственной власти то въ пользу мѣстничества, то противъ него, не разрушили фундамента, на которомъ потомки дружинниковъ громоздили свое зданіе, чуждое *государственному интересу*. Въ народѣ, во всѣхъ слояхъ общества, не исключая и людей служилыхъ, подвергавшихся за проступки наказанію кнутомъ и батогами, но за личную обиду платившихъ деньги, честь, въ ея настоящемъ нормальномъ значеніи слова, не могла получить правильнаго развитія въ народномъ сознаніи,—она пустила лишь слабые ростки. Нарушеніе ея выражалось преимущественно въ грубой формѣ насилія на тѣлесную неприкосновенность. „Лай“ и „бой“ въ ссорѣ и дракѣ не были единственными симптомами нарушенія чести. На сколько позволяютъ судить источники исторіи русскаго права, плата за „безчестье“ или за „безчестье и увѣчье“ обнимала самыя разнообразныя преступленія противъ личности, но не исключительно обида словомъ или обида дѣйствіемъ. Выраженіе прежнихъ памятниковъ о наложеніи денежнаго штрафа за „обиду“, за „соромъ“, измѣнилось въ денежный штрафъ за б е з ч е с т ь е и эта форма получила широкое примѣненіе въ законодательныхъ памятникахъ XVII стол.

Общественная жизнь въ XVII стол. развивалась своимъ путемъ, неотступно вторгались новые элементы, разрушавшіе отживающія нормы уложенія.

Соборное уложеніе — есть собраніе законовъ, вытекающихъ изъ предшедшихъ юридическихъ памятниковъ, но въ немъ имѣются и статьи, заимствованныя изъ литовскаго статута XVI в. Въ концѣ XVII столѣтія уже оказалось необходимымъ укрѣпить закономъ должное уваженіе къ личности, и это обстоятельство дало первую основу къ развитію *гражданскаго достоинства, какъ источника личной чести*. Охрана чести оцѣнкою ея въ опредѣленную денежную сумму, съ

конца XVII вѣка, оказалась непригодною и пришлось видоизмѣнить многовѣковой завѣтъ стариннаго права.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о *родовой чести*, какъ главнаго мотива для иска о безчестіи бояръ, окольничихъ, думныхъ людей и другихъ высшихъ разрядовъ служилыхъ, обратимся къ соборному уложенію 1649 года и постараемся сдѣлать характеристику „безчестья", какъ основнаго мѣрила для удовлетворенія личнаго оскорбленія въ частномъ быту.

За многіе годы до Уложенія, когда съ упраздненіемъ судебнаго поединка, розыскная система суда стала господствующею формою охраненія чести, не исключая и наиболѣе притязательной и чувствительной къ обидѣ чести родовой, преступленія противъ чести, т. е. *личныя оскорбленія* въ обычномъ значеніи этихъ терминовъ, облагались не только денежнымъ штрафомъ, но и разными уголовными наказаніями: тѣлесными (батогами и кнутомъ), тюрьмою, ссылкою и выдачею головою [61]).

Капитанъ Маржеретъ, поступившій въ русскую службу въ началѣ XVII столѣтія, по этому поводу говоритъ слѣдующее: „необходимо замѣтить, что между ними не бываетъ поединковъ, ибо во первыхъ они носятъ оружіе только въ военное время или въ путешествіяхъ; когда кто либо нанесетъ обиду словомъ или дру-

---

[61]) Обрядъ выдачи головою описанъ у *Котошихина* „О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайловича, изд. 1840 г. гл. IV, ст. 12". Ср. *Сергіевскаго*: „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка." стр. 279 и слѣд. Выдача головою была двоякаго рода—какъ обрядъ поруганія „токмо лицомъ" *(Таганцевъ)*, и *дѣйствительная* т. е. съ передачею въ рабство или состояніе подобное рабству и даже въ полное распоряженіе съ правомъ лишенія жизни.—Въ Уложеніи X, ст. 27, 28 упоминается о выдачѣ головою за безчестье извѣстныхъ лицъ. Выдача головою практиковалась въ особенности за неправое челобитье по разсчетамъ мѣстничества. Обрядъ выдачи головою, говоритъ г. Сергіевскій (стр. 282) примѣнялся и помимо судебнаго приговора, по соглашенію обиженнаго и обидчика, какъ основаніе мировой сдѣлки. Авторъ дѣлаетъ ссылку на списокъ дѣла 1688 г. *Батоги* были самымъ употребительнымъ наказаніемъ за квалифицированное безчестье, и они же употреблялись для правежа, когда не было чѣмъ платить. Въ болѣе важныхъ случаяхъ оскорбленія чести для лицъ низшихъ классовъ народонаселенія и для служилыхъ—примѣнялось наказаніе *кнутомъ*; кнутъ былъ также орудіемъ и пытки. Обряды тѣлеснаго наказанія, тюрьма и ссылка въ XVII стол. описаны у Сергіевскаго, стр. 149 и слѣд.

гимъ образомъ, то они обращаются въ судъ, который приговариваетъ виновнаго въ оскорбленіи къ наказанію, извѣстному подъ именемъ „безчестья“. Для своего удовлетворенія обиженный можетъ требовать наказанія *батогами* (которое производится такимъ образомъ: обнаживъ спину до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ, причемъ два человѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока судья скажетъ: *стой!*) или денежнаго штрафа по окладу получаемаго отъ Государя содержанія, а если обиженный женатъ, то обидчикъ долженъ заплатить за поруганіе чести его жены двойную сумму оклада; такимъ образомъ, кто получаетъ въ годъ 15 руб. содержанія, тому обидчикъ платитъ 15 руб. за оскорбленіе его и 30 руб. за оскорбленіе его жены, что составитъ 45 рублей. Такъ высчитывается безчестье всегда соразмѣрно величинѣ оклада [62]).

Но обида могла быть и такою, что обидчика послѣ наказанія въ городѣ *кнутомъ* (aura le fouet pour la ville), подвергали платѣ денегъ за безчестье и затѣмъ ссылкѣ. Если же, какъ мнѣ случилось видѣть однажды въ теченіе шести лѣтъ, происходила дуэль между иностранцами, и когда кто либо былъ раненъ, тогда тотъ (будь онъ вызванный или вызвавшій), который ранилъ, наказывается какъ за убійство, и не можетъ ничѣмъ оправдаться; еще болѣе: какъ бы тяжело ни былъ оскорбленъ кто либо на словахъ, онъ не можетъ ударить обидчика, хотя бы только рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго наказанія; если же одинъ ударитъ, а другой отвѣтитъ ему тѣмъ же и послѣдуетъ жалоба, тогда оба подвергаются наказанію батогами, какъ выше сказано, или платятъ пеню государю, потому что, какъ говорятъ они, тотъ, кто обиженъ, находится подъ защитою правосудія (которое только и можетъ рѣшить кто правъ или виноватъ и наказывать). И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ болѣе строгій и скорый, нежели въ другихъ дѣлахъ.

---

[62]) Въ ак. арх. эксп. (т. I, № 280) указано, что въ 1571 г. въ пользу дьяка князя Василія Щелкалова и его жены опредѣлено взять съ подьячаго Улапа Айгустова „безчестья“ 600 рублей за неправильныя донесенія: „потому что доводилъ на Василія Щелкалова *многія лжія дѣла*“.—Б. Утинъ, дѣлая ссылку на этотъ документъ, говоритъ, что это единственный случай, гдѣ за безчестье мужчины, когда онъ былъ женатъ, увеличивался денежный штрафъ.

И этотъ обычай тщательно наблюдается не только жителями городовъ въ мирное время, но и воинами въ военное время (разумѣется здѣсь рѣчь идетъ о дворянахъ, ибо за безчестье крестьянина и горожанина плата ограничивается двумя рублями). Впрочемъ, они не придирчивы къ словамъ и въ оскорбленіи ими весьма не разборчивы; говорятъ другъ другу „*ты*“, а прежде было еще проще; ибо если бы вы сказали (кому либо) что либо сомнительное, и это не оправдалось бы, то вмѣсто словъ „извините“, или „простите меня“, они говорятъ „ты лжешь“, и даже слуга говорилъ такъ своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, котораго они считаютъ тираномъ, не сердился за эти грубости. Но теперь, когда между ними явились иностранцы, они отвыкаютъ отъ дерзости въ разговорѣ и болѣе стѣсняются въ своихъ выраженіяхъ чѣмъ прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ [63]).

Изъ офиціальныхъ документовъ видимъ, что за нанесенное оскорбленіе въ извѣстныхъ случаяхъ опредѣлялись личныя наказанія. Такъ, въ 1614 году князя Никиту Шаховскаго, посланнаго въ 1614 г. для сбора денегъ на ратныхъ людей, побили староста Ванковъ и посадскіе люди Охлупкинъ, Дубровинъ и Верещагинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отказались отъ платежа денегъ; за это велѣно ихъ, передъ княземъ Никитою бивъ батоги нещадно, вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ.

Со смертью Іоанна Грознаго, стремившагося упрочить политическое могущество государства, въ русскомъ обществѣ выдвигаются элементы, подготовлявшіе смутное время; затѣмъ наступила крутая реакція въ правительственной системѣ: могущественнымъ боярамъ противопоставляется авторитетъ высшей духовной іерархіи съ патріархомъ во главѣ. Въ войскѣ, на ряду съ помѣстной дворянской конницей, вопло-

---

[63]) Estat de l'empire de Russie par le capitaine Margeret. Paris, 1821 стр. 118—121. Ср. *Капитана Маржерета*: „Состояніе россійской державы“, переводъ съ французскаго С.-П.-Б. 1830 г., стр. 82—83. Изъ словъ Маржерета видно, что при взаимномъ оскорбленіи, оба, какъ обидчикъ, такъ и обиженный, подвергались одному и тому же наказанію, или платили другъ другу безчестье, безъ вознагражденія за раны или увѣчье. См. потвержденіе словъ Маржерета о тѣлесномъ наказаніи въ ак. арх. эксп. III, № 48.

щеніемъ которой служили дѣти боярскіе, становится конница степная—казаки донскіе, астраханскіе, терскіе, кубанскіе, сибирскіе, а затѣмъ и малороссійскіе. Горожане теряютъ послѣдніе зародыши самоуправленія и подчиняются безконтрольному господству воеводъ и приказныхъ—дьяковъ и подъячихъ.

Закрѣпощенные крестьяне-холопы, подобно литовско-русскимъ крестьянамъ, какъ матеріальная сила, дѣлаются источникомъ содержанія и питанія помѣщиковъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, обязанныхъ исключительно воинскою службою. Войны съ Польшею, Швеціею и Турціею держатъ всѣ народныя силы въ постоянномъ напряженіи; на подмогу національнымъ войскамъ—помѣстной конницѣ, казакамъ и стрѣльцамъ—чаще и чаще призываются наемные иноземные ратники. Число иноземцевъ быстро возрастаетъ.....

Въ обществѣ, гдѣ отношеніе высшихъ къ низшимъ выражались или въ формѣ унизительнаго обращенія, или въ формѣ грубаго насилія и самоуправства, гдѣ бояринъ, въ силу понятій о родовой чести, считалъ для себя величайшимъ безчестьемъ неоказаніе „почета“ его роду, и въ тоже время съ спокойною совѣстью переносилъ брань („лай“) отъ своихъ же товарищей, гдѣ сотенный голова, сынъ боярскій, долженъ былъ легально подвергаться унизительному тѣлесному наказанію батогами, даже въ присутствіи нижнихъ чиновъ [64]), гдѣ сквернословіе и ругательство было обычнымъ способомъ выраженія своего неудовольствія, ни малѣйшимъ образомъ не затрогивая самолюбія противника, гдѣ оскорбленіе, даже съ причиненіемъ тѣлеснаго поврежденія, получало удовлетвореніе платежомъ извѣстной суммы, смотря по состоянію лица и роду тѣлеснаго поврежденія („всѣмъ указывать безчестье

---

[64]) ... „и за то (за отпускъ служилыхъ безъ государева указа и воеводскаго вѣдома) сотеннымъ головамъ, сказавъ имъ вину *при ратныхъ многихъ людехъ*, чинить наказаніе, *бити батоги*, да вкинути въ тюрьму, чтобъ на то смотря инымъ сотеннымъ головамъ не попадно было такъ дѣлати“. *Соборн. улож.*, гл. VII ст. 11.

и увѣчье посмотря по человѣку и по увѣчью“) [65]),—въ такомъ обществѣ понятіе объ оскорбленіи личной чести весьма трудно подвести подъ современную юридическую номенклатуру личныхъ преступленій противъ чести, и намъ необходимо обратиться къ источникамъ, чтобы установить самое понятіе о чести въ обществѣ XVII столѣтія.

Ни личности, ни личной заслуги въ древней Россіи не существовало. Были общественныя, гуртовыя обязанности, разлагаемыя на всѣхъ членовъ, и древняя жизнь дѣлала изъ каждаго лица живой, но пассивный органъ групповой обязанности, „распредѣлявшей напередъ его дѣятельность, мѣсто и заслугу обществу“. Величайшія заслуги князя Пожарскаго, спасителя отечества, не имѣли значенія для высшихъ членовъ общества, опредѣлявшихъ честь въ зависимости отъ старшинства родоначальниковъ. Въ нѣсколько десятковъ лѣтъ забыто было, гдѣ покоится прахъ Пожарскаго и Минина и растеряно все, что составляетъ нераздѣльную святыню съ памятью каждаго великаго сподвижника родины [66]).

---

[65]) „А который ищея взыщетъ бои и грабежу, и отвѣтчикъ скажетъ, что былъ, а не грабилъ: и отвѣтчика въ бою обвинити и безчестье на немъ взяти, а въ немъ, посмотри по человѣку, что государь укажетъ“. *Царскій судебникъ*, ст. 25. Сравни эту статью съ сказаннымъ въ акт. археологич. эксп., т. I, № 257: „а въ бою только не помиряться, ино присуживати въ безчестье съ жеребья; и аще поцѣлуетъ и онъ безчестье возметъ, а отвѣтчикъ поцѣлуетъ и онъ не дастъ ничего“. Не забудемъ, что въ то время (1550) иски о безчестьи свыше рубля, когда не послѣдовало примиренія, рѣшались *полемъ*. Теперь въ началѣ XVII столѣтія, всѣ подобные иски рѣшались неиначе, какъ по суду съ розыскомъ, то есть какъ и всѣ вообще дѣла гражданскія и уголовныя, причемъ законы не отличали уголовной формы процесса отъ гражданской, какъ было на западѣ согласно римскому праву. Припомнимъ, что сказано у насъ о личныхъ оскорбленіяхъ по саксонскимъ законамъ XVI вѣка.

[66]) *Д. В.* (Валуева). Изслѣдованіе о мѣстничествѣ. Москва, 1845, стр. 110. Извѣстно, что князь Д. Пожарскій былъ выданъ головою Салтыковымъ, которые по расчетамъ мѣстничества занимали высокое положеніе. „Для личности, говоритъ Валуевъ, не было мѣста въ обществѣ, а потому и не было мѣста для нея и въ народной памяти“. Петръ В. не могъ даже отыскать мѣста погребенія кн. Пожарскаго и Минина, стр. 120.

Изъ нашихъ источниковъ видно, что честь въ древней Россіи понималась въ *двоякомъ смыслѣ*:

Во первыхъ ч е с т ь составляла исключительную принадлежность людей, занимавшихъ *высшее положеніе въ служебной іерархіи*, отличенныхъ высокимъ званіемъ, саномъ, чиномъ, должностью; таковы были: бояре, окольничіе и думные люди, или же знатныхъ по своей породѣ, по происхожденію, какъ напримѣръ сибирскіе царевичи. Тутъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, вмѣсто *тяжкаго тѣлеснаго наказанія*, налагаемаго по закону на людей ниже стоящихъ по чести и по породѣ, опредѣлялась *потеря чести*, а взамѣнъ легкаго тѣлеснаго наказанія („кто почестнѣе“) опредѣлялось *заключеніе въ тюрьму* [67]). Здѣсь честь слѣдуетъ понимать какъ внѣшнее доказательство отличія, признаніе превосходства, права на особенное почтеніе, короче сказать— п о ч е т ъ. Такое заключеніе мы основываемъ на многихъ мѣстахъ сочиненія Котошихина [68]). Перечисливъ „большіе роды“, которые бываютъ въ боярахъ и въ окольничихъ, авторъ говоритъ: „Есть потомъ и иные многіе добрые и высокіе роды, только еще *въ честь не пришли*, за причиною и недослуженіемъ“. Относительно же думныхъ дьяковъ замѣчаетъ: „а *честію* и *высочествомъ* тѣ думные дьяки будутъ таковы, какъ въ Польшѣ референдаріусы“. „*А честію* тотъ постельничій противъ окольничаго“. „Да въ царскомъ же чину

---

[67]) *Улож.* гл. X, 5: „Да за ту же вину у боярина, и у окольничаго и у думнаго человѣка *отняти честь*. А будетъ который судья такую неправду учинитъ не изъ думныхъ, и тѣмъ учинити *торговая казнь* и *впередъ имъ у дѣла не быть*“. Улож. гл. X, 20:.... „челобитныя свои (въ судныхъ дѣлахъ и иныхъ) подавати въ приказѣхъ бояромъ и окольничимъ и думнымъ и всякимъ приказнымъ людемъ, кто въ которомъ приказѣ вѣдомъ“. Не бивъ челомъ государю, никому челобитень не подавать, а кто подаетъ челобитье государю, о какомъ дѣлѣ помимо приказа „и такимъ челобитчикамъ за то чинити наказаніе—*бити батоги*; а кто почестнѣе, и того *посадити въ тюрьму на недѣлю*“—*Котошихинъ*: За самовольный въѣздъ кого либо изъ бояръ на царскій дворъ на лошади: „и его бъ скоро за то велѣлъ послать въ тюрьму, до указу своего, и *честь его отнятабъ была*, а ежели человѣкъ его боярскій, безъ вѣдома его, провелъ черезъ дворъ лошадь, и тому человѣку *учинено было наказаніе кнутомъ*“. *О Россіи*, гл. II, ст. 14.

[68]) О Россіи въ царств. Алексѣя Михаиловича, гл. II, ст. 1, 2, 3, 4, 12, 14; гл. IV, ст. 12 и т. д.

царевичи сибирскіе, касимовскіе, крещены въ христіанскую вѣру. *Честію они бояръ выше*, а въ думѣ ни въ какой не бываютъ и не сидятъ".

О томъ, что честь не была признаніемъ личныхъ заслугъ, а была признакомъ знатности по породѣ, старшинства, по родовой „лѣствицѣ", доказываютъ, между прочимъ, споры о мѣстничествѣ при назначеніяхъ въ посольства или въ полки на службу: „А тѣ, которымъ велѣно съ кѣмъ быти въ товарищахъ, противъ тогожъ бьютъ челомъ царю, что они *породою своею* и *честью* тѣхъ людей не меньше, съ кѣмъ имъ велѣть быть.... И по тому ихъ челобитью приказываетъ царь въ посольскомъ приказѣ и въ разрядѣ *сыскивать о чести* ихъ записными книгами и писмами, и въ тѣхъ приказахъ сыскавъ напишутъ, *кто каковъ есть честью*".... Точно такіе же споры о чести возникали при назначеніи воеводами въ военное время и ихъ товарищами. Не всѣ полки были одинаковой чести: „передовой полкъ кабы почестнѣе сторожеваго". Правая рука была честнѣе лѣвой. Большой полкъ— честнѣе всѣхъ остальныхъ [69]). И города имѣли также свою относительную честь. Наибольшею честью въ „отечествѣ", во всякомъ случаѣ, пользовались люди *высшей породы*, которымъ отдавалось первенство даже въ царской думѣ: „А изъ которыхъ чиновъ нибуди бываютъ пожалованы въ бояре и въ окольничіе и въ думные люди, *за службы* и *не за службы*, а лучится имъ сидѣти въ думѣ съ царемъ вмѣстѣ: и они садятся по *роду своему* и *по чести*, кто *кого честняя породою*,

---

[69]) Это старшинство полковъ такъ выражено въ указѣ Іоанна IV, 1550 года: „А воеводамъ въ полкахъ быти: большой полкъ, да правая рука, да лѣвая рука, по мѣстомъ; а передовой полкъ, да сторожевой полкъ меньше одного въ полку большаго воеводы; а до правой руки, и до лѣвой руки, а въ большомъ полку до другаго воеводы дѣла нѣтъ, съ тѣми безъ мѣстъ. Кто съ кѣмъ въ одномъ полку, тотъ того и меньше. А воеводъ государь прибираетъ, *разсуждая ихъ отечество*; и кто кого *породился*, то можетъ ратный обычай содержати". Акты ист. I, № 154, 1 ст. дополнительная къ Судебнику.—Но въ этомъ указѣ есть еще одно мѣсто, которое дало поводъ къ постояннымъ столкновеніямъ: „которые будутъ впередъ въ боярахъ и воеводахъ, и они считаются по своему отечеству".—Подробнѣе объ этомъ ниже въ ст. о „Родовой чести".

а не потому, *кто кого старѣе по чину*, хотя кто сегодня пожалованъ, на утрѣе по породѣ своей учнетъ сидѣти выше". Даже бояре, близкіе къ царскому дому, свойственники царю по его супругѣ, не пользовались тою честью, какою пользовались бояре по своему высокому или древнему роду. „А которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бываютъ, потому что подъ иными боярами сидѣть *стыдно*, а *выше неумѣстно, что породою не высоки*". За столомъ всѣ мѣста были распредѣлены такъ, что каждое предшествующее считалось на одну степень почетнѣе послѣдующаго мѣста; ходить еще можно было *безмѣстно*, но сидѣть непремѣнно нужно было по нумерамъ, опредѣляемымъ честью.

Эта родовая—лучше сказать—породистая честь, сообщая право на исключительный почетъ, могла пріобрѣтаться въ XVII столѣтіи и заслугами: „прибавятъ чести и дадутъ жалованья не мало" (*Котошихинъ*). Такимъ образомъ попали въ честь Матвѣевъ, Ордынъ-Нащокинъ и другіе. Но въ XVII-же столѣтіи родовой служебный и разрядный распорядокъ все болѣе и болѣе утрачивалъ значеніе силы, уступая мѣсто другому распорядку. По мѣрѣ расширенія объема государственной службы и развитія вооруженныхъ силъ, болѣе и болѣе запутывались, стѣсняя правительство, отношенія разроставшихся родовъ старой дружины. Съ уничтоженіемъ мѣстничества, особенно же послѣ знаменитаго указа 1693 г., честь служебно-родовая должна была утратить значеніе стаднаго превосходства по породѣ, внѣ личныхъ заслугъ. Въ смыслѣ права на личное уваженіе должна была явиться честь какъ достояніе всякаго вѣрнаго слуги отечества, и въ этомъ сказалось существенное различіе законовъ петровскаго періода отъ соборнаго уложенія.

Въ чисто юридическомъ смыслѣ честь, какъ внутреннее нравственное качество всякаго человѣка, нарушеніе которой состоитъ въ оскорбленіи или униженіи личности словомъ или дѣйствіемъ, клеветою и даже угрозою, въ понятіяхъ общества XVII столѣтія не имѣла еще самостоятельнаго значе-

нія, независимо отъ общественнаго или служебнаго положенія человѣка. Честь каждой личности опредѣлялась общею мѣркою въ зависимости отъ состоянія цѣлой группы лицъ. Чѣмъ выше было общественное положеніе какой-либо массы лицъ, тѣмъ болѣе эта масса имѣла право на почитаніе своей чести, и обратно. Поэтому личная обида словомъ, какъ идеальная форма оскорбленія, въ законахъ XVII вѣка выражена въ формѣ неопредѣленнаго слова „безчестье“.

Соборное уложеніе стремилось закрѣпить обычаи, глубоко укоренившіеся въ нравахъ. Многіе частные случаи указываютъ, что въ судахъ и разныхъ приказахъ довольно часто приходилось заниматься исками о безчестьи „не подобною лаею“ „навѣтнымъ и наноснымъ словомъ“, „побоями“, „причиненіемъ ранъ.“ Но бывали и такіе случаи, что воевода искалъ безчестья съ другаго воеводы за то, что тотъ написалъ отписку въ видѣ указа. Великимъ оскорбленіемъ считалась ошибка въ наименованіи отечествомъ: воевода Волконскій отписываетъ другому воеводѣ: „пишешь ко мнѣ Петръ Ивановичъ, а язъ Андреевичъ, и то промежъ насъ ссора, отца моего имени не вѣдаешь“. Случалось, что оскорбленія наносились въ церкви: „Да онъ же Василій (дьякъ) въ соборѣ учалъ господина моего Ѳ. И. Шереметева матерны лаять“. Въ основаніи исковъ о безчестьи не рѣдко было не чувство оскорбленной чести, а матеріальная выгода [70]).

---

[70]) *Акты Ар. Экс. II;* № 142: челобитная человѣка Шереметева Ондришки, 1609. III, № 42: жалоба воеводы Зюзина на воеводу Волкова и дьяка Митусова въ 1614 г. Интересно заключеніе: „и впередъ бы, господине, вамъ съ указомъ не писати, а учнешь писать съ указомъ, и мнѣ на васъ писать къ Москвѣ и о *безчестьи* бить челомъ Государю“. Тутъ оскорбленіе чисто служебнаго характера смѣшивалось съ личною обидою. III, № 48: царская грамота пермскому воеводѣ 14 окт. 1614 г. о наказаніи Волкова и его товарищей за оскорбленіе кн. Н. Шаховскаго. III, № 58: отписка воеводы кн. Волконскаго Чихачову, 31 янв. 1615 г., III, № 175: челобитье архимандрита троицко-сергіевскаго монастыря съ братьей на головаря Симонова монастыря Богдана Григорьева, который побилъ старца Тихона и его слугу, 31 янв. 1633 г. III, № 237: жалоба доктора Венделина Сибиниста на пріѣзжаго торговца курляндца Ивана Госсена: въ своемъ и жены и дочери безчестіи“, 26. декабря 1644.

Соборное уложеніе, посредствомъ опредѣленія платы извѣстной суммы денегъ за „безчестье“ *для цѣлой группы лицъ*, стремилось удовлетворить всякую обиду, а не исключительно личную — какъ посягательство на тѣлесную неприкосновенность, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось: вслѣдствіе-ли *насилія и самоуправства*, напр.: „мучительное наругательство“ (улож., гл. XXII, ст. 11), или *въ формѣ изувѣченія* (крестьянина, какъ бы оно серьезно ни было); (улож., гл. X ст. 94), или *публичнаго оклеветанія передъ судомъ и ложнаго свидѣтельства*: «да на немъ же тому, кого онъ *поклепletъ*, доправить безчестье» (улож. гл. X, ст. 9) и т. д.

Подъемъ русскаго общества въ XVII стол. «Безчестье» по соборному уложенію. Обида и насиліе, бой и увѣчье, какъ предметы иска за безчестье. Субъектъ и объектъ обиды. Зависимость мѣры наказанія за безчестье: 1) отъ мѣста нанесенія обиды, 2) отъ общественнаго положенія лица и 3) отъ свойства обиды.

Въ XVII столѣтіи, послѣ потрясающихъ событій смутнаго времени, въ русскомъ обществѣ мало по малу поднимались новыя стихіи и распространялись иныя понятія. Противъ суевѣрія, волшебства и чародѣйства энергически, хотя и безуспѣшно, работала церковь; съ запада стали проникать новыя идеи; появились иноземные военные законы. Въ русское законодательство входили постановленія литовскаго статута, болѣе чѣмъ царскій судебникъ, отвѣчавшія потребностямъ гражданскаго устройства русскаго государства, и освѣжались византійскіе законы. Дружина слабѣла. Значеніе дворянской конницы умалялось. Формированіе солдатскихъ полковъ изъ даточныхъ развивалось. Но стрѣльцы еще не утратили своего боеваго значенія и также умножались. Нужно было пополнить пробѣлы судебника, вслѣдствіе упраздненія польнаго процесса, противъ котораго, какъ и противъ чародѣйства, возставала православная христіанская религія. Всѣ иски рѣ-

шались судомъ по шаблонной формѣ розыскнаго процесса, посредствомъ обыска и спроса свидѣтелей. Въ розыскномъ слѣдственномъ процессѣ все болѣе и болѣе возрастало примѣненіе пытки.

Къ юридическимъ нормамъ древнихъ памятниковъ присоединилось много новыхъ понятій. Распространеніе благочестія все болѣе и болѣе увеличивало силу духовенства, особенно монашества, которому, какъ всѣ это знали, государство обязано было своимъ спасеніемъ въ смутное время гораздо болѣе, чѣмъ боярамъ и ихъ родичамъ. Всѣ дворяне, начиная отъ высшихъ родовитыхъ бояръ, признаны царскими служилыми людьми и холопами. Значеніе приказныхъ людей, какъ людей грамотныхъ, необходимыхъ для администраціи въ столицѣ и провинціяхъ, въ приказахъ и на воеводствахъ, видимо усиливалось съ того времени, когда горожане должны были безусловно подчиниться власти воеводъ. Дьяки и подъячіе богатѣли и размножались, особенно въ Москвѣ—средоточіи *вотчиннаго управленія* государствомъ. Горожане, отбывая отъ тяжкихъ повинностей, лезли въ подъячіе.

Сравнивая соборное уложеніе царя Алексѣя Михаиловича съ судебникомъ 1550 года, замѣчаемъ, что въ уложеніи, рядомъ съ развитіемъ старыхъ юридическихъ нормъ, помѣщаются совершенно новыя, частью самобытныя, частью взятыя у другихъ народовъ. Такъ, понятіе о личной обидѣ словомъ, какъ безчестье, ясно и категорично выражено только въ тѣхъ частяхъ уложенія, которыя непосредственно заимствованы изъ литовскаго статута. Между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ уложенія, выросшихъ изъ судебника, съ понятіемъ о „безчестьи“, соединяется не одна только личная обида словомъ, „непригожимъ словомъ“, или личное оскорбленіе дѣйствіемъ, въ формѣ удара рукою, палкою, оружіемъ, но также и разнаго рода насиліе, посягательство на тѣлесную неприкосновенность частнаго лица, даже публичный поклепъ, или ложное свидѣтельство въ судѣ, ложное или неправое обвиненіе въ судѣ. Въ понятіе „безчестье“ вошли, такимъ образомъ, самые разнообразные элементы, въ массѣ которыхъ утрачена

субъективная сторона понятія чести, какъ внутренняго достоянія человѣка.

Въ памятникахъ и законахъ XVII вѣка „безчестье", „обида и налоги", „безчестье и увѣчье" стоятъ въ неразрывной связи.

Мѣра наказанія за *безчестье* въ уложеніи видоизмѣняется въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ условій, которыя мы подводимъ подъ слѣдующія три категоріи: во первыхъ, *отъ мѣста нанесенія обиды*: совершена ли она въ публичномъ мѣстѣ—храмѣ божіемъ, въ государевомъ дворѣ, въ судѣ или приказѣ, или же просто въ частномъ житейскомъ быту, за исключеніемъ насильственнаго вторженія въ домъ съ прямою цѣлію „наругательства"; 2) *отъ общественнаго положенія лица*; здѣсь уложеніе распредѣляетъ общество по объектамъ и субъектамъ на группы или категоріи и оцѣниваетъ честь каждой группы лицъ на деньги по степени достоинства и значенію ея для государственныхъ интересовъ, отъ 400 до 1 р.; мѣра наказанія усилена: а) за безчестье высшихъ духовныхъ сановниковъ—патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, а равно бояръ, окольничихъ и думныхъ людей—въ томъ смыслѣ, что за ихъ безчестье, кромѣ денежнаго штрафа, опредѣляются уголовныя наказанія; и б) за безчестье лицъ женскаго пола—цѣна безчестья которыхъ увеличивается противъ мужчинъ: вдвое—для замужнихъ и вчетверо для дѣвицъ—противъ оклада мужей ихъ или отцовъ; и 3) *отъ свойства обиды*, къ которой нужно отнести и непригожое слово, и раны, и тѣлесныя поврежденія. Тутъ виновный наказывается или за „безчестье", или за „увѣчье и безчестье": простая обида облагается нормальнымъ окладомъ безчестья, тяжкая обида или обида квалифицированная, кромѣ вознагражденія за „увѣчье", облагается платою двойнаго, тройнаго, четвернаго „безчестья". Самая такса за безчестье показываетъ, что уложеніе измѣряетъ честь личности въ объективномъ отношеніи, извѣстнымъ масштабомъ по званію обиженнаго и обидчика, т. е. разстояніемъ по чину, по имуществу, по знатности.

Безчестье въ государевомъ дворѣ, въ храмѣ, въ судѣ; наказаніе за публичную обиду словомъ и дѣйствіемъ.

Цѣна безчестья въ уложеніи измѣняется, какъ сказано, въ зависимости отъ общественнаго положенія и значенія не самого обиженнаго лица, а отъ изображаемой его особою чести. Но личная обида словомъ и дѣйствіемъ въ *государевомъ дворѣ*, въ *церкви* и въ *судѣ* въ уложеніи разсматривается какъ особый видъ преступнаго посягательства на „честь государя“, на „честь государева двора“ на „честь храма божія“, или на „честь суда“. Здѣсь, согласно съ буквою литовскаго статута, уложеніе предусматриваетъ: обиду *словомъ*, *ударомъ рукою*, *тростью*, или *до крови*, *саблею* или *инымъ оружіемъ*, *безъ нанесенія раны*, или *съ нанесеніемъ раны*, послѣдствіемъ которой могло быть выздоровленіе или смерть, и опредѣляетъ за такого рода обиду—*кому бы то нибыло*—въ государевомъ дворѣ „не опасаючи чести царскаго величества“, или же „чести государева двора“, кромѣ денежнаго штрафа за *безчестье* въ пользу обиженнаго, смотря по роду обиды, различное уголовное наказаніе: „за честь государя“, „за честь государева двора“. Когда кто при царскомъ величествѣ, въ его государевомъ дворѣ и въ его государевыхъ палатахъ обезчеститъ другаго *словомъ* и про то сыщется: „и по сыску за честь государева двора того, кто на государевѣ дворѣ кого обезчеститъ, *посадити въ тюрьму на двѣ недѣли*, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ дѣлати. А кого онъ обезчеститъ, и тому указати на немъ безчестье“. За нанесеніе съ *дерзости* удара рукою, сыскавъ до пряма, *посадити въ тюрьму на мѣсяцъ*, а кого онъ ударитъ и тому по немъ доправитъ *безчестье*. А когда ударитъ до крови, того за честь государева двора посадить въ тюрьму на шесть недѣль, а тому, кого онъ окровенитъ, *безчестье доправить вдвое*. Кто при царскомъ величествѣ выметъ на кого саблю или иное оружіе и не ранитъ того казнить—*отсѣчь руку*, а когда ранитъ и тотъ, кого онъ ранитъ, умретъ ли или не умретъ, то того убійца *казнити смертью*, да изъ животовъ его взять убитаго кабальные долги.

Кто же обезчеститъ другаго нанесеніемъ удара оружіемъ въ государевомъ дворѣ, не при государѣ, тотъ, если не причинитъ раны, подвергается *заключенію въ тюрьмѣ на три мѣсяца*, а если ранитъ и раненый не умретъ, то обидчику *отсѣчь руку*, а если раненый умретъ—*казнити смертью*; кромѣ того раненому *доправить безчестье* и *увѣчье противъ окладу вдвое*. До совершенія наказанія, преступника отдать на поруки въ томъ, что ему безъ указу изъ того города, гдѣ онъ кого ранилъ, не съѣзжать до тѣхъ мѣстъ, пока раненой обможется или умретъ [71]).

Точно также уложеніе увеличиваетъ мѣру уголовной кары за личную обиду словомъ или дѣйствіемъ кому либо во храмѣ божіемъ. „Кто въ церкви безчеститъ другаго словомъ, тому опредѣляется *тюрьма на мѣсяцъ*, кто въ церкви ударитъ другаго, а не ранитъ, такого *безчинника за такое безчиніе бити батоги*, кто въ церкви ранитъ, а до смерти не убьетъ, и ему учинити *торговая казнь безъ пощады* и *вкинути въ тюрьму на мѣсяцъ*“. Въ публичныхъ личныхъ обидахъ, кромѣ уголовнаго наказанія за безчестіе храму божію (собственно за нарушенія благоприличія), опредѣляется всегда денежный штрафъ—безчестье въ пользу обиженнаго лица, а въ случаѣ нанесенія раны *безчестье вдвое*. Уложеніе находитъ нужнымъ внушить также, что „православнымъ христіанамъ подобаетъ въ церкви божіей стояти и молитися со страхомъ, а не земная мыслити“ [72]).

Заботясь о благочиніи въ церкви, о благопристойности въ Государевомъ дворѣ, уложеніе внушаетъ необходимость соблюденія приличія и тишины въ судѣ.

„На судѣ истецъ и отвѣтчикъ должны отвѣчать вѣжливо и смирно; судьѣ не говорить невѣжливыхъ словъ и не браниться. Кто кого передъ судьями обезчеститъ непригожимъ словомъ, того

---

[71]) *Собор. улож.* гл. III: о Государевѣ дворѣ, чтобы на Государевѣ дворѣ ни отъ кого никакого безчестья и брани не было; ст. 1 — 5. Срав. съ разд. IV литовскаго статута 1588 г.

[72]) *Собор. улож.* гл. I, о богохульствѣ и церковныхъ мятежникахъ, ст. 5, 6, 7.

за судейское безчестье посадить *въ тюрьму на недѣлю* и на немъ доправить *безчестье* въ пользу обиженнаго; кто передъ судьями съ дерзости рукою зашибетъ, а не ранитъ, и на томъ велѣть тому, кого онъ зашибетъ, доправити *безчестье вдвое*; кто передъ судьями замахнется на другаго оружіемъ, или ножомъ, а не ранитъ, и того *бити батоги*, а если ранитъ — *бити кнутомъ*, а если раненый умретъ или убьетъ его до смерти и виновника *казнить* смертью, да изъ животовъ убійцы и съ вотчинъ взяти убитаго *кабальныя долги*. А если зачинщикомъ ссоры въ судѣ былъ тотъ, кого онъ ранитъ или убьетъ и первый началъ бить,— „такова никакою казнію ни казнити, потому что онъ то учинилъ, боронялся отъ себя“ (улож. X, 105 сравни литов. стат.).

Уложеніе, какъ и литовскій статутъ, охраняетъ честь и безопасность судей и вообще должностныхъ лицъ.

„За безчестье въ судѣ судьи непригожимъ словомъ—того бити кнутомъ, или батоги, что Государь укажетъ, а судьѣ велѣть доправити на немъ безчестье. Кто же судью зашибетъ, или ранитъ, тому отсѣчь руку и на немъ же велѣть доправить судьѣ за раны и за безчестье вдвое. А кто судью въ приказѣ или *гдѣ либо* убьетъ до смерти, того убійцу казнить смертію и изъ его животовъ взяти убитаго кабальныя долги“ (улож. X, 106 ср. литов. стат.).

Какъ литовскій статутъ предусматриваетъ случаи оскорбленія „вознаго“ и дворянъ, посылаемыхъ съ официальными бумагами, и за насиліе опредѣляетъ уголовныя наказанія, соединенныя съ платою за безчестіе вдвое, точно также и уложеніе усиливаетъ наказаніе за оскорбленіе и насиліе надъ *приставомъ* или *сыномъ боярскимъ*, при исполненіи ими своихъ обязанностей: «кто будетъ бить пристава или сына боярскаго, или велитъ кому бить мимо себя людямъ своимъ или крестьяномъ, у него отойметъ и издеретъ наказную или приставную грамоту, такова непослушника за государеву грамоту *бити кнутомъ* и *посадити* въ *тюрьму на три мѣсяца*, а недѣльщику велѣть доправить на немъ *безчестье и увѣчье противъ оклада вдвое*» и т. д. [73]).

---

[73]) Но за бой и оскорбленіе понятыхъ наказаніе ограничивается взысканіемъ денегъ за безчестье: „доправить безчестье да убытки ихъ вдвое по сыску“. А

Въ публичныхъ обидахъ интересы частныхъ лицъ соединяются съ интересами государственной власти; внѣ же суда, внѣ службы, судьи и приказные разсматривались какъ частныя лица. Основаніемъ иска за обиду во всякомъ случаѣ служилъ опредѣленный денежный штрафъ „безчестье“, имѣющій много общаго съ „навезкою“ литовскаго статута.

Безчестье или денежный штрафъ за обиду по общественному положенію.

Честь каждаго лица въ государствѣ опредѣлялась математически въ денежныхъ знакахъ. Въ этомъ отношеніи предписанія уложенія, какъ мы знаемъ, служили развитіемъ царскаго судебника и другихъ позднѣйшихъ постановленій [74]). По уложенію—безчестье (гл. X, ст. 27 — 99) распространяется на всѣ классы народонаселенія; величина его, какъ и по судебнику, зависитъ отъ общественнаго положенія того разряда лицъ, къ которому принадлежатъ обиженный и обидчикъ и опредѣляется особо по разрядамъ и группамъ лицъ каждаго класса народонаселенія. За безчестье — патріарху опредѣлено 400 руб., за безчестье крестьянину только одинъ рубль. Служилымъ людямъ безчестье опредѣлялось окладомъ ихъ содержанія. Безчестье бояръ и другихъ значительныхъ лицъ назначалось самимъ государемъ. Между честью боярина и честью крестьянина лежала цѣлая бездна; слѣдовательно, непригожее слово въ отношеніи къ чести человѣка, стоящаго внизу лѣстницы, представляется ничтожною дробью. Это при нормальномъ разсчетѣ. Но если къ безчестью мужчины, присоедините удвоенное безчестье его жены, учетверенное безчестье его дочери, то общая сумма безчестья человѣка породистаго составитъ безъ малаго цѣлый капиталъ. А эти случаи, какъ увидимъ, были незбѣжны при всякомъ

крестьянъ и людей, которые били пристава и понятыхъ, бить кнутомъ, да на нихъ же доправить битымъ приставу и понятымъ убытки вдвое по сыску“ (улож. X, ст. 142 ср. литов. стат.).

[74]) Гос. гр. и догов. II, стр. 46, Акты истор. III, № 92. Ср. *Б. Утина*, стр. 93.

безчестьи, они особенно практиковались въ искахъ за родовое безчестье. Какое обширное поле для корыстолюбія и какая приманка къ ябедѣ и сутяжничеству!....

Слѣдуя группировкѣ платы за безчестье по уложенію, мы можемъ раздѣлить все народонаселеніе на двѣ главныя части: на лицъ духовнаго званія и на лицъ свѣтскаго или военнаго званія, и послѣднихъ подраздѣлить на служилыхъ и неслужилыхъ; въ каждой части имѣется нѣсколько разрядовъ и подраздѣленій или группъ.

Разсмотримъ сначала оклады за безчестье и наказанія лицъ свѣтскаго званія.

Тутъ *четыре группы*:

Первый разрядъ. Бояре, окольничіе и думные люди.

Второй разрядъ [75]) (въ тѣсномъ смыслѣ служилые). Стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, гости, дьяки, жильцы, дворяне, городовые дѣти боярскіе, иноземцы (въ офицерскихъ чинахъ) и придворные (дворовые чины).

Третій разрядъ (торговые люди и вообще горожане). Имянитые люди строгоновы, гости, гостинные, суконные, казенные и черные сотни, казенныя слободы, посадскіе, ямскіе охотники (*ст. 94*).

Четвертый разрядъ (главнымъ образомъ сельскіе обыватели). Крестьяне дворцовыхъ селъ и государевыхъ черныхъ волостей, боярскіе служилые люди, дѣловые люди, монастырскіе, помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне и бобыли, гулящіе люди (*ст. 94*).

Особою группою стоятъ служилые нижняго чина (по прибору): стрѣлцы, пушкари, казаки (*гл. XXIII, ст. XXV, ст. 1 и 2*).

Въ главѣ X уложенія опредѣлены слѣдующія *наказанія* за безчестье въ каждой группѣ:

---

[75]) Улож. гл. X, ст. 30, 91. Ко второму разряду слѣдуетъ отнести и подъячихъ. Значеніе чиновъ первой и второй группъ описано у *Котошихина*, гл. II, ст. 1—11. Оклады жалованья служилымъ въ моемъ трудѣ: „Арт. Воин.“, вып. второй

I. Безчестье лицъ первой группы, при взаимныхъ оскорбленіяхъ перваго разряда (т. е. сановниковъ) „неприхожимъ словомъ“, опредѣляется по указу Государя (ст. 80), въ слу́чаѣ же оскорбленія этихъ государственныхъ сановниковъ лицами второй группы, безчестье „править“ по размѣру денежныхъ окладовъ обиженныхъ, а когда за безчестье платить нечѣмъ *„ихъ бить кнутомъ“* (ст. 91); если же сановниковъ обезчестить кто либо изъ лицъ, отнесенныхъ нами къ третьему и четвертому разрядамъ, а равно стрѣльцы, пушкари и казаки „кто ни буди“, то обидчику опредѣляется *наказаніе кнутомъ и тюрьма на двѣ недѣли* (*ст. 92*).

II. За безчестье лицъ второй группы, а также подъячихъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей, которые государевымъ денежнымъ жалованьемъ верстаны, править безчестье по ихъ окладамъ (*ст. 93*).

III. За безчестье лицъ третьяго разряда сумма денегъ назначена въ самомъ законѣ: за безчестье именитымъ людямъ Строгоновымъ—по 100 руб. человѣку; гостю—50 руб., человѣку гостинной сотни—25 руб. и т. д., кончая ямскимъ охотникомъ, которому назначено 5 руб. за его безчестье (*ст. 94*).

IV. Безчестье лицъ сельскаго состоянія и гулящихъ людей опредѣлено въ одинъ рубль человѣку, но съ такою оговоркою: „А будетъ кто государевыхъ крестьянъ учнетъ бити и бьючи изувѣчитъ, глазъ выколетъ, или руку, или ногу, и на томъ имати государевымъ крестьянамъ за увѣчье и за безчестье по десяти рублевъ человѣку. А будетъ кто государева крестьянина зашибетъ, а увѣчье никакого не учинитъ, и на томъ имати государевымъ крестьянамъ за бой и безчестье по два рубля“. То же чинить за безчестье и увѣчье прочихъ крестьянъ [76]).

Подобно прежнимъ законамъ, уложеніе опредѣляетъ уси-

---

[76]) *Улож.* гл. X ст. 94. Сравни эту статью съ ст. 10 гл. XXII, гдѣ за отсѣченіе руки, ноги, носа, уха и проч. опредѣлено виновному чинить тоже, и кромѣ того, за всякій отсѣченный членъ и за всякую рану платить по 50 рублей. Здѣсь о безчестьи вовсе не упоминается.

ленный денежный штрафъ за оскорбленіе „непригожимъ словомъ“ лицъ женскаго пола: за безчестье чьей либо жены править вдвое противъ оклада ея мужа, чьей либо дочери-дѣвки—въ четверо противъ отцова оклада; но за безчестье сына неверстаннаго—въ половину противъ отцова оклада (*ст. 99*).

Стрѣльцамъ за безчестье свое и своей жены, со стороны своей братіи, править деньги, а если обвиняемому платить нечѣмъ, за то безчестье *бити его кнутомъ*. Атаманамъ и казакамъ, кто ихъ чѣмъ обезчеститъ, править противъ денежныхъ окладовъ, а которымъ идетъ кормъ, тѣмъ за безчестье править по 5 рублей; тоже по 5 руб. кузнецамъ самопальнаго дѣла, а рядовымъ кузнецамъ по 4 руб. (гл. XXIII *ст. 3*; гл. XXIV *ст. 1 и 2*).

Что же касается до лицъ духовнаго званія, то здѣсь черное или монашествующее духовенство отдѣлено отъ бѣлаго или свѣтскаго клира. И точно также оклады назначаются по группамъ, которыя мы соединяемъ въ четыре разряда.

I. За патріаршее безчестье, бояре, окольничіе и думные люди выдаются патріарху головою, между тѣмъ за „властелинское безчестье“ они платятъ денежный штрафъ: митрополиту—400 руб., архіепископу—300 руб. и епископу—200 руб. Если же означенные думные люди уплатить этихъ денегъ не въ состояніи, то они точно также выдаются головою. Лица второй группы свѣтскихъ чиновъ за безчестье митрополита подвергаются наказанію батогами, а за властелинское безчестье заключаются въ тюрьму. Всѣмъ же прочимъ лицамъ „какова чина ни буди“ за безчестье духовныхъ сановниковъ опредѣляются тѣлесныя наказанія (торговая казнь или батоги) и заключеніе въ тюрьму отъ одного мѣсяца до четырехъ дней (*ст. 28—31*).

II. Безчестье архимандрита, игуменовъ и иноковъ опредѣляется смотря по званію оскорбленнаго и іерархическому положенію монастыря, начиная отъ архимандрита, игумена, келаря и казначея Троицко-Сергіевской лавры. Оклады безчестья опредѣлены означеннымъ группамъ отъ 100 до 6 руб-

лей; рядовымъ старцамъ и старицамъ по 5 руб., а безмѣстнымъ старцамъ по 3 рубля (*ст. 32—83, 97*).

III. Свѣтское духовенство — протопопы, протодіаконы, попы, діаконы получаютъ за безчестье, за нѣкоторыми исключеніями, „что имъ идетъ государева жалованья денежныя руги“. А тѣмъ священникамъ, „которымъ годовыя денежныя руги нѣтъ“, безчестье опредѣляется по особому счету (*ст. 85—88*).

IV. Наконецъ, въ главѣ X исчислено также подробно и обстоятельно безчестье духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, составляющихъ штатъ патріарха, духовныхъ іерарховъ, монастырей и церквей; не забыты и церковнослужители—дьячки и пономари, коимъ опредѣлено по 3 и по 2 рубля за безчестье (*ст. 95—98*).

Приводя въ извѣстную, довольно сложную систему прежде существовавшія постановленія относительно преступленій противъ чести, уложеніе, въ своей лѣстницѣ, уподобляемой пирамидѣ, за основаніе для устепененія наказаній за безчестье приняло личную обиду словомъ. Въ этомъ его несомнѣнная заслуга. Духовная власть долго вела безуспѣшную борьбу съ распространеніемъ въ народѣ привычекъ къ сквернословію, оскорбительнымъ выраженіемъ, поклепу, лжи. Теперь пришла очередь для законодательства: оно преслѣдуетъ преступленія противъ чести съ особенною строгостью, охватывая насилія и такія преступленія, которыя вели къ матеріальному ущербу обиженной стороны. Ему предстояло обезпечить неприкосновенность личности отъ посягательства и на ея достоинство, и на благосостояніе, не только употребленіемъ словъ ругательныхъ или позорящихъ честь, но и употребленіемъ недостойныхъ средствъ къ униженію, оскорбленію или причиненію ущерба своему противнику публичнымъ ложнымъ обвиненіемъ.

Съ другой стороны безчестье, обращенное въ денежные знаки, представляется столь крупною суммою, что вело отвѣтчика къ совершенному разоренію и этимъ средствомъ пользовалось тщеславіе и корыстолюбіе, заводя иски въ судахъ,

которые усердно служили интересу людей имущихъ и сильныхъ.

Обиды, отягченныя обстоятельствами.

Въ обидахъ, отягченныхъ обстоятельствами, уложеніе опредѣляетъ *двойное безчестье*, т. е. оно удваиваетъ тягость отвѣтчика. Въ судѣ каждый желалъ найти защиту отъ посягательства на свою честь, вслѣдствіе ложныхъ свидѣтельскихъ показаній, неправильнаго обвиненія, насилія, вообще самоуправныхъ дѣйствій. Предусматривая разнообразные случаи, законодатель развилъ чрезвычайно подробно казуистическую регламентацію. Посредствомъ безчестья каждый могъ добиваться удовлетворенія своего иска въ судѣ: „А будетъ кто кого *чѣмъ обезчеститъ* и за безчестіе чинити указъ“. *Свойство безчестья* нужно было доказать свидѣтельскими показаніями такихъ лицъ, на которыя сошлются обѣ стороны. Въ законѣ опредѣлены случаи, когда именно свидѣтели за ложныя показанія подвергаются денежному штрафу, когда наказываются тѣлесно (даже кнутомъ), когда могутъ быть подвергнуты пыткѣ [77]).

Въ самомъ принципѣ иска за безчестье обнаруживаются слабыя стороны соборнаго уложенія. Въ немъ даже и приблизительно не опредѣлено, что именно законъ разумѣетъ подъ выраженіемъ „непригожимъ словомъ“, въ чемъ должна состоять обида словомъ, за которую обиженный могъ привлечь обидчика къ отвѣту. Обиженный не ограничивался своею личностью; онъ присоединялъ къ ней и жену свою и дочерей.

---

[77]) *Соборн. уложс.* гл. X, ст. 158—173. Свидѣтели, при извѣстныхъ случаяхъ, подвергаются денежной пенѣ въ размѣрѣ до 40 руб. съ человѣка, а въ случаѣ лживыхъ показаній—наказанію кнутомъ или же пыткѣ. Когда обѣ стороны на судѣ сошлются „на обчую правду“, хотя на одного человѣка, то дѣло вершить по обчей ссылкѣ. Когда свидѣтелей трое, то показаніе двухъ противъ одного принимать за истину. Когда общая ссылка оговорила кого либо, солгала, и „той обчей ссылкѣ за то учинить жестокое наказаніе—бити кнутомъ нещадно“. Боярскихъ людей, крестьянъ и женскій полъ во всякихъ дѣлахъ допрашивати по государеву крестному цѣлованію передъ образомъ Божіимъ и т. д. *Ст. 149.* Какъ чинить управу въ обидныхъ дѣлахъ на бояръ, окольничихъ, стольниковъ и на дворянъ московскихъ и ихъ дѣтей, воеводъ,ословъ.

Обратимъ вниманіе на обиды весьма тяжкія, на тѣ обиды, которыя лишали семью работника, вслѣдствіе причиненія ему увѣчья, тяжкой раны, на обиды вслѣдствіе лжесвидѣтельства. Къ обидѣ дѣйствіемъ во многихъ отношеніяхъ пріурочены тяжкія тѣлесныя поврежденія [78]). Въ этихъ отдѣльныхъ законахъ дѣйствительная обида смѣшивается съ насиліемъ, съ грубымъ посягательствомъ на тѣлесную неприкосновенность и опредѣляется уголовная кара „за увѣчье", соединяемое съ денежною платою „за *безчестье*". Но здѣсь нѣтъ послѣдовательности. За отсѣченіе руки, ноги, носа, уха, за поврежденіе глаза уложеніе предписываетъ сдѣлать тоже самому обидчику, да и на немъ же взяти изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое ругательство учинилъ, безчестья по 50 рублей за каждый отсѣченный членъ и за всякое *увѣчье* (глазъ, ухо и т. п.). Тутъ увѣчье смѣшивается съ безчестьемъ. Личною обидою и оскорбленіемъ чести часто почитается насильственное нападеніе, „наѣздъ" на чужія владѣнія, захватъ полей и луговъ и т. п. „Кто заволокетъ кого силою и станетъ бить ослопомъ, или кнутомъ, или батоги и такого *бить кнутомъ по торгомъ* и *кинуть* его въ тюрьму на мѣсяцъ," да на немъ же доправить въ пользу потерпѣвшаго *безчестье* и *увѣчье вдвое*. Людей, которые помо-

---

[78]) Уложеніе гл. X, ст. 133, 136, 198, 199, 281; XII, 10, 11, 12, 17 и многія другія, на которыя мы ссылались прежде и еще будемъ ссылаться впереди. См. объ этомъ же: *Б. Утина*, стр. 64 и слѣд.; *Лангѣ* Журналъ министр. народн. просв. стр. 209 и слѣд. Въ главѣ о *механическихъ дѣйствіяхъ, считавшихся* (по уложенію) *наносившими безчестье*, отнесены: а) нанесеніе ранъ и увѣчій, б) побои, в) напускъ на кого собаки, г) наѣздъ на чью жену лошадью съ умысломъ, д) самоуправная пытка татя въ своемъ домѣ, е) умышленное подкидываніе кому поличнаго, ж) составленіе подложной кабалы или крѣпости, з) хватаніе рукою мужчины или женщины за тайные уды и опростоволосеніе чьей жены, и) написаніе въ чьемъ либо прозвищѣ или имени другихъ буквъ. Соборн. улож. I, 5, III, 5, X, 106, 198, 199, 133, 94; XX, 11, 17; новоуказан. ст. 94 (1 полн. собр. зак. № 441), X, 136, XXII, 11; новоук. ст. 95, XX, 11, 12, новоук. ст. 96; I, 6, III, 2, X, 106, 105, VII, 32, X, 142, XXII, 4, новоук. ст. 90; XXII, 17; новоук. ст. 103; XXI, 88; новоук. ст. 16, XXI, 55, новоук. ст. 55; XXI, 56; новоук. ст. 55; X, 251. См. еще въ 1 полн. собр. зак. II, №№ 653, 775, 782, 812, 879, 886, 9, 93, 905. Акты юридич. №№ 61, 70, 276. Акты историч. V, № 43.

гали такому нарушительству—*бить кнутомъ по торгомъ и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ*, а съ тѣхъ, которые на такое дѣло людей своихъ научили, править *безчестье вдвое* въ пользу потерпѣвшаго; а чей человѣкъ учинитъ такое паругательство самъ собою, такого, *пытавъ, казнить смертію* (улож. гл. XX, ст. 10, 11, 12 и въ новоуказныхъ статьяхъ 94, 95, 96). Зачинщикъ драки, если будетъ раненъ, лишается платы за безчестье, потому что самъ не правъ (улож. гл. X, 201). Когда одинъ человѣкъ обидитъ трехъ, четырехъ человѣкъ, то каждый изъ числа обиженныхъ можетъ искать на обидчикѣ свое безчестье особо, хотя бы товарищи его отступились отъ иска. Когда же нѣсколько человѣкъ учинятъ обиду одному и обиженный предъявитъ жалобу на всѣхъ, но изъ нихъ кто либо одинъ помирится, а остальные безъ суда не помирятся, то истцу слѣдуетъ дать судъ на тѣхъ остальныхъ, а безъ суда ихъ по раздѣлкѣ товарища ихъ не винить (гл. X, 183, 184).

Къ личной обидѣ уложеніе относитъ даже такое значительное по нашимъ понятіямъ преступленіе какъ насиліе воинскихъ людей на походѣ, когда они съ мѣста жительства шли толпами на сборные пункты или послѣ похода возвращались домой („когда онъ ѣдетъ на государеву службу или возвращается съ государевой службы"). „А будетъ онъ (служилый) на томъ стану рукою ударитъ, а не до смерти убьетъ, и не ранитъ, или словомъ кого обезчеститъ, или у кого что грабежемъ возьметъ, а сыщется про то до пряма: и тому учинити наказаніе смотря по винѣ; да на немъ же велѣти тому, кого онъ рукою ударитъ, или словомъ *обезчеститъ*, *доправить безчестье* и *грабежъ вдвое*" (гл. VII, 32).

Коротко сказать — *безчестье* въ понятіяхъ русскаго общества XVII вѣка обнимало не только непосредственную личную обиду словомъ или дѣйствіемъ, безъ причиненія какого либо тѣлеснаго поврежденія, или съ причиненіемъ раны, увѣчья и даже смерти, но также и всякаго рода насилія, драки, грабежи, захватъ чужой собственности. Но этого мало; искъ за безчестіе по уложенію и новоуказнымъ статьямъ, охватывая

самыя разнообразныя преступленія, составлялъ истинную общественную язву, развивая ябедничество въ судахъ и усложняя до крайности дѣлопроизводство [79]).

Заключеніе. Въ уложеніи выражались вполнѣ своеобразные, запутанные взгляды на личное оскорбленіе, на обиду; личность укрывается за званіемъ и чиномъ. Въ этомъ отношеніи законодательство XVII столѣтія дало не много новаго: уложеніе развило и закрѣпило правоопредѣленія прежнихъ русскихъ законовъ, дополнивъ таковыя устарѣлыми нормами литовскаго статута и византійскихъ градскихъ законовъ. Оно не пошло далѣе устарѣлыхъ формъ государственнаго строя и не рѣшилось вступить въ борьбу съ предразсудками и обычаями вѣка. Личную обиду, оскорбленіе чести оно понимало въ узкомъ смыслѣ тѣхъ противозаконныхъ дѣяній, которыя затрогиваютъ не столько нравственную сторону личности, сколько ея физическую природу или матеріальное достояніе. Оно не могло различать личнаго оскорбленія отъ обиды служебной, потому что не умѣло отдѣлять достоинство лица, какъ человѣка, отъ званія, которое онъ носилъ. Каждой группѣ людей, оплачиваемыхъ извѣстною суммою денегъ за безчестье, въ государственной организаціи дана была извѣстная клѣтка, въ которой только и могли вращаться всѣ жизненные интересы этихъ людей. Какъ женщина томилась въ теремѣ, такъ и стрѣлецъ, такъ и сынъ боярскій обязаны были вѣчною службою, со всѣми своими домочадцами, со всѣми своими животами.

Иначе уложеніе отнеслось къ *публичнымъ* оскорбленіямъ чести, разграничивъ въ нихъ значеніе обиды словомъ отъ обиды дѣйствіемъ постепенностью усиленія наказаній. Но эти опредѣленія пришли извнѣ—изъ литовской Руси, точно также какъ ранѣе, въ древній періодъ, приходили постановленія грековъ и скандинавовъ, какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ пере-

---

[79]) *Уложеніе* гл. X, ст. 9, 99, 107, 143, 162, 171, 186—188, 251, 252, гл. XXI, ст. 55. О безчестьи за поклепъ, ложное свидѣтельство, ложное челобитье и проч. См. еще: соч. *Утина*, стр. 72 и слѣд.; *Ланге*, Журналъ мин. народ. просвѣщ., стр. 198 и слѣд. Авторъ перечисляетъ разные виды безчестья по неправильнымъ или ложнымъ обвиненіямъ.

нимались церковные и свѣтскіе законы Византіи. Для частныхъ личныхъ оскорбленій само уложеніе не установило какихъ либо самостоятельныхъ юридическихъ нормъ, не отдѣлило отъ нихъ другихъ преступленій, угрожающихъ лицу проявленіемъ дикой воли, матеріальной силы, въ формѣ грубаго физическаго насилія и самоуправства. Своею казуистической регламентаціей о судѣ уложеніе поддерживало только щепетильную притязательность челобитчиковъ по вопросамъ родовой чести, и усердно поощряло иски о безчестіи посредствомъ розыскнаго процесса, надѣляя истцовъ матеріальнымъ благомъ въ ущербъ благосостоянія отвѣтчиковъ. Въ судѣ, по уложенію, видимъ проявленіе того же поля, со всѣми его неправдами въ пользу людей богатыхъ и сильныхъ.

Другимъ, болѣе надежнымъ путемъ должно было совершиться смягченіе народныхъ нравовъ, а такое явленіе предполагаетъ нравственный подъемъ личности. Иными путями общественное сознаніе должно было придти къ убѣжденію, что не всякая обида можетъ быть искуплена только уплатою извѣстнаго числа рублей. Только будущія грозныя событія, посредствомъ тяжкаго опыта, докажутъ необходимость ограниченія примѣненія пытокъ и удручающихъ тягчайшихъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній; даже въ вопросѣ столь деликатномъ, какъ честь, это будущее выяснитъ, въ чемъ именно состоитъ личная честь каждаго человѣка, какъ гражданина, какъ сына отечества.

Уложеніе, какъ мы уже сказали, сдѣлало уже много тѣмъ, что установило отвѣтственность за личную обиду „непристойнымъ словомъ“ и памѣтило публичную обиду. Въ немъ, безъ сомнѣнія, имѣлись и другія симпатичныя стороны, не взирая на его презрительное отношеніе къ человѣку, жизнь котораго имѣла такую малую цѣну для государства XVII столѣтія. Оно, напримѣръ, пришло на помощь церкви и нравственности, установивъ грозное наказаніе за оскорбленіе дѣтьми своихъ родителей [80]). Но уложеніе не могло идти по пути

[80]) *Уложеніе* гл. XXII ст. 4; тоже и въ 1 полн. собр. зак. I, № 431.

быстро развивавшихся въ народѣ новыхъ понятій. Не прошло и полустолѣтія, какъ потребовались коренныя въ немъ измѣненія и существенныя дополненія. Въ 1687 году воспрещено *ставить на правежъ и въ заживъ головою истцомъ не отдавать* людей неимущихъ—крестьянъ, бобылей, посадскихъ, дворовыхъ, нижнихъ чиновъ, которые не могли платить денегъ за безчестье стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и городовымъ, и всякихъ чиновъ служилымъ людямъ, но наказывать ихъ за эти безчестія батогами [81]). Скоро явится необходимость предотвратить посягательства посторонихъ воинской службѣ людей на нижнихъ чиновъ при отправленіи ими караульной службы, въ которой предписывалось брать подъ арестъ людей публично вступающихъ въ драки [82]). Скоро будетъ запрещено солдатамъ бить челомъ на торговыхъ всякихъ чиновъ людей, въ брани и въ безчестіи своемъ; въ подобныхъ искахъ, преслѣдовавшихъ своекорыстныя цѣли, велѣно солдатамъ отказывать и розыску не чинить [83]). Государство съ насмѣшкой отнесется къ обидчивости воеводъ, требовавшихъ безчестья за то, что иной купецъ „смотритъ звѣрообразно.“ Скоро окажется нужнымъ воспретить переходы въ другія руки недвижимыхъ имѣній—помѣстій и даже вотчинъ, которыя отписывались за безчестье по требованію истцовъ [84]).

„Новоуказныя статьи, 22 января 1669 года.“ Въ разъясненіе и дополненіе 21 и 22 главъ соборнаго уложенія: о татѣхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ стр. 794, ст. 90: „А будетъ кто, сынъ или дочь, не помня закона христіанскаго, учнетъ отцу или матери грубыя рѣчи говорить, или отца или мать съ дерзости рукою зашибетъ, и въ томъ на нихъ отецъ, или мать учнутъ бити челомъ; и такихъ забывателей закона христіанскаго, за отца и за мать, *бити кнутомъ*.“

[81]) 1 полн. собр. зак. I, № 1228. Именной изъ дворцоваго приказа 7 марта 1687 г.

[82]) 1 полн. собр. зак. IV, № 1663. Именной 1698 г. „которые люди на карауліхъ въ дракахъ караульнымъ стрѣльцамъ взять себя не дадутъ и караульныхъ стрѣльцовъ побьютъ и объявятся на нихъ бой и тѣмъ людемъ за бои караульнымъ стрѣльцовъ чинити наказаніе *бити кнутомъ* и *правити на нихъ безчестье и убытье противъ ихъ окладовъ вдвое*, а на которыхъ караульныхъ бою не явится, и тѣмъ стрѣльцамъ *править безчестье по окладамъ ихъ въ одинъ рядъ*.“

[83]) 1 полн. собр. зак. IV, № 1785. *Именной* 24 мая 1700 года.

[84]) I полн. собр. зак., IV, № 1796. *Именной съ боярскимъ* приговоромъ 7 іюня 1700 года. „Кто кого обезчеститъ по прежнему править безчестье, по когда истцу

Коротко сказать, грозныя событія въ быстромъ своемъ полетѣ разбивали по частямъ принципы уже обветшалой старины и разстраивали двухвѣковую государственную организацію, съ ея патріархальными формами, въ которыхъ становилось тѣсно русскому человѣку, оканчивавшему свой отроческій возрастъ.

Несостоятельность уложенія въ борьбѣ съ преступленіями противъ чести обнаружится еще полнѣе, когда мы ознакомимся съ притязательностью родовой чести, вносившею въ общественный бытъ служилыхъ людей одну лишь смуту и бывшею существеннымъ препятствіемъ къ развитію естественнаго роста государственнаго тѣла.

Примѣчаніе. Слѣдующая статья „Мѣстничество и преступленія противъ родовой чести“ была помѣщена въ Военномъ Сборникѣ за 1888 г. № 12, и потому здѣсьопускается.

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ ЧЕСТИ ПО АРТИКУЛУ ВОИНСКОМУ И ПАТЕНТУ О ПОЕДИНКАХЪ.

ГЛАВА III.

Событія предшествовавшія реформамъ Петра Великаго.

Въ половинѣ XVII столѣтія въ государствахъ западной Европы вмѣстѣ съ развитіемъ монархическихъ началъ и съ учрежденіемъ регулярныхъ войскъ, выдвинулись новые элементы въ военныхъ законодательствахъ. Военные законодатели тщательно оберегаютъ достоинство и честь начальниковъ—по отношенію къ офицерамъ, офицеровъ по отношенію нижнихъ чиновъ и вообще старшихъ—по отношенію къ младшимъ. Эти принципы Густава Адольфа усвоены были всѣми законодательствами на западѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣже законы защищаютъ низшихъ отъ произвола и насилія старшихъ. Огражденіе личной чести солдата, какъ сына отечества, становится предметомъ заботы верховной государственной власти.

платить пенѣмъ, то отвѣтчиковъ наказывать батогами, а помѣстій ихъ, отвѣтчиковыхъ, и вотчинъ за безчестье истцомъ впредь никому не отдавать. См. еще *Акты археограф. экси.*, т. I, № 280, 1571 г.

Въ началѣ XVIII вѣка эти же принципы стали достояніемъ и русскихъ войскъ.

Мы уже знаемъ какимъ порядкомъ совершенъ переходъ Россіи къ регулярной арміи. Бросимъ еще бѣглый взглядъ на состояніе русскаго общества въ концѣ XVII стол. Помѣстная система видимо слабѣла, воинскій характеръ помѣстныхъ служилыхъ утрачивался, служилые стали заниматься хозяйствомъ, заботиться о закрѣпощеніи работниковъ; послѣ покойной и праздной жизни въ помѣстьи, служба, когда приходило время, становилась тяжкою, обременительною. Сознавалась кое-кѣмъ изъ *новыхъ* людей, приближенныхъ къ царю, несостоятельность русскаго военнаго строя. Начинался усиленный призывъ иностранныхъ офицеровъ для обученія русскихъ ратному строю, по образцу иноземному. Подлѣ національныхъ войскъ явились полки съ иноземными названіями: солдатскіе, рейтарскіе и драгунскіе. Солдаты и драгуны, какъ и стрѣльцы, жили нерѣдко отдѣльными слободами. Приказами управляли потомки царской дружины—бояре, окольничіе и думные люди. Отношеніе бывшей дружины къ царю измѣнились. Но судьи и воеводы продолжали кормиться отъ дѣлъ, и русское общество въ концѣ XVII ст. сверху до низу представляется разшатаннымъ отъ насилія и самоуправства воеводъ и судей. Христіанскія понятія продолжали еще сталкиваться съ суевѣрными обрядами, остатками язычества. Старые, знакомые намъ изъ судебныхъ поединковъ ворожеи, чародѣи, не переводились. Даже въ царскомъ дворѣ вѣрили въ чарующую силу нашептываній, заговариваній, поимки слѣда. Вѣдунамъ и чародѣямъ щедро платили. Наговариваніе на громовую стрѣлку, на медвѣжій ноготь, колдовство на слѣдъ, употребленіе приворотнаго корня („обратима“) продолжали кормить людей, знавшихся съ темными силами. Волхованіемъ занимались и въ царскихъ чертогахъ, и въ палатахъ вельможъ, и въ бѣдной хижинѣ посадскаго и простаго человѣка. Чародѣевъ преслѣдовали и боялись. Ильѣ Милославскому, еще до брака царя Алексѣя на его дочери, подкинули письмо, будто у него хранится *волшебный перстень* знаме-

нитаго дьяка Грамотина, и послѣ того за нимъ долго присматривалъ приставъ. Родственникъ царскій, бояринъ Семенъ Стрѣшневъ обвиненъ былъ въ *волшебствѣ* и это обвиненіе не прошло даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Вологду. Въ волшебствѣ же обвиняли и знаменитаго Матвѣева, чтобъ помѣшать браку царя Алексѣя на его воспитанницѣ Нарышкиной [85]). Немногіе, конечно, факты попали на страницы исторіи. Но мы знаемъ, что въ народѣ не переводились бѣсовскія пѣсни, соблазнительныя игры, нашептыванія. Знаемъ объ этомъ изъ попадающихся въ актахъ запрещеній и угрозъ наказаніями.

Какъ ни крѣпко держались старины русскіе люди XVII вѣка, но они не могли устоять противъ напора новыхъ идей, которыя неотступно вторгались съ запада. Новые учителя и въ монашескихъ рясахъ и въ доспѣхахъ бранныхъ незамѣтно, но дружно, подготовляли общество къ реформаторской дѣятельности Петра. Оставляя въ сторонѣ распространеніе духовнаго образованія кіевскими учеными монахами, переводившими на славянскій языкъ греческую библію, разные уставы и сборники, отмѣтимъ тотъ важный фактъ, что учителями были иноземные ратники, притомъ они были учителями не одного ратнаго дѣла. Эти непрошенные гости, эти наставники иноземщины заняли въ Москвѣ особую слободу, знаменитую „Нѣмецкую слободу“, просвѣтительная роль которой доста-

---

[85]) *Соловьевъ*, XIII, стр. 170, цит. 134. Приказныя дѣла москов. арх. мин. иностр. дѣлъ. Годы 1674, 1651. Арх. мин. юст., столбцы приказнаго стола, № 1691. Исторія о невинномъ заточеніи Матвѣева, стр. 161. Въ 1674 г. въ Тотьмѣ сожжена была въ срубѣ публично женщина Оедосья по оговору въ *порчѣ*. Въ Шую къ чудотворному образу Смоленской богородицы изъ многихъ городовъ пріѣзжали люди, мущины и женщины, и привозили одержимыхъ *нечистыми духами* „страждущіе въ молебное время метаются всякими различными козподѣйствами и кличутъ на уѣздныхъ людей, что ихъ портятъ: кликала Ирина Маурила на Оську Якимова, и по царскому указу Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертью. На свадьбахъ присутствовали *знахари*, которые умѣли отвращать всякое зло. До суздальскаго архіепископа дошло извѣстіе, что весь городъ встревоженъ видѣніемъ „какъ соборный попъ Иванъ ѣздилъ на медвѣдѣ“. *Соловьевъ*, XIII стр. 166 — 169. У *Забѣлина* имѣется любопытное разбирательство по приказанію государя о „колдовствѣ на царицынъ слѣдъ“. Ч. II, стр. 352 и слѣд.

точно намъ уже извѣстна („Арт. воин.“, вып. 2). Въ полицейскомъ наказѣ, данномъ десятникамъ Нѣмецкой слободы, велѣно наблюдать, чтобы полковники, подполковники и начальные люди не допускали къ *поединкамъ* нижнихъ чиновъ, чтобы не учинялось *никакого смертнаго убійства* и *дракъ*, чтобы не торговали виномъ, пивомъ и табакомъ, не играли зернью и въ карты [86]). Подобные наказы давались и самимъ начальникамъ—иноземнымъ полковникамъ; но въ извѣстныхъ намъ наказахъ для стрѣльцовъ о поединкахъ вовсе не упоминается.

Иноземцы, приходившіе искать счастья, какъ люди привыкшіе къ превратностямъ судьбы, много видѣвшіе и не мало знавшіе, не стѣснялись въ своихъ привычкахъ: на свои пирушки они привлекали молодежъ московской знати и занимали стольниковъ и жильцовъ заманчивыми разсказами про житье, бытье заморское. Скоро и легко иноземцы примѣнялись къ русскимъ обычаямъ и нравамъ.

Гордонъ въ своемъ „Дневникѣ“ даетъ понятіе о томъ, какого рода внушенія понравились иноземнымъ начальникамъ.

„Однажды русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ своихъ солдатъ, которые тайкомъ ночью играли въ карты и, по обычаю тогдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забралъ себѣ не только деньги, которыя были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдатъ 60 рублей, не давши объ этомъ знать Гордону, какъ непосредственному начальнику. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ, и сдѣлалъ ему *строгій выговоръ* съ угрозою, что впередь ему плохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ нѣжнымъ внушеніямъ, началъ было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ внушеніе другаго рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ, и такъ отколотилъ дубиною, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику, но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину: Гордонъ и тутъ заперся“.

Очевидно, Гордонъ хорошо усвоилъ себѣ теорію фор-

---

[86]) Дѣла приказныя москов. арх. мин. иностр. дѣлъ. Годъ 1673. — *Соловьевъ* XIII, стр. 222, цит. 178.

мальныхъ доказательствъ тогдашняго розыска—слѣдственнаго процесса.

Однажды хозяинъ дома вздумалъ выпроводить Гордона изъ занимаемой имъ квартиры. Челобитье его было уважено, но Гордонъ не обращалъ вниманія на письменныя приказанія полиціи. Явился подъячій съ 20 человѣками трубниковъ, большая часть которыхъ осталась внизу. Гордонъ потребовалъ указъ. Подъячій отказался, приказавъ трубникамъ забрать чемоданъ и вещи, а самъ беретъ полковыя знамена. „Гордонъ вскакиваетъ изъ за стола, и съ помощью деньщика и двухъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подъячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подъячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ на верхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь выгодою своего положенія на верху, прогоняетъ ихъ, тѣмъ легче, что трубники были вооружены палками". Между тѣмъ на шумъ прибѣжали солдаты и прогнали подъячаго съ трубниками.

По иностраннымъ законамъ за призывъ на помощь другихъ, въ случаѣ драки, опредѣлялась смертная казнь. По въ Москвѣ на продѣлку Гордона, несмотря на то, что побиты были полицейскіе чины и служители, вооруженные палками, не обратили даже и вниманія.

Пирушки иноземцевъ вели къ ссорамъ, которыя нерѣдко оканчивались драками и поединками, несмотря на ихъ запрещеніе въ Россіи. Такъ, въ 1666 году Гордонъ поссорился съ маіоромъ Монгомери у себя на пирушкѣ, которую задалъ придворнымъ въ царскіе имянины, и имѣлъ съ нимъ поединокъ [87]).

Гордонъ, бывшій двукратно на шведской службѣ (въ 1655 и 1659 г.г.), не могъ не знать шведскихъ военныхъ артикуловъ, въ которыхъ поединки и драки запрещались подъ угрозою смертной казни. Легко себѣ представить, какъ выгодно было буйнымъ иноземцамъ поступать на царскую служ-

---

[87]) Gordon, Tagebuch, 1 B.—*Соловьевъ*, XIII, стр. 222—225 приводитъ случаи ссоръ и дракъ солдатъ со стрѣльцами и ссору полковника Гордона съ генералъ-маіоромъ Трауернихтомъ. О дракахъ солдатъ иноземнаго строя съ жителями, которыя нерѣдко оканчивались увѣчьемъ и убійствомъ, имѣются свѣдѣнія въ актахъ историческихъ и археографической экспедиціи.

бу. Впослѣдствіи, командуя Бутырскимъ солдатскимъ полкомъ, тотъ же Гордонъ ввелъ строгую дисциплину и не допускалъ насилій и самоуправства. Но при Алексѣѣ Михаиловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ эгоистическіе интересы, стремленіе къ наживѣ на счетъ подчиненныхъ неизбѣжно вели къ насиліямъ и обидамъ нижнихъ чиновъ и вызывали безпрерывныя челобитныя солдатъ и стрѣльцовъ на своихъ капитановъ и полковниковъ. Въ этихъ челобитьяхъ служилые люди просили о вознагражденіи за безчестье.

Для характеристики времени, предшествующей стрѣлецкому бунту, замѣтимъ кстати, что когда въ 1677 году на Рождество Христово нѣкоторые дъяки не пустили къ себѣ государевыхъ славельщиковъ, то разгнѣванный царь (Ѳеодоръ Алексѣевичъ) приказалъ лишить ихъ обыкновенныхъ доходовъ, т. е. онъ повелѣлъ „*за такую ихъ дерзость и безстрашіе быть имъ въ приказахъ безкорыстно и никакихъ почестей и поминокъ ни ужого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать*“. Если же кто явится въ самой *малой взяткѣ*, или *корысти* и имъ за то быти въ наказаніи [88]).

Въ то время, когда облеченные властью воеводы и полковники кормились на счетъ подчиненныхъ служилыхъ людей, въ русскомъ помѣстномъ и поселенномъ войскѣ не могло и установиться правильныхъ дисциплинарныхъ отношеній между начальниками и нижними чинами; не должно, поэтому, удивляться челобитьямъ стрѣльцовъ и солдатъ на *обиды*; челобитья на обиды въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Здѣсь подъ выраженіемъ „обида“ слѣдуетъ понимать, согласно уложенію 1649 г., нестолько обиду личную, оскорбленіе чести, сколько матеріальный ущербъ—учетъ жалованья, насиліе, вымогательство. Во многихъ случаяхъ личная обида—опозореніе чести словомъ или дѣйствіемъ, бывала лишь послѣдствіемъ насилія и самоуправства. „Налоги“ и „обиды“ въ обществѣ XVII ст. шли рука объ руку. Событіямъ перваго москов-

[88]) *Забѣлинъ*, I, стр. 333.

скаго бунта предшествовали неслыханныя вымогательства („налоги“) и злоупотребленія властью полковниковъ („обиды“). Извѣстна уже намъ полная разнузданность стрѣльцовъ, распущенность, до которой они доведены были своими же начальниками, позволявшими себѣ прибѣгать къ возмутительнымъ насиліямъ и личнымъ оскорбленіямъ. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ видимо угасалъ. Старинное дружинно-придворное устройство государева двора совершенно разстроилось и было подточено враждою партій. Стрѣльцы Пыжова полка подали государю челобитье на своего полковника. Языковъ, „глубокій дворскихъ обхожденій проникатель“, какъ думаютъ, въ угоду начальнику стрѣлецкаго приказа, боярину князю Юрію Долгорукову, произвелъ неправильный розыскъ, вслѣдствіе чего полковники были оправданы, а челобитчиковъ стрѣльцовъ, лучшихъ людей, приказано *бить кнутомъ и разослать въ ссылки.* Полковники, ободренные неудачей и посрамленіемъ стрѣльцовъ, стали еще болѣе смѣлыми въ обращеніи съ рядовыми стрѣльцами и болѣе жестокими, чѣмъ прежде. 23 апрѣля стрѣльцы полка Грибоѣдова, можетъ быть, не желая обидѣть своего престарѣлаго боярина, пошли по начальству и подали челобитье на Грибоѣдова въ стрѣлецкомъ приказѣ. Доложили боярину Долгорукову, что пришелъ какой-то пьяный стрѣлецъ съ челобитною и наговорилъ много *непристойныхъ словъ* про него, боярина, и про другихъ. Долгоруковъ *велѣлъ схватить челобитчика и высѣчь кнутомъ передъ съѣзжею избою;* но когда стрѣльца вывели на площадь и прочли ему приговоръ, то онъ обратился къ товарищамъ съ просьбою о недопущеніи его къ совершенію надъ нимъ поруганія за то, что имъ подана челобитная, по ихъ же желанію и приговору. Стрѣльцы взволновались, бросились на приказныхъ сторожей, смяли ихъ и выручили товарища. Этого было достаточно для возбужденія смятенія во всѣхъ московскихъ стрѣлецкихъ полкахъ. Тогда же подана была челобитная и солдатами на своего командира генералъ-маіора Матвѣя Кравкова [89]). Таковъ былъ пер-

[89]) Эти обстоятельства предшествовали стрѣлецкому бунту въ маѣ 1682 г.,

воначальный толчекъ къ московскому бунту 1682 года. Смятенія солдатъ въ XVI и XVII ст., вслѣдствіе оскорбительныхъ дѣйствій офицеровъ и начальниковъ, были явленіемъ распространеннымъ въ Европѣ. Причины ссоръ, дракъ и мятежей извѣстны (Арт. Воин. вып. 2). Съ подобными, крайне опасными преступленіями въ военномъ быту, велась борьба упорная и продолжительная. Въ иностранныхъ военныхъ артикулахъ, подъ страхомъ смерти, воспрещались тайныя и неразрѣшенныя сходки, коллективныя жалобы, потому что сходки служили средствомъ для возбужденія смятенія. Въ дракахъ даже призывъ на помощь другихъ людей облагался смертію, потому что и повальныя драки иногда вели къ мятежу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ иностранныхъ законахъ выработаны были правила и наставленія объ обращеніи начальниковъ и офицеровъ съ нижними чинами, о взаимныхъ отношеніяхъ солдатъ между собою и съ жителями. Установленъ былъ порядокъ обжалованія личныхъ обидъ нижними чинами. Личныя обиды словомъ и дѣйствіемъ получили весьма обстоятельную регламентацію въ законахъ о ссорахъ, дракахъ и поединкахъ. Но ни въ соборномъ уложеніи, ни въ другихъ спеціальныхъ русскихъ законахъ (*наказахъ и памятяхъ* для воеводъ, для стрѣлецкихъ полковъ и полковниковъ войскъ иноземнаго строя) ничего подобнаго не встрѣчаемъ, не смотря на то, что волненія и бунты случались давно въ войскахъ иноземнаго строя.

Организація стариннаго стрѣлецкаго войска исключала самое пламенное желаніе Петра I и его ближайшихъ сотрудниковъ къ водворенію дисциплины и воинскаго порядка. Только къ новоустроенному, по образцу регулярныхъ полковъ, національному русскому войску можно было привить

описанному нами въ главѣ IV о „всякой солдатской работѣ *Арт. Воин.*, вып. 2, стр. 228 и слѣд., цит. 291. См. также *Соловьева*, XIII, стр. 341 и слѣд., цит. 233, 234, 237, 239. Особенно важно свидѣтельство датскаго резидента *Розенбуша*, „Relation der Traurigen Tragedy“ въ приложеніяхъ къ исторіи Петра Великаго, *Устряловъ*, т. I, стр. 22—24, 45, приложеніе VI. Также въ соч. *Поссельта* „Der General und Admiral Lefort. Erst. Band, S. 322.

прочныя начала внутреннаго благоустройства, сообразуясь съ постановленіями, существовавшими на Западѣ.

Первоначальныя постановленія Петра I относительно личныхъ обидъ и о наказаніяхъ за оскорбленіе чести.

За многіе годы до появленія Устава Воинскаго 1716 г. встрѣчаемъ памятники, въ которыхъ имѣются заимствованные отъ иностранцевъ законы, опредѣляющіе бытовыя стороны вновь устроенной регулярной арміи въ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаемъ ограниченіе или отмѣну иска за „безчестье“ въ войскахъ.

Новоустроенное регулярное войско немыслимо было оставить при старыхъ законахъ о безчестьи. Для Петра I солдатъ былъ такимъ же слугою отечества, какимъ былъ офицеръ, будь онъ сыномъ боярскимъ, или иноземцемъ. Стремленіе государя преобразователя поднять личность солдата вытекаетъ изъ существа всѣхъ его военныхъ законовъ и собственноручныхъ инструкцій. Съ самаго начала организаціи регулярной пѣхоты видна заботливость царя объ установленіи внутренняго порядка на началахъ субординаціи.

Остановимся на постановленіяхъ, относящихся къ настоящему вопросу, по извѣстнымъ намъ памятникамъ, предшествовавшимъ появленію артикула воинскаго въ 1715 г. и устава воинскаго въ 1716 г.

Въ рукописномъ *уставѣ А. Вейде* 1698 г., между прочимъ находимъ такое общее правило о поведеніи нижнихъ чиновъ на квартирахъ: *В.* „Отъ пьянства и отъ зерни и отъ гульбы удержаться. Также поставленные на стоялыхъ дворахъ, чтобы жили смирно, и хозяевамъ *озорничества* и *обидъ* не чинили. А если имъ отъ хозяевъ будетъ *какая обида* и имъ, солдатамъ, сказывать о томъ капраламъ своимъ, а капралу о томъ извѣщать сержантомъ, а сержанту о томъ сказывать капитану, а капитану о томъ доносить полковнику. А если кто учинитъ *собою обиду* хозяевамъ и тѣмъ людемъ учинено будетъ *жестокое наказаніе по винѣ*

смотря. А за пьянство, и за зерень, и за гульбу будетъ жестокое наказаніе, и отъ полку будетъ отставленъ“ [90]). Въ этомъ первоначальномъ извѣстномъ намъ дисциплинарномъ уставѣ намѣчены также обязанности нижнихъ чиновъ на службѣ и въ строю, права и обязанности капитана. Намѣчены, но еще не обработаны. Имѣлись довольно полныя наставленія для руководства поведеніемъ солдатъ и опредѣленія объ отношеніяхъ солдатъ другъ къ другу и къ начальникамъ. Такъ, были извѣстны правила или статьи съ указами Петра *о неподачѣ жалобъ высшему начальству мимо ротныхъ командировъ, о наказаніяхъ за личныя обиды и о запрещеніи въ войскахъ сходокъ въ круги и соединительные совѣты*. Эти правила находимъ въ рукописныхъ сборникахъ, хранящихся въ древнемъ румянцевскомъ музеѣ и въ Императорской публичной библіотекѣ [91]).

Въ „Уложенномъ Артикулѣ“ заключается слѣдующее краткое постановленіе о *личныхъ обидахъ*: „Егда начальный человѣкъ или солдатъ, равностно себѣ солдата или не солдата, невѣжливыми бранными и чести тронутыми словами тронетъ и тотъ станетъ бить челомъ, и тому отвѣтчику подобно изобиженному, по обстоянію вреда принуждену (быть) кому денежною виною повинитца, тотъ *реченіемъ прощается* (т. е. проситъ прощенія) *и сверхъ того пойманіемъ* (арестомъ) *и безчестнымъ*

---

[90]) Мое изслѣдованіе: „Вейде, Адамъ Адамовичъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Петра Великаго и его воинскій уставъ 1698 г.“ Казань, 1887 г. стр. 18 и 19.

[91]) Соединительные круги или сходки солдатъ запрещены послѣ перваго стрѣлецкаго бунта. Правила о принятіи жалобъ за личныя обиды, какъ и многое другое, относящееся до внутренняго порядка въ войскахъ, могли быть разработаны Гордономъ и Лефортомъ для двухъ выборныхъ солдатскихъ, а равно для преображенскаго и семеновскаго полковъ. Изъ біографіи Лефорта (Поссельта) видно, что онъ по *цѣлымъ днямъ*, не рѣдко запершись съ царемъ, работалъ надъ составленіемъ разныхъ правилъ. На редакціи нѣкоторыхъ правилъ первоначальныхъ замѣтно перо иностранца, плохо владѣвшаго русскимъ языкомъ. Поэтому мы думаемъ, что нѣкоторыя постановленія, относимыя къ началу XVIII столѣтія, могли быть уже составлены до начала организаціи регулярной пѣхоты въ 1699 году.

(вѣроятно тѣлеснымъ) *наказаніемъ отъ полку или роты наказанъ быть* (наказывается)“ [92]).

И такъ, солдатамъ внушается быть вѣжливыми въ отношеніяхъ между собою и не употреблять словъ, оскорбительныхъ для чести товарища. Обидчикъ долженъ просить прощенія и, сверхъ того, подвергается исправительному наказанію. Постановленіе это очень важно. Оно требуетъ, чтобы обиженный отказался отъ своихъ словъ, испросилъ у обиженнаго прощенія. Денежное безчестіе уже теряетъ свое самостоятельное значеніе, становится элементомъ второстепеннымъ, или замѣняется другимъ наказаніемъ. Законодатель даетъ понять, что честь солдата—благо, неудобоцѣнимое на деньги, что оскорбленный можетъ быть удовлетворенъ признаніемъ своей вины и отказомъ отъ самоуправства. Исправительныя наказанія и испрошеніе прощеніе у обиженнаго болѣе надежны, чѣмъ расплата деньгами, которая развиваетъ пустое сутяжничество. Нужно припомнить, что въ русской армій при Петрѣ I служили солдатами и дворяне.

Въ самомъ началѣ устройства регулярной арміи въ 1700 г., Петръ I рѣшился ограничить иски за безчестье на основаніи соборнаго уложенія. Жалобы о безчестьи оскорбительными словами, странными, часто нелѣпыми, становились просто смѣшными, и разбирательство этихъ жалобъ только по пустякамъ занимало не только судей и приказныхъ, но даже самого государя. Путивльскій воевода Алымовъ, подалъ жалобу, въ которой объяснялъ, что истецъ его Григорій Батуринъ, въ приказной избѣ, на допросѣ по дѣлу, сказалъ ему, Алымову, что онъ смотритъ на него з в ѣ р о о б р а з н о“. Въ челобитьи Алымовъ присовокупляетъ: „И тѣмъ онъ меня, холопа твоего, обезчестилъ“; далѣе ссылается на уложеніе и проситъ доправить на Батуринѣ безчестье. Но Петръ не обратилъ вниманія на уложеніе. Вмѣсто доправы безчестья, онъ велѣлъ за *недѣльное челобитье* доправить на самомъ воеводѣ

---

[92]) Сборникъ *Кожевникова* въ румянцевскомъ музеѣ, по описанію А. Востокова, № 13.

10 рублей пени и приказалъ раздать эти деньги на милостыню въ богадѣльни, нищимъ [93]).

Вслѣдъ за симъ, въ указѣ 4 мая 1700 г. Петръ I выставилъ смѣшные и нелѣпые поводы къ искамъ за личныя обиды съ требованіемъ уплаты денегъ за безчестье. Основою этого интереснаго указа служатъ слѣдующія выраженія и слова, выписанныя изъ челобитныхъ въ судномъ московскомъ приказѣ: „вольно тебѣ лаять“, „шпынокъ турецкой“, „изъ подъ бочки тебя тащили“, „не Воротынскій-де ты лаешь“, „робенокъ“, „сынишко боярскій“, „мартынушко мартышка“, „черти тебѣ сказываютъ“, „трусъ“, „отецъ твой лаптемъ шти хлѣбалъ“, „отецъ твой лапотникъ, сулилъ сыромятную кожу и яловичьи сапоги“, „разоренье-де мнѣ отъ тебя“, „мучилъ-де ты меня“, и т. п.

Петру I, пожившему долго въ Голландіи, ознакомившемуся съ порядкомъ иной расправы въ войскахъ за личныя обиды и оскорбленія чести, не могли не казаться безплодными занятія правительственныхъ установленій разборомъ челобитій, основанныхъ въ сущности на придиркахъ не только къ словамъ, не имѣющимъ смысла, но даже и ко взгляду, который почему либо могъ казаться оскорбительнымъ для чести. Съ того времени въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ, по крайней мѣрѣ въ постановленіяхъ для войскъ и флота, повѣяло новымъ духомъ; въ военныхъ и морскихъ законахъ взоръ Петра I постоянно обращенъ на ближайшіе поводы къ безпорядкамъ и смутамъ, которые повели къ бунту въ стрѣлецкихъ войскахъ, и онъ ищетъ способы для предупрежденія подобныхъ несчастій. Драгунамъ и солдатамъ, а равно и матросамъ, разрѣшается *приносить жалобы* на личныя обиды и притѣсненія (налоги) но не иначе, какъ *по начальству* сперва капитану, а затѣмъ, если жалоба останется безъ удовлетворенія, то нижній чинъ можетъ обжало-

---

[93]) *Забѣлинъ*, I, стр. 262, цит. 2 дворц. разр., т. IV, 1132, 1136. Деньги эти розданы по богадѣльнямъ, по 4 деньги человѣку—на 291 челов. и по 2 деньги—на 92 челов.

вать своего офицера полковнику; солдатъ можетъ жаловаться и на полковника высшему начальству, если ближайшій начальникъ оставитъ его просьбу безъ удовлетворенія; но каждый обязанъ приносить жалобу по командѣ и только за себя лично: „тѣ бы писали и подавали челобитные всякой своимъ именемъ о своей обидѣ, а не отъ всего полку". Жаловаться за другихъ, или упоминать въ своей челобитной о разныхъ обидахъ на другихъ, воспрещено. Драгунамъ и солдатамъ воспрещается также собираться тайно или явно въ круги или сходки, или составлять „соединительные совѣты" для составленія челобитной, ибо это равносильно бунту: „А буде въ которыхъ полкахъ солдаты учнутъ между собою въ круги о чемъ совѣтовать, и кто увѣдавъ извѣститъ, и про то розыскивать, и по розыску, за круги и за соединительныя совѣты, или кто челобитныя станетъ писать и подавать о одной обиде многіе, хотя и о правомъ дѣлѣ, тѣмъ учинена будетъ безъ всякаго милосердія смертная казнь. А извѣтчику дано будетъ его, великаго государя, жалованья: изъ нижнихъ будетъ повышенъ повышенъ чиномъ" [94]).

Постановленія о личныхъ обидахъ получили болѣе обстоятельное, въ юридическомъ смыслѣ, развитіе, въ „Уложеніи или правѣ воинскаго поведенія" 1702 года, составленномъ по соображенію съ датскимъ военнымъ артикуломъ Христіана V 1683 г. [95]).

---

[94]) Подлинный текстъ по рукописи, хранящейся въ румянцевскомъ музеѣ, напечатанъ у *Розенгейма:* „Очеркъ истор. о судныхъ учрежден. въ Россіи до кончины Петра Великаго". С.-П.-Б. 1878 г., прилож. XII, стр. 354.—Въ своемъ „Описаніи рукописей румянц. музея", 1842 г., А. Востоковъ полагаетъ, что постановленіе *„О порядкѣ принесенія жалобъ нижними чинами и о запрещеніи сходокъ"* составляетъ часть указа Петра Великаго полковнику Ивану Петр. Бауру (т. е. въ 1706 г. или позже). Можетъ быть это и такъ, но несомнѣнно, что правило такое существовало уже при началѣ формированія регулярныхъ полковъ въ 1699—1700 г., когда Петръ I ознакомился на практикѣ съ подобными порядками въ Европѣ. Круги же или соединительные совѣты запрещены были еще въ правленіе Софіи, слѣдовательно положеніе Востокова не имѣетъ большаго значенія.

[95]) Corp. Jur. Mil. Novis II Christ. V Kön. Dännem. Art. Въ. art. 14, 26, 27, 29, 30, 33. Ср. „Улож. или право воинск. поведенія" ст. 8, 59, 60, 61, 62, 63 и 65.

Относящіяся къ личнымъ обидамъ статьи военнаго уложенія: *8*, *59*, *60*, *61*, *62*, *63*, *66*, *69*, сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) воинскіе люди (служители) всякаго вѣроисповѣданія и какой бы то ни было народности, должны жить между собою въ христіанской любви, „другъ друга ни словами, ни дѣломъ безчестія не чинити, и противъ непріятеля за одно поступати“ (ст. 8, art. 14). 2) Начальнымъ людямъ и солдатамъ „весьма воздерживаться“ отъ чести нарушительныхъ и бранныхъ словесъ и безчестіевъ. 3) За оскорбленіе словомъ виновные, по опредѣленію суда (воинскаго), въ который они приносятъ жалобу, обязаны *испросить христіанское прощеніе*, а если его не получатъ, то подвергаются *заключенію* въ *желѣза*, или наказываются по усмотрѣнію суда (ст. 59 art. 26) [96]). Всѣ ссоры и драки, если не послѣдовало добровольнаго примиренія, разрѣшаются въ воинскомъ судѣ или начальникомъ (ст. 60, art. 27). 4) Кто обнажитъ оружіе или нападетъ на другаго (за исключеніемъ случаевъ, когда начальникъ долженъ „унимать“ подчиненныхъ), тотъ подвергается *жестокому наказанію на тѣлѣ* (ст. 61, art. 28). 5) Кто въ строю рукою ударитъ—солдатъ солдата, или начальникъ начальника—тотъ наказывается: солдатъ—*по усмотрѣнію своего офицера*, начальникъ—*по опредѣленію воинскаго суда;* кромѣ того оскорбленный даетъ *пощечину оскорбителю* при тѣхъ же людяхъ, при которыхъ самъ былъ обиженъ (ст. 62, art. 28). 6) На квартирахъ въ городахъ и селахъ за оскорбленіе („никакимъ безчестіемъ досадительно“) поселянина или поселянки виновные подвергаются *смертной казни* или *жестокому наказанію*, „по винѣ смотря“; дѣло это разсматривается въ судѣ (ст. 63, art. 30) [97]). 7) Когда послѣ примиренія кто либо

См. мое изслѣдованіе: „Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ“, изд. 1887 г., стр. 22, 23 и слѣд., цит. 17, 18, 19.

[96]) Вмѣсто наказанія „по усмотрѣнію суда“ въ подлинникѣ „постыдное изгнаніе изъ полка“—„mit schimpflicher Vorweisung vom Regiment“. C. J. M. Nov. II, art. 26, стр. 271. Кромѣ того въ ст. 59 „воен. улож.“ за брань измѣнникомъ, или трусомъ, или другимъ вредительнымъ словомъ (напр. воромъ), когда обезчещенный окажется дѣйствительно виновнымъ въ такомъ преступленіи, обидчикъ *за недонесеніе*, подвергается тому же наказанію, которому подлежитъ совершившій оное.

[97]) Воен. уложеніе въ ст. 63 значительно сьуживаетъ опредѣлительную часть датскаго подлинника (art. 30) и допускаетъ возможность избѣгать наказанія посредствомъ рѣшенія дѣла судомъ. У датчанъ объектомъ обиды можетъ быть: „солдатъ, горожанинъ, крестьянинъ, его жена, дѣти и прислуга“ (Gesinde); „дѣяніе

нападетъ на того, съ кѣмъ поссорился, и послѣдній ранитъ или убьетъ нападающаго, то содѣянное не вмѣняется въ вину (ст. 66, art. 33). 8) Кто въ ссорѣ ножемъ, „воровскимъ оружіемъ“, нанесетъ рану, тому пожъ *сквозъ руку пробитъ межи перстовъ и* по указу паки самому прорывать (ст. 57, art. 24). 9) Никто, отъ высшняго до нижняго чина, не долженъ выходить и вызывать на *поединокъ*, подъ угрозою жестокаго наказанія; убившій на поединкѣ, по розыску, *подвергается смертной казни*. 10) Въ случаѣ оскорбленія словомъ или дѣйствіемъ всякому дано право приносить жалобу полковнику или другому своему начальнику и просить суда по ст. 39, но самому не расправляться (ст. 69, art. 35) [98]).

Намъ уже извѣстно, изъ предыдущихъ указаній (вып. 2-й), что редакція военнаго уложенія 1702 г. часто не согласуется съ текстомъ датскаго военнаго артикула. Но оно проникнуто духомъ своего оригинала. Въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ *военное* уложеніе категорично отказалось отъ системы челобитій по соборному уложенію, установило порядокъ обжалованія по начальству и денежную пеню замѣняетъ исправительнымъ или уголовнымъ наказаніемъ. Военное уложеніе до такой степени рабски подчинено датскому военному артикулу, что обиженному предоставляетъ право, посредствомъ сдачи пощечины, возстановлять свою нарушенную честь! Принципъ тальона сохраненъ и при нанесеніи раны ножемъ, какъ было и въ литовскомъ статутѣ (буквально). Дѣла о личныхъ обидахъ рѣшаются или властью начальника, или по усмотрѣнію суда; но какъ при этомъ разграничивалась подсудность изъ военнаго уложенія не видно. Неизвѣстно также, въ чемъ состояло „досадительное безчестье“, за которое по ст. 63

можетъ быть совершено въ полѣ, гарнизонѣ или собственномъ жилищѣ“; въ 30-мъ артикулѣ предусмотрѣна не одна только обида дѣйствіемъ, оскорбленіе ударомъ палкою или другимъ предметомъ, но и насиліе: „gewalthätiger Ueberhatt und beschimpffet“. Категоричность постановленія 30-го датскаго военнаго артикула по редакціи ст. 63 военнаго уложенія исчезаетъ, а это должно вести къ произволу. Очевидно, что въ выраженіи „досадительное безчестіе“, нужно понимать нѣчто большее, чѣмъ личная обида дѣйствіемъ.

[98]) *Ст. 39*, на которую дѣлается ссылка, не имѣется въ рукописи, изданной Розенгеймомъ.

опредѣляется смертная казнь; очевидно здѣсь предположена не какая либо обида дѣйствіемъ (ударъ палкою или чѣмъ либо), но насиліе. Въ военномъ уложеніи встрѣчаемъ два особыя самостоятельныя преступленія—*нанесеніе удара ножемъ* „яко тайнымъ воровскомъ оружіемъ“ и *поединокъ;* о послѣднемъ въ соборномъ уложеніи и новоуказныхъ статьяхъ не упоминается. Но вліяніе датскаго военнаго закона всего болѣе мы видимъ въ новыхъ карательныхъ мѣрахъ; таковы: *христіанское прощеніе, пощечина публичная*, какъ воздаяніе зломъ за зло (lex talioni), независимо отъ понесеннаго наказанія по суду, *прободеніе руки съ прорваніемъ тѣмъ же ножемъ*, какимъ нанесена рана, и *наказаніе шпицрутенами*. Подъ выраженіемъ *„жестокое наказаніе на тѣлѣ“* слѣдуетъ понимать наказанія *изувѣчивающія*, бывшія у насъ въ большомъ употребленіи въ XVII столѣтіи, каковы: „отсѣченіе руки, пальцевъ, отсѣченіе ноги и проч., или же *болѣзненныя*—кнутомъ, батогами и, можетъ быть, шпицрутенами. О томъ, что шпицрутены назначались за нѣкоторыя преступленія низшимъ чинамъ видно изъ улож. или права воин. повед. 1702 г.“. Такъ, въ ст. 12, за отказъ отъ работъ или своей должности солдатъ подвергается наказанію *шпицрутенами или кнутомъ*.

И такъ, въ *первые же годы* сѣверной войны русская армія должна была подчиниться новымъ законамъ за личныя обиды, причемъ законодатель обращаетъ особенное вниманіе на оскорбленіе подчиненныхъ со стороны лицъ, имѣющихъ дисциплинарную власть. Законодатель уже не ограничивается запрещеніемъ поединка, какъ было въ наказахъ и полицейскихъ инструкціяхъ для иноземцевъ. Поединками считались у насъ иноземцы; теперь они облагались смертною казнію, какъ во всѣхъ государствахъ Европы. Ранѣе, въ началѣ XVII стол., смертная казнь назначалась не за вызовъ, а за нанесеніе раны или убійство на поединкѣ. Въ регулярной арміи Петра иноземныхъ офицеровъ, со включеніемъ остзейскихъ нѣмцевъ, служило число не малое, особенно въ высшихъ чинахъ и въ драгунахъ.

Вышеизложенное о личныхъ обидахъ по военному уложенію прямо показываетъ, что Петръ Великій стремился привить въ войскахъ совершенно другія начала. Но *обида* оставалась еще понятіемъ неопредѣленнымъ, растяжимымъ; съ понятіемъ о личной обидѣ соединялось посягательство на различныя блага, какъ матеріальныя, такъ и не матеріальныя, тутъ затрогивалась не одна только честь въ ея объективномъ значеніи. Понятіе о личной обидѣ еще не было спеціализировано: оно смѣшивалось съ насиліемъ на тѣлесную неприкосновенность. Законодатель видимо былъ озабоченъ преслѣваніемъ самоуправства, но помимо рѣшенія суда или дисциплинарною властью начальника не признавалъ права на самовольную расправу съ обидчикомъ.

Этотъ принципъ знало и соборное уложеніе, но оно не съ такою энергіею, какъ законы Петра, гарантируетъ подчиненнаго. Оно не имѣетъ понятія о дисциплинѣ какъ охранѣ службы государственной.

Въ „Артикулѣ краткомъ“ барона Гюйсена [99]), который въ 1705—1706 году составленъ для драгунъ и согласно рукописи румянцов. музея, названъ артикуломъ Меншикова, во II главѣ: „о наказаніи простыхъ прегрѣшеній“ находимъ восемъ статей подъ-рядъ (6—13), которыя касаются личныхъ обидъ и оскорбленій чести; но редакція этихъ постановленій крайне туманна, нѣкоторыя статьи изложены даже такъ непонятно [100]), что трудно добиться смысла, не обращаясь къ другимъ, подобнымъ же законамъ иностраннымъ. Между тѣмъ

---

[99]) Мой трудъ: „Военные законы Петра Великаго въ рукоп. и первоп. изд.“, стр. 25 и слѣд., здѣсь объяснено, что Артикулъ краткій составленъ первоначально на нѣмецкомъ языкѣ барономъ Гюйсеномъ и обнародованъ въ Германіи подъ заглавіемъ „Mockowitisches Kriegs-Reglement“ въ 1706 г.; но еще ранѣе, въ 1705 г. онъ былъ переведенъ на русскій языкъ, отпечатанъ въ Москвѣ церковно-славянскимъ шрифтомъ и опубликованъ для народа. См. цит. 20, 21, 22, 23.

[100]) Напримѣръ *ст. 12* „Кто же похочетъ кого обругать или смѣятся и оный свое терпѣнье не право (?), челобитьемъ къ высшему донесетъ, то съ челобитчикомъ въ равной винѣ и въ наказаніи будетъ“. или *ст. 10*: „А офицерамъ въ ротной кондиціи не право состоящее въ словахъ (?), по тягости (?) заслуживать или отпускъ (?) по обрѣтеніи возъимѣютъ; напередъ у обиженнаго просить“ (?).

неопредѣленность санкціи легко могла допускать полный произволъ въ военныхъ судахъ, составленныхъ изъ офицеровъ, совершенно невѣжественныхъ въ дѣлѣ правосудія.

Остановимся на ст. 7, 8, 9, въ которыхъ яснѣе выражено намѣреніе законодателя:

Поединки наказываются смертью „хотя кто (т. е. никто) не раненъ будетъ или животъ не потеряетъ. Понеже симъ, преступая противъ Его Величества своего Государя, которому каждый свое дѣло разсудить отдаетъ и на службѣ его ся отдати долженъ“ (*ст. 7*).

Вліяніе иностранныхъ законовъ о поединкахъ и ссорахъ, очевидно, сталкивается съ обычаями и нравами, глубоко укоренившимися въ русскомъ народѣ: ссоры и драки, которые иногда оканчивались убійствомъ, часто случались на пирушкахъ въ пьянствѣ. И слѣдующая статья 8 за убійство въ безпамятствѣ (*безъ опамятства*), „поспѣшеніемъ въ пьянствѣ“ мѣру наказанія зачинщику (?) опредѣляетъ по состоянію виновнаго: *рядовому*—„бѣжать скозь строй“, т. е. наказать его прогнаніемъ скозь строй шпицрутенами, *унтеръ-офицера*—„къ полу приковать и паки дослуживать“, вѣроятно, заковывать въ желѣза и лишать унтеръ-офицерскаго званія, а *высшему офицеру*—„со всѣмъ жалованьемъ (?) безъ абшиду отказать“. Нельзя не обратить вниманія на крайнюю снисходительность „Краткаго артикула“ къ убійцамъ-пьяницамъ!... Но далѣе: „А буде кто изъ русаковъ (предполагается въ горячности и вѣроятно, на пирушкахъ) осмѣлится ножами рѣзаться, *тому руку на цѣлый часъ приговодить къ висѣлицѣ и его потомъ прогнать*“. Изъ существа редакціи ст. 8, выписанной нами цѣликомъ, можно заключить, что почтенный баронъ Гюйсенъ, первую часть ея назначалъ для иностранцевъ, а вторую для русскихъ—„русаковъ“.

Статья 9 такъ изложена: „Кто смрадными (sic) и особливо злобственными словами, которые у русаковъ гораздо суть въ употребленіи, своего подобнаго будетъ бранить, то бы онаго (т. е. у онаго) явно просилъ прощенія, а рядовыхъ, по розысканіи худости таково неправа, въ строю бѣжать (т. е.

прогнать сквозь строй шпицрутенами). Неправо—хотя при немъ, или заглаза обидящаго, учинено будетъ". И здѣсь существенная разница въ мѣрѣ наказанія по отношенію къ субъекту; притомъ въ вину вмѣняется и обида заочная „за глаза обидящаго".

Необходимо знать, что составитель, баронъ Гюйсенъ, пользовался особеннымъ покровительствомъ Меньшикова, по порученію котораго онъ и составлялъ артикулы для *драгунъ*, подвластныхъ князю Александру. Въ то время (1705—1706 г.г.) почти всѣ командиры драгунскихъ полковъ и весьма значительная часть офицеровъ были иностранцами, преимущественно саксонцами. Это обстоятельство и принято во вниманіе въ постановленіяхъ о личныхъ обидахъ. Какъ видно, люди русскіе, въ горячности, имѣли привычку рѣзаться ножами и ругаться „смрадными" словами. Не трудно понять, что „смрадныя слова" суть матерныя и другія грубыя, обидныя для чести выраженія. Объ искорененіи этого обычая въ народѣ давно хлопотала церковь, но безуспѣшно. Теперь за искорененіе дурныхъ обычаевъ взялось государство. Употребленіемъ дурныхъ словъ русскіе люди не стѣснялись и это всегда удивляло иностранцевъ. Далѣе, подгулявшій на пирушкѣ иностранецъ за убійство отдѣлывался исключеніемъ изъ службы, а пьяному „русаку" за нанесеніе раны (правда ножомъ) опредѣлялось изувѣчивающее наказаніе, а затѣмъ *исключеніе* (?). Тутъ даже странное противорѣчіе, ибо убійца на пиру (т. е. въ пьяномъ состояніи) могъ избѣжать наказанія. Въ прежнихъ русскихъ законахъ не встрѣчаемъ исключенія изъ службы, но была *ссылка*, которая въ XVII столѣтіи, въ московскомъ государствѣ практиковалась въ обширныхъ размѣрахъ, особенно во второй половинѣ XVII вѣка. Напротивъ, на западѣ изгнаніе изъ войска, или изгнаніе изъ страны, за личныя оскорбленія, даже въ XVII столѣтіи примѣнялось въ обширныхъ размѣрахъ [101]).

[101]) Значеніе ссылки, какъ самостоятельнаго наказанія, обстоятельно выяснено въ изслѣдованіи *П. Д. Сергѣевскаго* „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка", гл. IV: область примѣненія ссылки и цѣли ея.

Но уже во второй половинѣ XVII столѣтія изгнаніе, особенно въ регулярныхъ войскахъ, въ Европѣ замѣнялось галерными работами или ссылками на галеры, въ крѣпости. Точно также и у насъ, при Петрѣ I, ссылку въ разные города замѣнили работы на галерахъ или каторгахъ, или же въ крѣпостяхъ, какъ и всегда на Западѣ.

И такъ, за многіе годы до изданія артикула воинскаго въ русскихъ войскахъ уже опредѣлены были взаимныя отношенія воинскихъ чиновъ между собою, принимались иныя мѣры и входили въ судебную практику другія наказанія для преслѣдованія личныхъ обидъ словомъ и дѣйствіемъ, особенно же самовольной расправы посредствомъ грубыхъ насилій. Нижнимъ чинамъ и офицерамъ указаны легальные способы для обжалованія оскорбительныхъ для чести дѣйствій, вообще „обидъ“ со стороны офицеровъ и начальниковъ. Такія постановленія, не смотря на недостатки въ частностяхъ, при извѣстныхъ предѣлахъ дисциплинарной власти начальника, частью опредѣленныхъ собственноручными инструкціями Петра I, частью выработанныхъ практикою постоянной и тяжкой войны, могли служить уже достаточнымъ средствомъ для нравственнаго подъема солдатъ и офицеровъ. Дѣйствительно, въ русской арміи, одержавшей величайшую побѣду подъ Полтавою, понятіе о чести стояло на весьма высокой степени: невозможно и сравнить солдатъ полтавскаго періода съ солдатами азовскихъ походовъ. Сутяжничество и ябедничество, столь распространенныя въ дѣлахъ о личныхъ обидахъ даже въ высшихъ слояхъ общества, должно было ослабѣть въ войскѣ. При установившихся новыхъ, болѣе разумныхъ дисциплинарныхъ отношеніяхъ, хотя эти отношенія зачастую поддерживались палкою, нѣтъ мѣста челобитью, гдѣ обиженный домогается присужденія нѣсколькихъ рублей за полученную пощечину, за вырванный клокъ волосъ изъ бороды; незначительная обида наказывается скоро военнымъ начальникомъ. Обруганный, обиженный словомъ, зная, что за понесенное оскорбленіе онъ не получитъ денегъ отъ обидчика, начинаетъ взвѣшивать собственные поступки и зная, что

соперникъ по его жалобѣ подвергнется болѣе или менѣе тяжкому тѣлесному наказанію, становится болѣе сдержаннымъ, болѣе осмотрительнымъ въ собственныхъ поступкахъ. Самое постоянство службы, перенесеніе общихъ трудовъ, раздѣленіе одинаковой опасности въ виду непріятеля способствовало упроченію товарищескихъ, братскихъ отношеній другъ къ другу, какъ у солдатъ, такъ и у офицеровъ, и развитію понятій о чести, основанному на взаимномъ уваженіи, даже болѣе—на признаніе личныхъ достоинствъ, на взаимной любви. Въ воинскій бытъ арміи Петра I впервые проникли педагогическія начала, которыя лучше всякихъ каръ, предписываемыхъ законами, пріучаютъ людей къ самообладанію и развиваютъ самопознаніе.

Честь и достоинство каждаго воина, каждаго солдата въ регулярной арміи Петра выростали вмѣстѣ съ подъемомъ величія своего вѣнценоснаго предводителя.

Личныя обиды и наказанія за оскорбленіе чести въ патентѣ о поединкахъ и артикулѣ воинскомъ.

Петръ Великій, посредствомъ своей регулярной арміи, стремился къ перевоспитанію своего народа. Мысль эта не была новою: до него лучшіе изъ монарховъ въ Европѣ задавались именно такою задачею. Мы не знаемъ другой арміи, которая по своему нравственному уровню и воспитанію въ духѣ чести стояла бы выше шведской, слѣпо повиновавшейся волѣ великаго полководца и одного изъ благороднѣйшихъ государей. Даже самодержавный Людовикъ XIV, съ подозрительною ревностью относившійся къ могущественному дворянству, всѣ средства Франціи напрягалъ къ поднятію нравственнаго значенія военнаго званія, посредствомъ подчиненія всѣхъ чиновъ безъ различія суровымъ законамъ дисциплины. Но онъ не умѣлъ достигнуть цѣли, потому что въ своемъ законодательствѣ поддерживалъ принципы мести и презрѣнія къ личности человѣка. Тутъ существенная разница съ идеями великаго протестантскаго полководца, самаго безукоризненнаго христіанина и истиннаго

друга человѣчества—Густава-Адольфа. При началѣ учрежденія національныхъ регулярныхъ войскъ на армію смотрѣли какъ на школу, призванную къ перевоспитанію народа, который многіе годы страдалъ отъ обидъ, насилій и самоуправства наемныхъ полчищъ. Посредствомъ военныхъ законовъ старались привить къ солдату національныхъ постоянныхъ войскъ истины христіанской вѣры и правила нравственности, какъ главнаго источника дисциплины. Внушеніемъ страха божія, нравственности и чести проникнуты преимущественно протестантскіе военные кодексы, во главѣ которыхъ стоятъ шведскіе законы Густава-Адольфа, а за ними слѣдуютъ законы Христіана V и Вильгельма оранскаго, т. е. датскій и голландскій военные артикулы. Шведскіе принципы усвоены были и бранденбургскимъ военнымъ законодательствомъ, но не надолго. Въ концѣ XVII вѣка на бранденбургскихъ законахъ, какъ равно на датскихъ и шведскихъ, подражавшихъ французскому режиму, видимо отразилось вліяніе жестокихъ ордонансовъ и регламентовъ Людовика XIV. Съ одной стороны, съ крайнею местью преслѣдуются поединки и преступленія противъ чести въ войскахъ, особенно личныя обиды и оскорбленія подчиненными своихъ начальниковъ, вообще младшихъ старшими, свыше мѣры, съ другой стороны—въ этомъ отношеніи, по примѣру Густава-Адольфа, принимаются мѣры для огражденія подчиненныхъ отъ самоволія, притѣсненія и самоуправства начальниковъ, (отъ офицера до полковника) которымъ законы иногда угрожаютъ лишеніемъ чиновъ и даже жизни за противозаконное обращеніе съ солдатами. Въ артикулахъ, какъ и въ ордонансахъ, солдатамъ и офицерамъ теперь, съ конца XVII стол., во французскомъ и другихъ законахъ строго внушается жить между собою по братски, въ дружескомъ согласіи и въ христіанской любви. „Имя солдатъ просто, говоритъ нашъ законодатель, содержитъ въ себѣ всѣхъ людей, которые въ войскѣ суть отъ вышняго генерала даже до послѣдняго мушкатера конnаго и пѣшаго“. Но всѣ эти люди, составляющіе войско, живя другъ съ другомъ въ согласіи, обязаны оказывать другъ

другу *респектъ* „по его достоинству и рангу“; подчиненные, повинуясь начальнику, обязаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, и почитать его [102]).

Честь, какъ благо, доступное каждому воину, составила основу новѣйшихъ *военныхъ законовъ*. Но независимо этой спеціальной, такъ сказать, точки зрѣнія артикула воинскаго на личность, въ немъ (глава XVII) и въ патентѣ о поединкахъ, открывается передъ нами совершенно новая сторона, неизвѣстная прежнимъ русскимъ законамъ — сторона общечеловѣческая.

По теоріи военныхъ законодателей XVII ст. честь принадлежитъ каждому воину, какъ человѣку. „Обиженный, кто бы онъ ни былъ—солдатъ или офицеръ, долженъ объявить о своемъ оскорбленіи военному суду и въ немъ искать сатисфакціи“ [103]). Рядомъ съ честью общечеловѣческою существуетъ честь государственная и сословная. Такъ слѣдуетъ понимать толкованіе законодателя въ артикулѣ о лишеніи чести: „никакое воздаяніе такъ людей не приведетъ къ добру, какъ любленіе чести, и никакая казнь такъ не страшаетъ, какъ лишеніе оной [104]). Признанный „безчестнымъ“, „ошельмованный“ изгонялся изъ войска.

Мы знаемъ, что Петръ I въ своихъ военныхъ законахъ стремился привить западно-европейскія идеи. Съ одной стороны, онъ организовалъ по западному образцу сословія, съ другой стороны — онъ старался привить къ дворянству и войску понятія о личной чести, основанной на внутреннемъ достоинствѣ личности, которая за личную обиду не можетъ уже довольствоваться денежнымъ вознагражденіемъ. Онъ вводитъ христіанское прощеніе и отозваніе или отказъ отъ оскорбительныхъ для чести словъ и облагаетъ личныя обиды тюремнымъ заключеніемъ или инымъ наказаніемъ, независимо денежныхъ вознагражденій.

---

[102]) *Уставъ Воинскій*, о экзерциціи, ч. III: „Что есть солдатъ“?

[103]) *Уставъ Воинскій*, ч. I: „О должностяхъ, гл. XLIX—патентъ о поединкахъ, ст. 1 и 2.

[104]) *Уставъ Морской*, кн. V, гл. XX, арт. 141.

Въ его военныхъ законахъ видимъ довольно подробное изъясненіе тѣхъ дѣйствій, которыя должно признать обидными для лица, т. е. оскорбительными для чести въ абсолютномъ значеніи. Въ *патентѣ о поединкахъ и начинаніи ссоръ* предусмотрѣны случаи (обида словомъ и дѣйствіемъ), въ которыхъ выражено *непосредственное* презрѣніе къ личности, явное, открытое неуваженіе къ ея достоинству; въ главѣ XVIII арт. воинск. „о *поносительныхъ письмахъ*“, разсматривается тоже неуваженіе или презрѣніе къ личности, но выраженное уже въ формѣ уклончивой и коварной, посредствомъ клеветы или распространенія ругательныхъ или оскорбительныхъ для чести писемъ (пасквиль); наконецъ, глава XVII арт. воинск. „о *возмущеніи, бунтѣ и дракѣ*“ содержитъ такія оскорбительныя дѣйствія, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть нанесеніе раны, увѣчья и даже смерти.

Во всѣхъ этихъ законахъ Петра I предусмотрѣны преступленія, направленныя прямо и непосредственно противу чужой чести и лишь косвенно въ нихъ затрогиваются тѣ матеріальныя и нравственныя блага, для охраненія которыхъ существовали самостоятельныя наказанія въ другихъ частяхъ артикула воинскаго.

Въ патентѣ и въ артикулѣ, спеціализируется понятіе о личной обидѣ, какъ посягательствѣ на честь общечеловѣческую, въ двухъ главныхъ формахъ въ формѣ *непосредственнаго*, открытаго *посягательства* на честь лица (патентъ), и въ формѣ *заочнаго*, замаскированнаго *оскорбленія* (гл. XVIII) пасквиль, клевета.

Законы Петра I о личныхъ обидахъ, *по свойству употребляемыхъ обидчикомъ средствъ*, дѣлятся на слѣдующіе виды: 1) обида словомъ, 2) обида на письмѣ, 3) обида дѣйствіемъ, 4) угроза, 5) клевета и 6) опасныя драки. Эти законы составлены по нидерландскому, шведскому и датскому военнымъ артикуламъ и по комментаріямъ на голландскіе, бранденбургскіе, старо-шведскіе и имперскіе нѣмецкіе военные артикулы, а именно: „патентъ о поединкахъ и начинаній ссоръ“ (гл. 49, ч. I уст. воин.) составленъ по

нидерландскому закону о поединкахъ Вильгельма Оранскаго [105]), глава XVII „о возмущеніи бунтѣ и дракѣ“ арт. воин., по системѣ и тексту шведскаго и датскаго военныхъ артикуловъ [106]), глава XVIII арт. воин. „о поносительныхъ письмахъ, бранныхъ и ругательныхъ словахъ“ по комментаріямъ на нѣмецкіе законы—имперскіе и бранденбургскіе [107]). На этихъ законахъ Петра I, какъ и на всѣхъ оригиналахъ, служившихъ источниками, отразилось болѣе или менѣе вліяніе французскихъ идей, разошедшихся нѣсколько съ идеями о воинской чести Густава Адольфа.

Текстъ поименованныхъ петровскихъ законовъ, въ параллели съ иностранными законами по полн. собр. зак. (V, № 3006), мы сличили съ подлинными рукописями устава

---

[105]) C. J. M. изд. 1709 г. ч. I, стр. 232—236. „Patent gegen das Duelliren und Händel anfangen“. Въ 12 артикулахъ. Начинается возваніемъ Вильгельма Генриха Оранскаго и проч. ко всѣмъ офицерамъ и солдатамъ, состоящимъ на службѣ генеральныхъ штатовъ соединенныхъ Нидерландовъ и напоминаетъ о несоблюденіи предписаній о дуэляхъ въ уставахъ о воинской дисциплинѣ и земскихъ плакатахъ, отъ чего происходятъ смертоубійства, роняется достоинство юстиціи и на страну распространяется гнѣвъ Божій. Данъ 31 марта 1684 г. въ Гаагѣ. Подписалъ G. H. Prince d'Orange, скрѣпилъ по повелѣнію Его Высочества C. Huyens.

[106]) Въ шведскомъ военномъ артикулѣ Карла XI, гл. XV: „Von Unzulassigen Zusammenkünften, Meutereyen und Schlagereyen, art. 79—84, со ссылкою на плакатъ о дуэляхъ и бояхъ 22 августа 1682 г. C. J. M. Nov. II, стр. 388, 389, 433—442. Въ датскомъ военномъ артикулѣ Христіана V, гл. III: „Vom Frevel, gemeinen Uebelthäten und Misshandlungen нѣкоторые артикулы 25—36 и начало главы IV, „Vom Tumult, Aufruhr etc.“. Кромѣ того имѣются въ виду комментаторы: голландскій Истръ Паппи, бранденбургскій Эбергардъ Гойеръ и шведскій Матвій Шварценъ. Не оставлены безъ вниманія и правоопредѣленія Густава Адольфа.

[107]) Трактатъ о личныхъ обидахъ неизвѣстнаго комментатора къ арт. 18 воеппаго кодекса: „Käys. Ferdinand III und Leopold I. C. J. M. Nov. I, стр. 65—71. Слѣдуетъ имѣть въ виду также вышеупомянутые комментаріи и обновленный и усиленный *мандатъ* Саксонскій 2 іюля 1712 г. противъ личной чести, обидъ, нарушенія спокойствія и поединковъ C. J. M. Nov. I, стр. 287—320. Припомнимъ, что въ этомъ комментаріѣ установлена классификація личныхъ обидъ: обида словомъ—легкая и тяжкая, обида дѣйствіемъ—легкая и тяжкая, обида на письмѣ, или заочная обида (пасквиль) и обида жестомъ, которая въ способѣ иска отличается отъ обиды словомъ. Искъ за обиду можетъ быть двоякій—въ порядкѣ гражданскомъ и въ порядкѣ уголовномъ, т. е. принято въ основаніе римское право lege Cornelia de injuriis.

воинскаго и артикула и по первому полному изданію 1719 г., и указываемъ на собственноручныя поправки руки Петра I и важнѣйшія редакціонныя исправленія Макарова въ рукописи арт. воин., хранящейся въ библіотекѣ главнаго штаба. Какъ и въ первыхъ двухъ выпускахъ нашего труда объ артикулѣ воинскомъ, каждый артикулъ сопровождается замѣтками, справками и ссылками на другіе, сходные съ русскимъ текстомъ, иностранные законы.

Патентъ о поединкахъ распространяется на всѣхъ безъ исключенія военно-служащихъ, а равно на всякаго, кто будетъ находиться въ лагерѣ и гарнизонѣ. Всѣ лица, составляющія войско должны пребывать въ любви, мирѣ и согласіи и оказывать должный респектъ каждому по его рангу и достоинству. Подчиненные за оскорбленіе начальниковъ наказываются по обстоятельствамъ дѣла на основаніи особыхъ артикуловъ [108]). За оскорбленіе чести въ ея общечеловѣческомъ значеніи военный судъ долженъ учинить сатисфакцію обиженному, соотвѣтственно причиненной ему обидѣ, и наказать обидчика по состоянію дѣла: *жестоко*, или *заключеніемъ*, *отставленіемъ отъ службы*, *вычетомъ изъ жалованья*, или *на тѣлѣ*.

Въ патентѣ предусмотрѣны: *обида браннымъ или тому подобнымъ словомъ*, *ударъ рукою*, *ударъ палкою*, *угроза побоями* (въ глаза и заочно), *вызовъ на поединокъ* и *бой на поединкѣ*, съ тѣми или другими послѣдствіями. За обиду словомъ или дѣйствіемъ опредѣляется испрошеніи *прощенія* [109]), *болѣе или*

---

[108]) Объ оскорбленіи словомъ и дѣйствіемъ подчиненнымъ своего начальника, рядовымъ унтеръ-офицера, нижними чинами вообще офицера, офицерами старшаго сказано особо въ арт. 21, 22, 24, 25 и 26; подобнаго рода личныя обиды военные законодатели разсматриваютъ какъ прямое нарушеніе воинской дисциплины и чинопочитанія. См. мой трудъ: „Артикулъ Воинскій“ вып. I, гл. III, стр. 196 и слѣд —Патентъ о поединкахъ и ссорахъ имѣетъ болѣе общую цѣль, не касаясь служебныхъ отношеній между начальниками и подчиненными.

[109]) Испрошеніе прощеніе, стоя на колѣнахъ передъ обиженнымъ, существовало во всѣхъ современныхъ европейскихъ законахъ и сопровождалось нѣкоторыми формальностями. Это такъ называемое „христіанское прощеніе“.

менѣе продолжительный арестъ, съ лишеніемъ на все время ареста жалованья, и *изгнаніе* [110]).

Дѣла о личныхъ обидахъ должны быть оканчиваемы въ теченіе трехъ недѣль и никакъ не долѣе шести; судьи—именно президентъ и губернаторы, за всякій день промедленія, сверхъ шести недѣль, лишаются жалованья (за этимъ наблюдать фискаламъ). Штрафныя деньги опредѣлено обращать на гошпитали (слѣдовательно не въ пользу обиженнаго). Обиженный, не донесшій объ учиненномъ ему оскорбленіи, подлежитъ тому наказанію, на какое заслуживаетъ обидчикъ: „*того для надлежитъ немедленно или битъ челомъ или помириться*“ [111]).

Никакое оскорбленіе не можетъ умалить чести у обиженнаго. Офицерамъ, рядовымъ и всѣмъ прочимъ, „которые въ лагерѣ и крѣпостяхъ обрѣтаются“, повелѣвается объявлять тотчасъ военному суду о происшедшихъ ссорахъ „словесныхъ или дѣйствительныхъ“, въ ихъ присутствіи или инымъ какимъ либо образомъ извѣстныхъ, подъ опасеніемъ наказанія, какимъ облагается обидчикъ „яко бы онъ самъ обидящій былъ“ [112]).

Угроза за самовольную расправу съ обидчикомъ всего

---

[110]) Въ наказаніяхъ за обиду дѣйствіемъ, если не причинено раны или увѣчья, господствуетъ принципъ равнаго возмездія. Въ нидерландскомъ патентѣ о поединкахъ за обиду дѣйствіемъ не полагается денежнаго штрафа, но обидчикъ, кромѣ заключенія на одинъ или два года, могъ подвергнутся временному или вѣчному изгнанію. За угрозу опредѣляется такое же наказаніе, какъ и за самое дѣяніе, а въ русскомъ патентѣ арестъ на 3 мѣсяца.

[111]) Неопредѣленность русскаго текста объ отвѣтственности лицъ, которымъ ввѣряется разбирательство по дѣламъ чести, можно объяснить тѣмъ, что патентъ переводили ранѣе организаціи Петромъ I военныхъ судовъ и учрежденія комендантовъ. Въ подлинномъ текстѣ сказано такъ: „So wird denen Richtern, als nemlich dem Praesidenten und Fiscal von dem Hohen Kriegs-Rath wie auch denen Gouverneurs und Commandeurs in denen Frontiers Plätzen“. Въ русскомъ текстѣ это мѣсто такъ передано: „того ради судьямъ: а именно президенту, такожъ и губернаторамъ“. За медленность въ рѣшеніи дѣлъ въ нидерландскомъ патентѣ: лишеніе должности на три мѣсяца. Напечатанное курсивомъ—„того для и проч“ прибавка нашего законодателя.

[112]) Постановленія о донесеніяхъ общи всѣмъ военнымъ законамъ того времени, и русскій текстъ буквально согласованъ съ нидерландскимъ.

рельефнѣе выражена въ постановленіяхъ о поединкѣ, какъ дѣяніи безусловно воспрещаемомъ подъ опасеніемъ смерти.

Вызовъ другаго на поединокъ лишаетъ вызывателя права на сатисфикацію и кромѣ того за вызовъ опредѣляется лишеніе чиновъ и достоинства, съ объявленіемъ „негоднымъ“ (въ нидерландскомъ подлинникѣ: unlüchtig), на имѣніе вызывателя налагается денежный штрафъ (какой неизвѣстно) и сверхъ того отписывается (т. е. конфискуется) десятая, шестая или третья часть его имѣнія Все это согласно съ духомъ обще-европейскаго военнаго права „о поединкахъ“ съ незначительными лишь отступленіями отъ оригинала французскаго регламента. Такому же наказанію, какъ и вызыватель, подвергаются: а) тотъ кто отъ вызывателя принимаетъ цидулку или письменные вызовы (въ нидерландскомъ оригиналѣ: Bottschaft, Billet oder Cartel); б) тотъ кто такую же цидулку принесетъ вызванному; в) секунданты или посредники, обѣщавшіе присутствовать на поединкѣ; г) переносившіе вызывательныя письма и д) не донесшіе о предположенномъ, завѣдомо извѣстномъ, поединкѣ. А слуга доставившій цидулку о вызовѣ, ему извѣстномъ, наказывается шпицрутенами.

Поединщики, которые явятся на мѣсто и обнажатъ другъ противъ друга шпаги, подвергаются смертной казни и конфискаціи имущества, хотя бы никто не былъ раненъ или убитъ; такому же наказанію подвергаются секунданты или свидѣтели. Наказаніе поединщиковъ ограничивается „жестокимъ денежнымъ штрафомъ“ по разсмотрѣнію воинскаго суда, ежели поединщики сами помирились на мѣстѣ поединка, хотя бы и обнажили оружіе [113]). Но если они вступили въ бой, и въ томъ бою убиты и ранены будутъ, то какъ *живые, такъ и мертвые повѣшены да будутъ* [114]).

---

[113]) Объ ограниченіи наказанія помирившимся поединщикамъ не упоминается въ нидерландскомъ патентѣ.

[114]) Въ оригиналѣ сказано такъ: въ случаѣ состоявшейся дуэли, когда кто либо изъ поединщиковъ будетъ убитъ или раненъ, то трупъ убитаго долженъ быть повѣшенъ на висѣлицѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ производится уголовный судъ, имѣнія убитаго конфискуются, а виновникъ, вызыватель или вызванный, наказывается лишеніемъ жизни и его имѣнія также конфискуются.

Всякая драка одинъ ли на одинъ, или съ извѣстнымъ числомъ секундантовъ, одинаковымъ или не одинаковымъ оружіемъ, не доведенная то свѣдѣнія суда, умышленно, для избѣжанія штрафа, почитается за поединокъ; на равнѣ съ поединками облагается наказаніемъ и участники драки, „которые въ томъ найдутся“ [115]).

Поединки наказываются одинаково, гдѣ бы не случились, внѣ лагеря или крѣпости и въ иномъ государствѣ, и никто не можетъ отговориваться мѣстомъ для избѣжанія наказанія [116]). А чтобы всѣ знали о томъ, что предписано въ патентѣ, таковой долженъ быть объявленъ повсюду—въ лагеряхъ, въ гарнизонахъ и во всѣхъ губерніяхъ и высланъ также каждому полковнику.

Русскій патентъ о поединкахъ отличается отъ нидерландскаго чрезвычайно маловажными отступленіями; между тѣмъ послѣдній составляетъ сжатое извлеченіе изъ регламента Людовика XIV, но однако съ ослабленіемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ карательныхъ мѣръ. Мертвые въ Голландіи не преслѣдуются лишеніемъ христіанскаго погребенія, какъ во Франціи. По всѣмъ признакамъ русскій патентъ о поединкахъ былъ обнародованъ въ началѣ Сѣверной войны, но не ранѣе организаціи военныхъ судовъ, въ 1705 или 1706 годахъ. Извѣстно теперь, что въ 1-ю часть устава воинскаго вошли весьма многія постановленія, которыми русскія войска руководствовались съ первыхъ лѣтъ этой войны.

Нельзя не обратить вниманія на то, что спеціальные законы о поединкахъ въ западной Европѣ, главнымъ образомъ, относились къ дворянству; въ этомъ высшемъ слоѣ въ началѣ XVIII вѣка установился и центръ тяжести понятій о чести; каждый дворянинъ стремился защитить свою честь

---

[115]) Въ ст. 10 нидерландскаго патента предполагается одинаковое оружіе „mit gleichen Waffen“.

[116]) Нидерландскій законъ мѣсто поединка, облагаемаго наказаніемъ, ограничиваетъ только для солдатъ.

своими собственными силами и средствами и готовъ былъ отстаивать ее даже съ пожертвованіемъ своей собственной жизни. Это рыцарское понятіе о чести, какъ уже намъ извѣстно, вело къ самовольной расправѣ и самоуправству, и законодатели съ XVII ст. требовали подчиненія дворянъ въ дѣлахъ чести судебному разбирательству, облагая тяжкими наказаніями поединки, какъ опасную драку, во имя общаго блага и спокойствія въ государствѣ. Тотъ же взглядъ на поединокъ усвоенъ и законодательствомъ Петра I, несмотря на явленіе совершенно противоложное въ быту русскаго дворянства XVII ст., а именно: на особенную склонность его къ судебному разбирательству въ дѣлахъ чести.

Переходимъ къ гл. XVII –XVIII Артикула Воинскаго.

Артикулы „о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ“ распадаются на двѣ главныя части: въ первой части запрещаются сходки или собранія воинскихъ людей, возбужденіе къ бунту или возмущенію, равно какъ и общія ссоры и драки съ призывомъ на помощь *другихъ*, отчего могутъ произойти безпорядки и возмущенія. Эта часть (арт. 133—138) главы служитъ какъ бы отвѣтомъ Петра на сходбища стрѣльцовъ 1682 г., предшествовавшія майскому бунту. Главное вниманіе нашего законодателя здѣсь обращено на *зачинщиковъ* сходокъ „сходбищъ и собраній“, *хотя для совѣтовъ какихъ нибудь, хотя ни для зла или для челобитья, чтобъ общую челобитную писать*“ (собственноручная добавка Петра I), или на возбудителей бунта, словомъ, дѣломъ или письмомъ, непосредственно самимъ собою или черезъ посредство другихъ. Офицеры, давшіе поводъ къ сходкѣ, или допустившіе сходку, наказываются *лишеніемъ чести, имѣнія и живота*, нижніе чины —зачинщики бунта наказываются *повѣшиваніемъ*, а подстрекатели къ бунту—*лишеніемъ живота и на тѣлѣ*. Вообще за возмущеніе опредѣляется висѣлица и наказаніе виновныхъ должно слѣдовать немедленно на мѣстѣ преступленія, чтобъ не дать расшириться мятежу, ибо быстрота наказанія производитъ страхъ на другихъ. Наравнѣ съ зачинщиками, т. е. висѣлицей, наказываются и призывающіе на помощь въ общей дракѣ, равно

какъ и тѣ, которые оказывали эту помощь (арт. 138). Такой законъ имѣетъ общее историческое значеніе—остатокъ средневѣковой организаціи войскъ, ибо въ войскахъ наемныхъ, въ случаѣ ссоры и драки, люди разныхъ національностей, которымъ приходилось плохо, обращались за помощью къ людямъ другой націи [117]).

Въ правильно организованной арміи, въ которой дисциплина не есть мертвая буква, сходки, ведущія къ мятежу, немыслимы, но въ XVII и въ началѣ XVIII ст. было иначе. Начало главвы XVII, не имѣетъ повидимому ничего общаго съ второю ея частью, но это кажущееся несходство исчезаетъ, если обратить вниманіе на ближайшіе поводы къ сходкамъ и бунтамъ въ войскахъ XVII вѣка. Источникомъ подобныхъ явленій были обиды и насилія, злоупотребленія властью, и законодатели стремились предотвратить подобныя опасныя явленія, посредствомъ преслѣдованія частныхъ столкновеній и дракъ.

На первой части главы XVII, составленной по новошведскому кодексу, замѣтно отразились соображенія комментатора Гойера на Бранденбургскій военный артикулъ.

Вторая часть главы XVII (соображенная съ датскимъ военнымъ артикуламъ) касается поединковъ, т. е. частныхъ столкновеній съ оружіемъ, и вообще ссоръ, вслѣдствіе обиды, хотя бы и на пиру, а также личныхъ обидъ дѣйствіемъ, какъ послѣдствія ссоръ. Въ артикулахъ опредѣлено, какъ должно поступать съ тѣми, которые ссорятся, и запрещено представлять несправедливую жалобу „неправое челобитье“ (арт. 142, 147 и 148). Обруганный „когда онъ самъ не захотѣлъ учинить самовольнаго отмщенія, долженъ принести *жалобу* своему командиру (арт. 147)“. Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ патентѣ, законодатель стре-

---

[117]) Вопросъ объ обидахъ и дракахъ въ иностранныхъ войскахъ нами разсмотрѣнъ въ началѣ историческаго очерка (въ настоящей статьѣ опущеннаго); въ случаѣ драки подъ страхомъ смерти воспрещалось призывать на помощь людей *другой націи* Celui qui cria de la nation sera passe far les picques. *Ордонансъ Франциска II* въ XVI ст. Тоже было и въ старыхъ нѣмецкихъ имперскихъ артикулахъ.

мится установить порядокъ обжалованія личныхъ обидъ и притѣсненій въ войскахъ, предотвратить самовольную расправу другъ съ другомъ, и вводитъ формальное обжалованіе, но не съ цѣлью уничтоженія поединковъ, которые въ русскихъ нравахъ не имѣли никакой почвы, а съ цѣлью прекращенія самоуправства; однако при склонности къ насилію, сутяжничеству и ябедничеству законодателю приходилось въ законахъ регулировать взаимныя отношенія, особо между офицерами и особо между солдатами, строгими наказаніями за личную обиду внѣ сферы служебныхъ отношеній, т. е. независимо отъ законовъ по нарушенію чинопочитанія и подчиненности (что предусмотрѣно въ главѣ III). Драки, вызовы и поединки воспрещаются всѣмъ безъ изъятія русскимъ и иноземцамъ, *кѣмъ бы то ни было* (арт. 139).

Въ артикулахъ, относящихся къ дракѣ, предусмотрѣны четыре случая оскорбленія дѣйствіемъ: *ударъ* и *побои тростью или чѣмъ либо въ сердцахъ и злости* (артик. 146); *ударъ по щекѣ* (арт. 145); *поднятіе шпаги или пистолета противъ кого либо съ намѣреніемъ повредить* (арт. 144), *нанесеніе удара ножемъ*, „кто съ кѣмъ ножами порежется“ (арт. 143), и *драка*, учиненная „при питье въ пиру безъ вызову (на поединокъ) (арт. 141). Роды наказанія согласованы съ постановленіями датскаго военнаго артикула, а равно съ литовскимъ статутомъ—*отсѣченіе руки* (арт. 146 и 144), *пробитіе руки ножомъ*, съ привосокупленіемъ *шпицрутенъ* [118]). *За вызовъ на поединокъ*, когда онъ состоится, какъ вызыватель, такъ и принявшій вызовъ подвергаются повѣшенію,

[118]) Въ морс. уст. ч. V, гл. XIV дается уже болѣе полное опредѣленіе оскорбленія оружіемъ, рукою, тростію. Въ § 98, 99 и 100 за обнаженія оружія, нанесеніе имъ раны или увѣчья, за ударъ руками или тростью, мѣра наказанія измѣняется въ зависимости отъ служебнаго положенія субъекта и объекта. Напримѣръ, офицеръ за ударъ товарища рукою или тростью лишается чина и облагается денежнымъ штрафомъ по усмотрѣнію суда, унтеръ-офицеръ за ударъ унтеръ-офицера палкою или инымъ чѣмъ (кромѣ ружья и ножа) заключается на 3 дня въ желѣза и платитъ обижанному изъ жалованья, по усмотрѣнію командорскому, а рядовой наказывается кошками у шпиля.—Офицеръ, за обнаженіе оружія, безъ нанесенія раны, записывается въ матросы по требованію суда, а унтеръ-офицеры и рядовые наказываются у шпиля кошками.

„хотя оба не ранены отъ того отойдутъ“. И если кто либо одинъ или оба будутъ убиты, то ихъ за ноги повѣсить. Секунданты, или посредственники, подвергаются одинаковому наказанію. Почти вся вторая часть главы XVII артикула основана на датскомъ военномъ артикулѣ Христіана V, и потому соотвѣтствуетъ военному уложенію 1702 г., но изложена въ болѣе сжатой и ясной редакціи, чѣмъ статьи этого уложенія [119]).

Въ главѣ XVIII арт. воин. предусмотрѣна *заочная обида* т. е. оскорбленіе на письмѣ (и въ печати) съ цѣлью распространенія обстоятельствъ позорящихъ честь, хотя бы обвиненіе было справедливымъ (пасквиль), и клевета (арт. 149 и 151); кромѣ того обида словомъ браннымъ въ раздраженіи (арт. 152), т. е. легкая обида. Въ прежнихъ русскихъ памятникахъ до XVIII вѣка съ пасквилемъ мы не встрѣчаемся, встрѣчаемъ *подметныя письма*, которыя имѣли другое значеніе, чѣмъ пасквили по опредѣленію. Арт. Воин. [120]). Чтоже касается до клеветы или *поклепа*, (т. е. ложнаго обвиненія кого либо), то такого рода оскорбленіе чести у русскихъ съ древнѣйшихъ временъ было въ большемъ употребленіи и, какъ мы видѣли изъ соборнаго уложенія, составляло одно изъ наиболѣе распространенныхъ преступленій. Но заочная обида, подъ именемъ *пасквиля*, какъ продуктъ болѣе зрѣлой циви-

---

[119]) Самое заглавіе главы XVI „о возмущеніи, бунтѣ и дракѣ“ показываетъ, что въ артикулахъ, опредѣляющихъ весьма строгія наказанія за нанесеніе ударовъ чѣмъ либо, предполагаются обиды дѣйствіемъ тяжкія для чести—ударъ по щекѣ и ударъ палкою, или же опасныя, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть рана, увѣчье, даже смерть. Впрочемъ нанесеніе удара, отъ котораго произошла смерть, предусмотрѣно въ арт. 148 и толкованіи; виновный подвергается обыкновенной смертной казни. Слѣдуетъ еще замѣтить, что за драку на пиру, въ состояніи опьяненія, нижніе чины наказываются шпицрутенами, а офицеръ—жестокимъ арестомъ, испрошеніемъ прощенія у обиженнаго и затѣмъ *наказывается*, но какъ именно—неизвѣстно.

[120]) О подметныхъ письмахъ въ царствованіе Петра Великаго 1 полн. собр. зак. IV, № 2245, V, №№ 2877, 3143. Эти письма велѣно просто сжигать при свидѣтеляхъ тому, кто ихъ найдетъ.

лизаціи, становится извѣстною лишь со времени преобразованіи Петра [121]).

Въ началѣ XVIII столѣтія, какъ видно изъ исторіи, Германія высылала къ намъ брошюры, въ коихъ задѣвалась честь великаго преобразователя и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ. Карлъ XII усердно покровительствовалъ пасквилянтамъ и содѣйствовалъ ихъ распространенію въ Европѣ, особено въ Германіи, на театрѣ своихъ дѣйствій. Извѣстный юристъ фонъ-Гюйссенъ, составитель артикула краткаго и переводчикъ устава воинскаго съ русскаго языка на нѣмецкій, обязанъ былъ сочинять отвѣты на пасквили, тревожившіе духъ Петра I и оскорблявшіе Меншикова. Между сочиненіями Гюйссена, изданными въ Германіи и Франціи, въ защиту дѣла Петра особенное значеніе имѣетъ: Ausführliche Beantwortung des freventlichen und lügend haften Pasquils". Это собственно отвѣтъ Гюйссена на ложныя обвиненія и искаженные факты бывшаго воспитателя цесаревича Алексѣя Петровича *Нейгебауера* [122]).

По артикулу воинскому „пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ, и *въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ* и оной явно прибъетъ или прибить велитъ, а имени своего и прозвища въ ономъ не изобразитъ". Пасквилянту опредѣляется наказаніе такое, на

---

[121]) *Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. С.-П.-Б. 1862 г. ч. I, стр. 72, 80, ч. II, стр. 120. При брошюрѣ фонъ-Гюйссена приложенъ „артикулъ краткій". См. нашъ трудъ: „Воен. зак. Петра Великаго въ рукоп. и первопеч. изд.", стр. 25, цит. 20. Извѣстно, что съ пасквилями Нейгебауера поступали именно такъ, какъ изложено въ арт. 149, т. е. ихъ сожигали подъ висѣлицею. О подметныхъ письмахъ въ царствованіе Петра Великаго въ 1 полн. собр. зак., IV, № 2445.

[122]) „Слово пасквиль происходитъ отъ имени сапожника римскаго Pasquino, который пріобрѣлъ въ XVI столѣтіи извѣстность своими язвительными остротами на счетъ духовенства; отсюда Pasquinade и Pasquil". *Спасовичъ*, Журналъ министерства юстиціи, 1860 г., III, стр. 42.—Въ XVII и XVIII столѣтіяхъ пасквили были въ большомъ ходу въ Европѣ. Опредѣленіе данное пасквилю въ артикулѣ взято изъ комментарія на имперскій артикулъ Фердинанда III и Леопольда I въ C. J. M. Nov., I, стр. 68. Pasquil, Famos-Libell, Famos-Schrift—См. текстъ арт. 149 съ объясненіями. Тоже морской уставъ, кн. V, гл. XIV, ст. 103.

какое онъ заслужилъ за преступленіе, въ коемъ обвиняетъ свою жертву; самое же ругательное письмо сожигается подъ висѣлицею. Пособники пасквилянта наказываются *легче*, но какъ именно, изъ толкованія не видно. Обвиненіе посредствомъ пасквиля можетъ быть и не ложнымъ. Если окажется, что опозоренный въ пасквилѣ дѣйствительно совершилъ то, въ чемъ его пасквилянтъ обвиняетъ, то послѣдній по усмотрѣнію суда наказывается тюрьмою, ссылкою на каторгу, шпицрутенами и прочимъ, „понеже онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другаго погрѣшенія объявить“ (арт. 149). Не отысканный пасквилянтъ объявляется безчестнымъ (арт. 150).

Что же касается до наказанія за произненіе словъ *позорящихъ честь* и *доброе имя другаго*, то офицеръ обязанъ передъ судомъ отказаться отъ своихъ словъ, сказавъ „что онъ солгалъ“, и высидѣть полгода въ заключеніи; но какъ поступать въ такихъ случаяхъ съ унтеръ-офицерами и рядовыми въ артикулѣ не сказано. Въ случаѣ отказа или отрѣченія отъ словъ, не смотря на данный срокъ судомъ, наказаніе тюрьмою усиливается и опредѣляется денежный штрафъ, который за вторичные отказъ удвоивается; и тогда отзывъ, „что онъ солгалъ“, дѣлаетъ за него профосъ (арт. 150). Впрочемъ опредѣленія арт 151 въ строгомъ смыслѣ не подходитъ подъ современное понятіе о клеветѣ [123]). За оскорбленіе *кѣмъ либо* другаго *бранными словами* въ сердцахъ, опредѣляется испрошеніе христіанскаго прощенія передъ судомъ, а въ болѣе тяжкихъ обидахъ „ежели гораздо жестоко

[123]) *Спасовичъ* даетъ такое опредѣленіе клеветѣ: „клевета есть *распространеніе ложныхъ, вымышленныхъ противъ кого нибудь обвиненій въ дѣяніяхъ, противныхъ правиламъ чести.* Произнесеніе ложнаго обвиненія въ глаза лицу, котораго она касается, будетъ составлять не клевету, а обиду; клевета собственно только потому и страшна, что вкрадывается тайно, коварно въ общественное мнѣніе и поражаетъ человѣка своимъ ядовитымъ жаломъ, такъ сказать, въ пяту, а не въ лицо, такъ что оклеветанный часто и защищаться не можетъ, не зная откуда идетъ нападеніе. Журналъ министерства юстиціи, 1860 г., III, стр. 38 и 39.— Слѣдовательно, арт. 149 и 156 главы XVIII артикула воинскаго содержатъ въ себѣ понятіе клеветы и обиды, смотря потому было ли обвиненіе ложнымъ или справедливымъ.

бранилъ“ денежный штрафъ и *сносное* заключеніе; а кто не хочетъ платить, того принудить „потребными способы“ (арт. 152 и толкованіе). Взаимность обиды словомъ не наказуема, но кто на обиду словомъ отвѣтитъ „боемъ или инымъ своевольствомъ“ (приписка рукою Петра), тотъ право свое (на вознагражденіе) теряетъ и подвергается одинакому наказанію съ соперникомъ (арт. 153).

Глава XVIII, очевидно построена согласно съ опредѣленіями неизвѣстнаго комментатора на 18 имперскій артикулъ Фердинанда и Леопольда I. Впрочемъ здѣсь карательныя мѣры соображены также и саксонскимъ патентомъ о поединкахъ, ссорахъ и личныхъ обидахъ [124]). Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ другихъ военныхъ артикулахъ— шведскомъ, датскомъ и бранденбургскомъ, которыми руководствовался преимущественно нашъ законодатель, не имѣется особой главы „о поносительныхъ словахъ“ и это отступленіе, независимо отъ толкованій, составляетъ отличительную черту русскаго артикула воинскаго отъ западныхъ артикуловъ скандиновской редакціи.

Заключеніе къ XVII и XVIII главамъ артикула воинскаго и къ патенту о поединкахъ.

Потентъ о поединкахъ, часть главы XVII и вся глава XVIII артикула воинскаго, согласуясь съ духомъ европейскаго военнаго законодательства эпохи Петра Великаго, служитъ существеннымъ и чрезвычайно важнымъ дополненіемъ къ русскимъ законамъ.

Артикулъ воинскій вноситъ новое понятіе о чести, не только въ объективномъ смыслѣ, но и въ субъективномъ. Ибо поднимая личность солдата, законодатель желаетъ возбудить въ немъ нравственное достоинство, внутреннюю честь, какъ неотъемлемую принадлежность каждаго человѣка.

---

[124]) Главѣ XVIII арт. воин., въ морскомъ уставѣ соотвѣтствуетъ глава XIV части V. См. мои объясненія на текстъ соотвѣтственныхъ артикуловъ русскихъ и иностранныхъ.

Законодатель требуетъ, чтобы и послѣдняго солдата *каждый* уважалъ какъ воина, чтобы *никто* не порочилъ его личность, какъ слуги отечества. Личная обида и клевета, какъ нарушеніе уваженія къ воину, ставится подъ угрозу наказаніемъ. Честь, какъ внѣшнее благо, можетъ быть отнято только при извѣстныхъ условіяхъ, въ законахъ опредѣленныхъ.

Со стороны *субъекта* и *объекта*—патентъ о поединкахъ отличается нѣсколько отъ соотвѣтственныхъ артикуловъ гл. XVII и XVIII; первый предназначается исключительно для военнослужащихъ, какъ видно изъ самаго вступленія ст. 1 и 2. Но въ гл. XVII и XVIII (арт. 139—153) субъектомъ и объектомъ обиды можетъ быть всякій, а не исключительно только офицеръ или нижній чинъ. „*Всѣ* вызовы и т. д. запрещаются", „*кто съ кѣмъ* поссорится", „*кто съ кѣмъ* ножами порѣжется", „*кто кого* тростью ударитъ", „*кто* пасквили тайно сочинитъ", „*кто* бранными словами выбранитъ", „*кто* противъ бранныхъ словъ боемъ отмщать будетъ"; исключеніе составляютъ: арт. 151, гдѣ сказано объ офицерѣ какъ о субъектѣ преступнаго дѣянія, и арт. 141, гдѣ установлена различная мѣра наказанія для офицера и рядоваго. Но эти статьи очевидно могли быть прилагаемы и къ гражданскому и государственному быту. Въ патентѣ и въ главѣ XVII и XVIII арт. воин. не говорится объ оскорбленіи словомъ или дѣйствіемъ начальника, ибо такое преступленіе, какъ нарушеніе дисциплины, предусмотрѣно въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ артикула (гл. III); не упоминается также объ отвѣтственности начальника за оскорбленіе подчиненнаго, офицера за оскорбленіе солдата, ибо и эти случаи предусмотрѣны въ той же главѣ.

Артикулъ отличается отъ патента болѣе распространеннымъ опредѣленіемъ состава преступленія. Въ артикулѣ умыселъ или намѣреніе обидѣть имѣетъ значеніе на усиленіе наказуемости; такъ въ обидѣ словомъ: „кто *не одумавшись съ сердцемъ*, или не *опамятовясь, дабы тѣмъ его честное имя* обругать и уничтожить," въ обидѣ обнаженіемъ шпаги: „въ *намѣреніи* чтобъ кого тѣмъ повредить," „кто съ

сердцовъ и злости ударитъ." Но въ патентѣ объ умыслѣ вовсе не упоминается; тутъ законодатель всѣ случаи предоставляетъ рѣшенію судьи, отъ котораго зависитъ признать дѣйствіе оскорбительнымъ, неприличнымъ или инымъ. Очевидно, что *намѣреніе* причинить обиду есть не одно только необходимое условіе для признанія дѣянія преступнымъ. Патентъ устанавливаетъ непродолжительный срокъ, отъ 3 до 6 недѣль, для окончанія разбирательства дѣла о личныхъ обидахъ.

Установивъ опредѣленную дисциплинарную власть надъ нижними чинами въ порядкѣ іерархической подчиненности, законодатель предоставилъ капитанамъ, полковникамъ и старшимъ начальникамъ, разбирательство дѣлъ по личнымъ обидамъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ между собою, если обида дѣйствіемъ не сопровождалась тѣлеснымъ поврежденіемъ— увѣчьемъ или раною, въ послѣднихъ случаяхъ дѣло передавалось суду. Солдатъ о своей личной обидѣ долженъ былъ приносить жалобу капитану, а если не получитъ удовлетворенія. то могъ жаловаться полковнику. Такимъ образомъ не только судебной, но и военно-административной практикѣ предоставлялось разрѣшать, какія именно выраженія и дѣйствія въ данномъ конкретномъ случаѣ слѣдовало считать оскорбительными, и такъ какъ никакой положительный законъ не можетъ предусмотрѣть разнообразныхъ случаевъ, гдѣ данное дѣйствіе содержитъ обиду, поэтому рѣшеніе вопросовъ объ оскорбленіи чести въ большинствѣ случаевъ зависѣло отъ господствовавшаго представленія о ней въ войскѣ и народѣ. Въ этомъ отношеніи артикулъ воинскій и патентъ оказали услугу уже и тѣмъ, что намѣтили главнѣйшія *внѣшнія дѣянія*, въ которыхъ содержится отрицаніе достоинства лица и выражается презрѣніе къ нему, или же нарушается тѣлесная неприкосновенность.

Въ Патентѣ и Артикулѣ предусматриваются слѣдующіе виды обиды: 1) *словомъ браннымъ* (арт. 152), *словомъ поносительнымъ* (арт. 151), словомъ, касающимся чести или *бранью* съ *сердца* (пат. 152), словомъ *гораздо жестокимъ* (арт. 152), 2) *угрозу* (пат. ст. 5), 3) *обиду на письмѣ*—

ругательное письмо или пасквиль, 4) *обиду дѣйствіемъ*: а) *ударомъ рукою* (пат. ст. 3), *ударомъ по щекѣ* (арт. 145), б) *ударомъ тростью* (арт. 146), *палкою* (пат. ст. 4), в) *поднятіемъ пистолета или шпаги*, съ дурнымъ намѣреніемъ (арт. 144), г) *ударомъ ножа* (арт. 143). Кромѣ того указанъ особый видъ оскорбленія; *драка на пиру* и *при питьѣ*, когда никто не раненъ, не умерщвленъ и не произошло вызова на поединокъ (арт. 141).

Наказанія за обиды назначались различныя, смотря по роду и тяжести обиды, съ намѣреніемъ или съ горяча, въ раздраженіи; за обиду браннымъ словомъ (т. е. легкую или простую) въ горячности — опредѣляется христіанское прощеніе, а за обиду словомъ гораздо жестокимъ опредѣляется *денежный штрафъ* и *заключеніе* (сносное) арт. 152), за клевету обидчикъ долженъ объявить передъ судомъ „что онъ солгалъ“ и подвергается *заключенію на полгода* (арт. 151); за обиду дѣйствіемъ (на *основаніи патента*) опредѣляется лишеніе жалованья на полгода или на годъ, или лишеніе чина (ежели какой имѣетъ) вовсе или на время и объявленіе „за негоднаго“, а иноземцу—*изгнаніе безъ пасу*. Во всякомъ случаѣ обидчикъ долженъ просить христіанскаго прощенія у обиженнаго и быть готовымъ получить отъ него „*равную месть*“ (т. е. получить ударъ рукою или палкою). За угрозу побоями опредѣлялось испрошеніе прощенія и вычетъ трехмѣсячнаго жалованья (пат. о поед. ст. 1, 2, 3, 4, 5). По артикулу за ударъ по щекѣ опредѣляется *ударъ по щекѣ* отъ профоса и иное наказаніе (по разсмотрѣнію) (арт. 147). За ударъ тростью *отсѣченіе руки* (арт. 146 и 144), за ударъ ножемъ — *привожденіе руки къ висѣлицѣ* или *прободеніе ножемъ*. Такія же суровыя карательныя мѣры (за ударъ по щекѣ, за ударъ палкою, за обнаженіе оружія и нападеніе съ ножемъ) практиковались въ то время и въ сосѣдней странѣ, гдѣ дѣйствовалъ литовскій статутъ, и тѣже самыя наказанія, согласно датскому кодексу, приняты были еще ранѣе въ уложеніи 1702 г.; въ артикулѣ исключено только *прорваніе ладони до перстовъ*. Но спустя нѣсколько лѣтъ въ

морскомъ уставѣ 1720 г. за обиды не встрѣчаемъ уже наказаній членовредительныхъ; ихъ замѣняютъ шпицрутены, наказаніе кошками, а для офицеровъ—лишеніе чиновъ, вычеты изъ жалованья; или тѣ и другіе могли быть сосланы на галеры [125]).

Замѣтимъ, что въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. саксонскіе юристы личныя обиды дѣйствіемъ, смотря по степени причиняемаго матеріальнаго вреда обиженному, дѣлили на *легкія* (geringere oder kleinere) и *тяжкія* (hohe und grobe real Injurien), относя къ послѣднимъ нанесеніе ранъ и всякаго рода увѣчій, причемъ обидчикъ могъ возбуждать искъ въ порядкѣ гражданскаго и уголовнаго процесса; въ первомъ случаѣ присуждалась *денежная пеня за безчестіе*, а въ случаѣ причиненія ранъ или увѣчья обидчикъ подвергался, кромѣ платы на леченіе (Artz Lohn) и на содержаніе за время леченія, *временному изгнанію*, *тюремному заключенію*, *денежной пенѣ* или *иному наказанію*, смотря по свойству раны и состоянію лица; когда же искъ предъявленъ былъ въ уголовномъ порядкѣ, то обидчикъ подвергался *наказанію на тѣлѣ и вѣчному изгнанію*, но не обязанъ былъ платить ни врачебной пени, ни денегъ на содержаніе потерпѣвшаго [126]).

Но въ артикулѣ воинскомъ обиды и по внѣшнему дѣянію, и по свойству употребленныхъ преступникомъ средствъ, и по тяжести матеріальнаго вреда не были приведены въ систему; нѣтъ также дѣленія иска на уголовный и гражданскій, можетъ

---

[125]) Морск. уст. кн. V, гл. XIII, арт. 98—за обнаженіе ножа или оружія безъ нанесенія раны опредѣляетъ наказаніе *у шпиля кошками*, а за причиненіе раны тоже наказаніе сопровождается *ссылкою на галеры*; офицеръ за первое преступленіе *написанъ будетъ въ матросы*, а за второе—*сосланъ будетъ въ галерную работу вѣчно или на время*; арт. 99—за драку между офицерами руками или тростью *на берегу: лишеніе чина на время и денежный штрафъ*, по опредѣленію суда, *на кораблѣ—лишеніе чина, написаніе на время въ матросы и денежный штрафъ*, по опредѣленію суда; арт. 100—рядовой за ударъ унтеръ-офицера палкою, или инымъ чѣмъ (кромѣ ружья, или ножа) наказывается *кошками у шпиля*. Необходимо замѣтить, что въ морскомъ уставѣ тщательно проведено различіе въ опредѣленіи мѣры наказанія между офицерами, унтеръ-офицерами и матросами. Этотъ принципъ соотвѣтствія рода наказанія съ іерархическимъ положеніемъ военнаго чина послѣ Густава Адольфа усвоивается всею Европою.

[126]) C. I. M. Nov. I, 67.

быть потому, что порядокъ судопроизводства былъ одинъ и тотъ же, какъ для дѣлъ уголовныхъ, такъ и для дѣлъ гражданскихъ (см. процессы и гл. X соборн. улож.).

Артикулъ знаетъ однако обиду дѣйствіемъ легкую, когда въ дракѣ потерпѣвшему не нанесено ни раны, ни увѣчья, и тяжкую въ арт. 143 „когда кто съ кѣмъ ножемъ порѣжется).“ Но вообще причиненіе ранъ и увѣчій въ дракѣ, когда отъ раны или увѣчья могла быть опасность для жизни, разсматривалось какъ *самостоятельное преступленіе*, какъ покушеніе на убійство. Въ подобныхъ случаяхъ виновный подвергался наказанію по главѣ XIX артикула воинскаго. Соб. уложеніе всякое увѣчье, не входя въ разсмотрѣніе мотивовъ, разсматривало какъ самостоятельное преступленіе. Уложеніе (гл. XXII, ст. 10) предписывало „за такое его ругательство ему тоже учинити; да на немъ же взяти изъ вотчинъ его и изъ животовъ тому, надъ кѣмъ онъ такое наругательство учинитъ, будетъ отсѣчетъ руку, и за руку пятьдесятъ рублевъ; а будетъ отсѣчетъ ногу, и за ногу пятьдесятъ рублевъ; а за носъ и за ухо и за губы и за глазъ по тому же за всякую рану по пятидесяти рублевъ.“

Вообще въ карательныхъ мѣрахъ за раны и увѣчья въ дракѣ артикулъ воинскій слѣдуетъ еще духу уложенія, по принципу возмездія ex l. tal. оттого и сохраняетъ ударъ по щекѣ, отсѣченіе руки, пригвожденіе ладони. Но этого рода наказанія, какъ мы видѣли, уже отживали свое время и спустя нѣсколько лѣтъ отвергнуты [127]).

Относительно *поединка* слѣдуетъ сказать, что нашъ законодатель смотритъ на него какъ на *особое преступленіе* и, согласно общему духу законовъ всей Европы, облагаетъ

---

[127]) 1 п. с. з. VII, стр. 74 морск. уст. гл. XIII, ст. 98, 99, 100. Въ ст. 98— за обнаженіе какого либо оружія или ножа, безъ причиненія раны, наказаніе *кошками* у *шпиля*, а если поранитъ или такъ бить станетъ, хотя „не рукьемъ, что битый отъ того *нѣкоторое увѣчье понесетъ*: то оный имѣетъ быть также наказанъ на тѣлѣ, и посланъ въ *галерную работу вѣчно или временно*, по разсмотрѣнію суда. Такъ для нижнихъ чиновъ. А офицеръ за обнаженіе оружія *разжаловывается въ матросы*, а ежели поранитъ, то „сосланъ будетъ въ *галерную работу вѣчно или временно*.“ *Толк.* Сіе разумѣется во время драки.

крайне суровою карою. Патентъ о поединкахъ различаетъ двѣ степени преступнаго дѣянія: поединокъ *начатый* вызовомъ и поединокъ *оконченный* нанесеніемъ раны или убійствомъ; за вызовъ (ст. 11) опредѣляется: *лишеніе чиновъ и достоинствъ, объявленіе негоднымъ*, т. е. безчестнымъ, *денежный штрафъ* и *конфискація части имущества*; за поединокъ оконченный (ст. 12) назначается повѣшеніе обоихъ поединщиковъ, какъ живаго, такъ и мертваго. Артикулъ знаетъ точно также двѣ степени поединка, но съуживаетъ промежутокъ между ними *поединокъ начатый*, когда оба соперника, вызыватель и вызванный, *уже согласились* на бой, и *поединокъ оконченный* смертію; въ обоихъ случаяхъ опредѣляется повѣшеніе. Поединщики послѣ смерти преслѣдуются тѣмъ, что ихъ трупъ вѣшали за ноги. О лишеніи же христіанскаго погребенія за поединокъ не упоминается ни въ патентѣ, ни въ артикулѣ.

И такъ, наши военные законы въ эпоху Петра I предусматривали три ступени поединка: 1) вызовъ, 2) соглашеніе сторонъ на вызовъ и 3) поединокъ оконченный кровопролитіемъ. О поединкѣ, окончившемся безъ кровопролитія, т. е. неудавшемся, оба памятника умалчиваютъ; неудавшійся поединокъ подводится къ средней ступени, что видно изъ словъ артикула 13: „хотя оба не ранены отъ того отойдутъ.“ Секунданты наказываются одинаково съ вызывателемъ и вызываемымъ.

Взаимныя обиды словомъ, какъ взаимно равныя ненаказуемы, но если на обиду браннымъ словомъ послѣдовалъ ударъ („бой или иное своевольство“), то оба соперника подвергаются одинаковому наказанію (арт. 153). Далѣе такой простой формы оцѣнки взаимности обиды артикулъ не заходитъ.

Изъ разсмотрѣнія текста законовъ и изъ сказаннаго нами о личныхъ обидахъ по патенту о поединкахъ и артикулу воинскому, мы можемъ представить нѣсколько общихъ замѣчаній *о духѣ законовъ Петра Великаго*, относящихся къ преступленіямъ противъ чести.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ, созданіе флота, коренныя преобразованія въ административномъ строѣ государства

вели къ измѣненію условій общественнаго строя и къ поднятію значенія личности человѣка въ войскѣ и вообще на службѣ государству. Въ прошломъ XVII вѣкѣ личность человѣка всецѣло поглощалась государствомъ, преступленіе разсматривалось какъ грѣховное дѣяніе, а въ наказаніи господствовало устрашеніе и равное возмездіе воздать зломъ за зло. Въ такихъ преступленіяхъ, гдѣ не затрогивались интересы государства, какъ въ личныхъ обидахъ, законы ограничивались *денежнымъ штрафомъ* въ пользу потерпѣвшаго; напротивъ, тамъ гдѣ преступленіемъ затрогивались интересы государственные и религіозные, тамъ законодательство примѣняло въ широкихъ размѣрахъ наказанія *изувѣчивающія*, независимо отъ *смертной казни*. Колебанія государственнаго строя, религіозный расколъ, народныя волненія и бунты стрѣльцовъ только усиливали ожесточеніе въ наказаніяхъ и развивали ихъ неправомѣрность; грубость и дикость нравовъ, казалось, не предвѣщали смягченія въ казняхъ, не возбуждали состраданія къ жертвамъ квалифицированной смертной казни, къ изувѣченнымъ безрукимъ, безногимъ преступникамъ.

Въ артикулѣ воинскомъ и въ уставахъ: воинскомъ (1716 г.) и морскомъ (1720 г.) въ возмездіи за личную обиду повѣяло новымъ духомъ потому собственно, что поднято человѣческое достоинство солдата, признана въ немъ личность съ правомъ на честь и уваженіе, и выражена угроза за пренебреженіе къ нему, за опороченіе его словомъ или дѣйствіемъ. Простой солдатъ, простой матросъ въ арміи Петра занимаетъ опредѣленное положеніе и тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ право на уваженіе къ себѣ государства за службу, на попеченіе о солдатѣ, потерявшемъ на ней свое здоровье, личность въ самомъ маломъ состояніи становится элементомъ силы и могущества и въ войскѣ, и въ государствѣ Петра. Если слабы были средства полицейскаго надзора въ столицахъ и въ провинціи, то они замѣтно выростали въ войскѣ и во флотѣ: оскорбленному, потерпѣвшему отъ личной обиды словомъ и дѣйствіемъ нижнему чину данъ исходъ въ обжалованіи, съ соблюденіемъ только приличія въ формѣ и, во всякомъ случаѣ, безъ нарушенія дисцип-

лины и порядка службы. Въ этомъ истинно христіанскомъ взглядѣ на личную обиду законодательство Петра оставило далеко за собою соборное уложеніе и служитъ, можно сказать, основою для дальнѣйшаго развитія правительственнаго взгляда въ Россіи на преступленія противъ чести.

Недаромъ Россія прожила болѣе полутораста лѣтъ, чему свидѣтельствомъ служатъ патентъ о поединкахъ Екатерины II (1787 г.), законодательство Николая I (уложеніе о наказаніяхъ 1845 г., съ дополнительнымъ указомъ 1851 г.; и военно-уголовный уставъ) и новѣйшіе общіе и военные законы Александра II. Правда—въ карательныхъ мѣрахъ, направленныхъ противъ оскорбителей чести въ артикулѣ, какъ и въ соборн. уложеніи, господствуетъ еще принципъ равнаго возмездія: ударъ за ударъ, отсѣченіе руки за рану или увѣчье. Но эта средневѣковая форма наказанія скоро исчезаетъ, уступая въ морскомъ уставѣ мѣсто болѣе мягкой формѣ тѣлеснаго наказанія шпицрутенами или кошками у шпиля корабля; устрашеніе наказаніемъ по прежнему составляетъ господствующій принципъ въ возмездіи, но не ради очищенія преступника отъ грѣха, а ради общественной пользы, ради достоинства и чести арміи и флота. Этотъ принципъ всего рельефнѣе выдвигается въ карательныхъ мѣрахъ противъ зачинщиковъ сходовъ и вообще бунта. Въ возмущеніи наказаніе смертію должно слѣдовать быстро „дабы чрезъ то другимъ *страхъ подать*, и оныхъ отъ такихъ не пристойностей удержать (пока не разширится), и болѣебъ не умножилось (послѣднее слово добавлено рукою Петра Великаго (арт. 137, толк.). Въ законахъ Петра выдвигается рельефнѣе, чѣмъ прежде, принципъ повиновенія единой власти, во имя общественнаго порядка, тишины и спокойствія. Въ военномъ быту, всякое дѣяніе, запрещенное закономъ, разсматривается какъ нарушеніе единой воли, воли верховнаго законодателя, воли монарха: „ибо Его Величество есть самовластный монархъ, который силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять“. Личное оскорбленіе подчиненнымъ своего начальника—младшимъ старшаго, ря-

довымъ унтеръ-офицера—преслѣдуется съ особенною строгостью, потому что такимъ опаснымъ дѣяніемъ разрушается чинопочитаніе, оскорбляется достоинство власти, а слѣдовательно нарушается дисциплина и установленный правопорядокъ. Точно также, во имя того же порядка, и подчиненному за личное оскорбленіе и обиду начальникомъ дано право искать удовлетворенія посредствомъ „праваго челобитья“ или жалобы.

Авторитетъ единой воли монарха, какъ законодателя, сильнѣе всего выражается въ наказаніи за поединки, и здѣсь мы видимъ соединеніе двухъ господствующихъ принциповъ всей карательной системы Петра I—*устрашенія и авторитета единой верховной власти въ государствѣ*.

Византійское и средне-вѣковое латинское начало искупленія за грѣхъ постепенно отступаетъ передъ новѣйшимъ монархическимъ принципомъ; его уже нѣтъ въ наказаніи за поединокъ.

Нельзя также не остановиться на одной крупной чертѣ въ свойствѣ наказаній за личныя обиды, ссоры, драки: это стремленіе къ *равенству наказаній*; законодатель отступаетъ отъ условій равенства въ такихъ случаяхъ, когда къ офицеру, по духу военныхъ законовъ, неудобно уже было примѣнить тѣлесное наказаніе, которымъ стали наказывать исключительно нижнихъ чиновъ. Шпицрутены (или наказаніе кошками по морскому уставу) для офицера замѣняются болѣе или менѣе продолжительнымъ арестомъ, разжалованіемъ и денежнымъ штрафомъ; т. е. къ офицеру, какъ къ дворянину считали неприличнымъ примѣнять наказанія тѣлеснаго, которымъ подвергались нижніе чины и лица низшихъ сословій—мѣщане и крестьяне [128]). По крайней мѣрѣ такое раз-

---

[128]) Въ текстѣ артикула воинскаго не встрѣчается наказанія батогами, которое было въ такомъ ходу съ XVII стол., какъ дисциплинарное взысканіе, опредѣляемое по усмотрѣнію начальствующихъ лицъ. По соборному уложенію наказаніе батогами, простое и нещадное, опредѣлялось за многія преступленія, оно же было орудіемъ правежа при гражданскихъ взысканіяхъ. Въ оглавленіи наказаній по „процессамъ“ „битье батогами“ отнесено къ легкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ

граниченіе наказаній въ личныхъ обидахъ для офицеровъ и нижнихъ чиновъ уже тщательно проведено въ морскомъ уставѣ (ч. V, гл. XIII и XIV). Офицерами, теперь въ 1720 году, служили исключительно дворяне, рядовыми и матросами были большею частью взятые по набору крестьяне. Между офицерами и солдатами, въ послѣдніе годы царствованія Петра (въ арміи и флотѣ), существовала точно такая же рознь, какая была между дворянами и ихъ крѣпостными крестьянами.

Законодателю предстояло однако обезпечить личность всякаго солдата, не взирая на его низшее положеніе въ іерархіи, отъ грубыхъ и жестокихъ нападокъ, отъ насилій и отъ самоуправства офицеровъ, которые продолжали смотрѣть на солдата какъ на *своего слугу*, и какъ смотрѣли дворяне на своего *крѣпостнаго*. Переломить укоренившійся въ нравахъ обычай было чрезвычайно трудно. Доставить законную защиту обиженному нижнему чину тѣмъ болѣе было затруднительно, что необходимо было въ тоже время поддерживать строго принципы чинопочитанія, какъ основы воинской дисциплины. Установивъ въ своемъ уставѣ воинскомъ военную іерархію, отъ фельдмаршала до рядоваго, и очертивъ кругъ обязанностей генераловъ, штабныхъ и полковыхъ офицеровъ, а равно унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, законодатель требуетъ прежде всего, почтенія низшаго чина къ высшему (арт. 24 толков., арт. 25, 27). Обиженный своимъ начальникомъ можетъ принести жалобу „о понесенномъ своемъ безчестіи и несправедливости“ учтиво и въ пристойномъ мѣстѣ и оттуда ожидать удовлетворенія. Офицерамъ, подъ опасеніемъ *преданія суду и лишенія своего чина*, воспрещается бить подчиненныхъ имъ солдатъ: „безъ важныхъ и пристойныхъ причинъ, которыя службы Его Величества не касаются“ [129]). Такое огра-

между тѣмъ какъ наказаніе шпицрутенами и лозами (сквозь строй) считается тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

[129]) Артикулы, относящіеся къ личнымъ обидамъ подчиненными начальниковъ (глава III, арт. 21, 22, 24, *толков.*, 25, 27), разсмотрѣны и объяснены въ первомъ выпускѣ „Артикула Воинскаго“, стр. 198—218. Законодатель, облагая суровымъ наказаніемъ оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ начальниковъ, считаетъ нужнымъ обезпечить также личность солдата отъ насилія и самоуправства офице-

ниченіе власти офицеровъ не соотвѣтствовало понятіямъ общества, воспитаннаго на принципахъ полнаго господства помѣщика надъ крѣпостнымъ.

Правоопредѣленія военныхъ законовъ Петра I относительно личныхъ обидъ во всякомъ случаѣ составляютъ выдающуюся эпоху въ русскомъ законодательствѣ. Законодатель въ уставахъ воинскомъ и морскомъ стремился противодѣйствовать глубоко укоренившемуся обычаю самоуправства и склонности къ насилію въ высшемъ служиломъ сословіи. Въ „патентѣ о поединкахъ“ опредѣляется: что „никакое оскорбленіе не можетъ умалить чести обиженнаго“ (ст. 9), что кто попрекаетъ обиженнаго тѣмъ, что онъ прибѣгнулъ къ судебному разбирательству, того постигнетъ кара равная той, какая полагается за обиду, что обидчикъ за нанесенное оскорбленіе долженъ испросить прощеніе у обиженнаго, долженъ публично отказаться отъ словъ, какими оклеветалъ кого либо, можетъ подвергнуться аресту, а при обстоятельствахъ отягчающихъ и другому наказанію; денежное же вознагражденіе—плата за безчестье, составляетъ лишь дополнительное возмездіе, и во многихъ случаяхъ опускается.

Новыя уголовныя мѣры Петра современемъ, послѣ укрѣпленія государственнаго строя, должны были взять верхъ надъ гражданскимъ *вознагражденіемъ за обиду*—безчестіемъ, оттѣснить его на задній планъ и превратить его во второстепенный элементъ наказанія за оскорбленіе чести [130]).

П. Бобровскій.

рожь, арт. 33, стр. 214. Привлеченіе офицеровъ къ отвѣтственности по суду за личное оскорбленіе солдатъ и вообще за самоуправство прежде всего высказано было въ шведскихъ и датскихъ военныхъ законахъ; напротивъ, французскіе и нѣмецкіе католическіе законодатели къ такому факту произвола относились пассивно. См. мое объясненіе на шведскіе артикулы, стр. 217.

[130]) Такой взглядъ на военные законы Петра I, о личныхъ обидахъ выразилъ и *Спасовичъ* въ своей статьѣ: „О преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ по уложенію о наказаніяхъ 1845 г.“ *Журналъ мин. юст.* 1860 г., т. III, стр. 12.

МѢСТНИЧЕСТВО

и

ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПРОТИВЪ РОДОВОЙ ЧЕСТИ

ВЪ РУССКОМЪ ВОЙСКѢ

ДО ПЕТРА I.

П. О. БОБРОВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Департамента Удѣловъ. Моховая, № 36.
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17-го ноября 1888 г.

Бытовое значеніе мѣстничества въ общественной жизни до преобразованій Петра Великаго, благодаря изданію многихъ цѣнныхъ матеріаловъ и изслѣдованіямъ (Валуева, Погодина, Соловьева, Забѣлина, Бѣляева, Дмитріева, Шпилевскаго и другихъ), на столько уже выяснилось, что въ нашемъ трудѣ мы можемъ пользоваться результатами науки. Достаточно указать на монументальную работу Валуева, вполнѣ и на весьма добросовѣстно составленную А. Маркевичемъ историко-библіографическую оцѣнку почти всего, что касается исторіи мѣстничества въ Россіи (1). Въ его обширной книгѣ заключается богатый матеріалъ для всесторонней оцѣнки мѣстничества. Между изслѣдователями пальма первенства принадлежитъ послѣдователямъ историко-юридической школы, и между ними Дм. А. Валуеву, который указалъ методъ, какъ должно относиться къ матеріаламъ, содержащимъ извѣстія о мѣстничествѣ.

Оскорбленіе родовой чести въ мѣстничествѣ, какъ *преступленіе*, также обратило уже на себя вниманіе русскихъ юристовъ (особенно Б Утина, Спасовича, Ланге и другихъ) (2).

Мы не можемъ однако оставить безъ всякой оцѣнки института мѣстничества, которое служило главнымъ препятствіемъ къ оживленію государственнаго организма и сильнѣйшимъ тормозомъ къ

---

(1) *Алексѣя Маркевича*: «О мѣстничествѣ», ч. I, «Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству», Кіевъ, 1879 г.

(2) О наказаніяхъ за неправильное мѣстничество даетъ много указаній *Валуевъ*: «Изслѣдованіе о мѣстничествѣ», Москва, 1845 г. *Шпилевскій*, въ соч. «Союзъ родственной защиты древнихъ германцевъ и славянъ», Казань, 1866 г.,

преобразованію вооруженныхъ силъ. Сильнѣйшимъ препятствіемъ къ улучшеніямъ, особенно въ войскѣ, было представленіе о родовой чести и притязаніе старшихъ родовъ въ сферѣ военной, придворной и посольской службы. Это *сознаніе необходимости нововведеній въ войскахъ* и послужило ближайшимъ поводомъ къ отмѣнѣ мѣстничества. Поэтому мы ограничимся оцѣнкою фактовъ, непосредственно объясняющихъ крутой переломъ во взглядѣ на преступленія противъ личной чести въ русскомъ войскѣ до начала реформъ. Извѣстно, что съ паденіемъ мѣстничества начинается возрожденіе русскаго войска.

Въ исторіи служилаго сословія со времени Іоанна IV мѣстничество имѣетъ громадное значеніе уже потому, что правительство неотступно стремилось выдвинуть служебное старшинство передъ родовымъ, и въ войскѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаружились недостатки мѣстничества. Къ сожалѣнію, въ сочиненіяхъ о русскомъ войскѣ и о русскихъ войнахъ XVI и XVII столѣтій, на мѣстничество обращено слишкомъ мало вниманія, или же въ нихъ и вовсе о немъ не упоминается.

Въ древней Руси право считаться по старшинству родовъ, которымъ опредѣлялось общественное положеніе, получило особую окраску, когда столкнулось съ правомъ князей набирать себѣ слугъ въ дружину, раздавать имъ мѣста и порученія; сами князья строго наблюдали между дружинниками отношенія старшинства и меньшинства и не нарушали ихъ произвольно, даже послѣ утвержденія единой власти московскаго великаго князя. Съ конца XV столѣтія организація военныхъ силъ и приказной администраціи выдвинула рядъ вопросовъ по пріобрѣтенію имущества за Государеву службу;

къ указаніямъ Валуева, добавилъ много интересныхъ данныхъ, въ главѣ о мѣстничествѣ, изъ другихъ источниковъ. Б. *Утинъ* посвящаетъ преступленіямъ противъ родовой чести также особую главу: «Die Geschlechtlehre und ihre Verletzung», стр. 34—54. Свои выводы онъ основываетъ на родовомъ бытѣ у славянъ и мнѣніи Валуева о существованіи родовыхъ судовъ. *Спасовича*: «О преступленіяхъ противъ частныхъ лицъ—по уложенію о наказаніяхъ 1845 г.» («Журналъ Министерства юстиціи», 1860 г., № 1-й). Авторъ дѣлаетъ нѣсколько весьма цѣнныхъ замѣчаній объ общественномъ бытѣ до Петровскаго періода и связываетъ ходъ исторіи этого быта съ развитіемъ понятія о чести. *Ланге* въ статьѣ: «О наказаніяхъ и взысканіяхъ за безчестіе по древнему русскому праву» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», 1859 г., ч. с. II) дѣлаетъ выборки изъ нѣкоторыхъ источниковъ, гдѣ встрѣчается безчестіе. Преступленіе противъ родовой чести въ своихъ работахъ касаются также: *Шайкевича*, *Духовскій* и друг.— Мы имѣли въ виду еще соч. *Забѣлина*, *Соловьева*, *Устрялова*, *Котошихина*, Полное Собраніе Законовъ и нѣкоторые акты, изданные археографической комиссіей, историческіе и юридическіе.

новыя понятія о родовой чести до такой степени укоренились въ обычномъ правѣ, что распредѣленіе важнѣйшихъ должностей въ приказахъ и въ провинціи, а равно командованіе полками, какъ самостоятельными крупными единицами, въ военное время непосредственно опредѣлялось не заслугами или личными достоинствами, а старшинствомъ родовъ въ отечествѣ. Такой взглядъ господствуетъ въ войнахъ XVI и XVII столѣтій, до Петра Великаго. Рѣдко выдвигаются крупныя личности, помимо счетовъ родоваго и разряднаго старшинства.

По понятіямъ, глубоко вкоренившимся въ народномъ міровоззрѣніи о родовой чести, честь лица состояла не во внутреннемъ, нравственномъ достоинствѣ, не въ доблести, честности, благородствѣ души и чистой совѣсти человѣка, но исключительно во внѣшней формѣ, въ принадлежности лица къ извѣстному роду, предки котораго когда-то, ранѣе или позже, занимали извѣстное положеніе въ княжеской дружинѣ и въ царской службѣ. Когда свободные княжескіе слуги обратились въ холопей, когда уничтожено было право отъѣзда, мѣстничество продолжало свое существованіе, князья соблюдали его, служилые люди давали обѣтъ «не искать себѣ *чести* не по отечеству», «выше своего отечества», что въ сущности означало однакожь, что они оставляли за собою право «искать себѣ чести по *отечеству* и по достоинству своихъ предковъ». Сами представители церкви напоминали вѣнчанному царю объ его обязанности «жаловать и беречь своихъ бояръ и вельможъ по ихъ отечеству» (1).

(1) *С. Шпилевскаго*: «Союзъ родств. защиты» 186 и слѣд. «Мѣстничество получило церковное освященіе», «было положительнымъ закономъ». Это заключеніе не вполнѣ согласуется съ фактами изъ исторіи XVI—XVII стол. Правительство вынуждено было охранять обычай, крѣпко сидѣвшій въ правахъ дружины и ихъ потомковъ.—Но каждый разъ, когда, въ видахъ государственной пользы—особенно въ военное время, требовалось ограничить или ослабить столкновенія отъ «случаевъ» мѣстничества,—всѣ цари, начиная съ Іоанна III, пользовались своимъ правомъ, требовали быть безъ мѣстъ. Такъ, при началѣ почти всѣхъ войнъ съ конца XVI стол. объявлялось быть безъ мѣстъ съ кѣмъ либо другимъ по родству съ собою: быть—«намъ безъ мѣстъ» (Д. в.—Р. 1, 97). При назначеніи командовать полками дѣлались неоднократныя ограниченія такимъ то полкамъ быть безъ мѣстъ. *Шпилевскій*, 236, 236.—При назначеніи воеводъ по городамъ, объявлялось быть безъ мѣстъ (Д. в.—Рав. II, 625, 626). Ibid, стр. 237. Въ XVII стол. эти ограниченія повторялись чаще и чаще, особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Но, вопреки этимъ ограниченіямъ или запрещеніямъ, родовые споры возобновлялись именно между тѣми военачальниками, которымъ приказывалось быть безъ мѣстъ.—См. челобитныя въ Двор. Разр. по указаніямъ Шпилевскаго, цит. 189, 191. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ видно только, что государство постоянно боролось съ притязаніями мѣстничества и должно было терпѣть этотъ глубоко укоренившійся обычай.

Такое значеніе мѣстничества давно утвердилось; оно однако видимо стѣсняло государственную власть. Во всякомъ случаѣ мѣстничество въ строгомъ смыслѣ не было правительственнымъ учрежденіемъ, но это былъ институтъ, глубоко коренившійся въ обычномъ правѣ со времени великаго князя Іоанна III Васильевича и сохранившійся до конца XVII столѣтія, благодаря исключительнымъ бытовымъ условіямъ. Мѣстничество уничтожено на соборѣ 12-го января 1682 года, какъ учрежденіе, препятствовавшее развитію государства и преобразованію войска; на соборѣ, призванномъ для преобразованія войскъ, оно названо произведеніемъ нечистой силы: «злокознешный плевелосѣятель и супостатъ общій діяволъ... всѣялъ въ незлобивыя, прежде бывшихъ тогда славныхъ ратоборцевъ, сердца мѣстные случаи возлюбити» (1). Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ историковъ и юристовъ, которые кончину мѣстничества считаютъ насильственною. Институтъ прекратилъ существованіе самъ собою, какъ оканчиваетъ свое существованіе всякій одряхлѣвшій организмъ, уступая мѣсто новому, съ болѣе свѣжими силами.

О томъ, что такое родовая честь, какъ институтъ юридическій, говорить здѣсь нѣтъ надобности: она противополагается личной чести. Родовая честь, какъ источникъ мѣстничества, до такой степени сроднилась съ природою древняго русскаго человѣка, что даже въ обыкновенныхъ частныхъ житейскихъ отношеніяхъ нерѣдко была причиною споровъ и дракъ, оканчивавшихся увѣчьемъ и даже убійствами: «прежде бо пріидутъ на пиръ и всякъ восхощетъ сѣсти на вышнемъ мѣстѣ; а кто сядетъ на нижнемъ мѣстѣ и прежъ положитъ гнѣвъ въ сердца, и егда напіется—изступленъ бываетъ. И начнетъ мыслити срамотити и мещетъ нань злыя рѣчи; а аще сей претерпитъ, онъ же паки съ досажденіемъ глаголетъ ему. И той убо такоже отъ піянства не умолчитъ, и бываетъ брань; и потомъ единъ единаго пожемъ заколаетъ» (2).

---

(1) 1. П. С. З. II, № 905. — *Маркевичъ* приводитъ интересныя указанія иностранцевъ, которые на мѣстничество смотрѣли какъ на борьбу правительства съ аристократіей. Но это заключеніе иностранцевъ несправедливо.

(2) *Шпилевскаго*, стр. 243, цит. 201: Въ Арх. Калачова, кн. 2, полов. 2 извлеченіе изъ Златоуста, стр. 49-я. Не малаго интереса заслуживаетъ приведенное Шпилевскимъ замѣчаніе Погодина въ «Истор. Сборн.», стр. 280, 283, о живучести мѣстничества въ русскихъ правахъ: «книги сгорѣли, но мысли, чувства понятія не горятъ. Мѣстничество течетъ въ крови русскаго народа, оно естественное произведеніе его первоначальной исторіи, по порядку времени, оно проходитъ разныя степени, развивается и усовершенствуется. Корень мѣстни-

Споры о мѣстахъ, происходившіе при всякомъ назначеніи на Государеву службу, вслѣдствіе столкновенія одного лица съ другимъ въ порядкѣ разряднаго старшинства родовъ, приносили не мало зла русскому государству, особенно въ войнахъ XVII столѣтія; тутъ мѣстничество вело ко многимъ пораженіямъ русскихъ войскъ, а пораженія стоили громадныхъ жертвъ народонаселенію.

Постараемся разъяснить это важное положеніе, подтвержденіе которому находимъ во всѣхъ войнахъ, не взирая на запрещеніе быть безъ мѣстъ.

Какъ сказано, въ военной службѣ мѣстничество имѣло наиболѣе широкое приложеніе. Но увеличеніе войскъ, расширяя и раздробляя кругъ его дѣйствія, тѣмъ самымъ ослабляло его силу и унижало его важность и значеніе въ государствѣ. «Перенесенное въ область службы придворной, въ то самое время, когда государство противодѣйствовало ему всѣмъ своимъ внутреннимъ стремленіемъ въ области службы государственной, оно тѣмъ самымъ приготовляло себѣ легкій переходъ къ постепенному вымиранію и близкой, насильственной смерти» *(Валуевъ)*. Послѣ смутнаго времени, хотя всѣ походы бывали уже почти безъ мѣстъ и по росписи, въ войскѣ, какъ и при царскихъ столахъ, придворныхъ церемоніяхъ, въ посольствахъ, споры и челобитья еще продолжались: изъ-за высшаго мѣста на лавкѣ и за столомъ царскимъ бояре жертвовали жизнью и всѣмъ имуществомъ во имя безсильной уже родовой чести. стояли за мѣсто, какъ отстаивали, и почти всегда успѣшно, свои мѣста въ предводительствѣ войскомъ.

Вотъ почему мѣстничество представляется по нашимъ понятіямъ какимъ-то нелѣпымъ, даже смѣшнымъ предразсудкомъ (1).

чества все еще держится въ сердцахъ заслуженныхъ родовъ. Мѣстничество уничтожено de jure, но продолжалось de facto, хотя и весьма ограниченное».

(1) Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующее классическое мѣсто въ сочиненіи *Котошихина*: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». «У царя бываетъ столъ на властей и бояръ, и власти у царя садятся за столомъ по правой сторонѣ, въ другомъ столѣ. За столомъ садятся по чинамъ боярипъ подъ бояриномъ, окольничій подъ окольничимъ и подъ боярами, думный человѣкъ подъ думнымъ человѣкомъ и подъ окольничими и подъ боярами». Зная этотъ порядокъ, иные, «вѣдая съ кѣмъ въ породѣ своей ровность, подъ тѣми людми садиться за столомъ не учнутъ, отпрашиваются у царя и царь ихъ отпускаетъ». Но случалось, что царь на отпускъ въ гости не соглашался, и тогда происходили такія сцены за царскимъ столомъ: «А какъ его посадятъ сильно и онъ подъ нимъ не сидитъ и выбивается изъ стола вонъ, и его не пущаютъ и разговариваютъ чтобъ царя не приводилъ во гнѣвъ и былъ послушенъ; и онъ кричитъ: «хотя де царь ему велитъ голову отсѣчь, а ему подъ тѣмъ не сидѣть», и спустится подъ столъ, и царь укажетъ его вывесть вонъ и послать въ тюрьму, или до указу къ

Многочисленные факты, занесенные въ разряды, какъ ниже увидимъ, свидѣтельствуютъ, что споры и раздоры, вызывавшіе челобитья и иски за безчестье, происходили на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи и нерѣдко вели къ неповиновенію и грубому нарушенію дисциплины. Спорящіе дворяне охотнѣе переносили наказаніе батогами, нежели безчестье служить подъ командою воеводы по невмѣстности. Но въ XVII столѣтіи думали иначе: подобно тому, какъ рыцарство, осмѣянное Сервантесомъ, имѣло когда-то великое значеніе на западѣ, точно также и въ мѣстничествѣ достояніе дружины, не смотря на его часто забавныя стороны, было нѣчто серьезное, заставляющее съ уваженіемъ относиться къ прошедшему. И только съ развитіемъ организма государственнаго, съ распространеніемъ идей новыхъ для древняго человѣка, серьезное становится нелѣпымъ и отходитъ въ область старины, всегда поучительной и нерѣдко занимательной.

Обращаясь къ вреднымъ послѣдствіямъ отъ мѣстничества въ войскахъ XVI и XVII столѣтій, замѣтимъ сначала, что подъ его вліяніемъ образовались *служебно-знатные* роды, которые не всегда бывали знатными по происхожденію, не были самыми старшими, но передъ ними должны были отойти на задній планъ и болѣе старшіе по своему происхожденію, если послѣдніе отстали отъ другихъ родовъ путемъ *потерожъ* и *захуданія*, а первымъ посчастливилось обогнать другихъ на разрядныхъ степеняхъ. Одни роды постоянно бывали на самыхъ первыхъ разрядныхъ мѣстахъ, а другіе не доходили и до середины (1). Въ XVII столѣтіи явилось уже много такихъ родовъ, которымъ приходилось уступать первенство родословнымъ: Языковы, Хилковы, Матвѣевы, Милославскіе и другіе.

Вслѣдствіе мѣстническихъ распорядковъ, однажды установив-

себѣ на очи пущати не велитъ. А послѣ того, за то ослушаніе, отнимаетъ отъ нихъ честь, боярство или окольничество и думное дворянство,—и потомъ тѣ люди старые своея службы дослуживаются вновь». Бывало и хуже: за такія вины сажаютъ въ тюрьму и отсылаютъ головою, и бьютъ батоги и кнутомъ: «то записываютъ въ книги, имянно; впредь для вѣдомости и спору». Гл. IV, ст. 15-я.

(1) *Шпилевскій*, стр. 211-я. — Въ 1622 году объявлено Гагаринымъ: «никто въ Гагаряныхъ воеводами не бывали, вездѣ въ старостахъ губныхъ, и въ городовыхъ прикащикахъ». При Алексѣѣ Михайловичѣ Головинъ отказывался принять даже чинъ окольничаго, потому что его родители бывали только въ боярахъ. Дворц. Разр. I, 501, 931, III, 226—228. Или еще: «вамъ Колтовскимъ съ Волконскими мочно быть всегда, потому что Волконскіе васъ вездѣ честнѣе (т. е. выше по разряду) бывали». Дворц. разр. I, 910. «а быть тебѣ (Хилкову) съ боярином съ Иваномъ Петровичемъ (Шереметевымъ) мочно: вездѣ вы (Хилковы) меньше Шереметевыхъ бывали». Дворц. разр. II, 180 «и лучшіе ваши Плещеевы вездѣ меньше Шереметевыхъ бывали». Дворц. разр. III, 303.

шихся, образовалось раздѣленіе родовъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, раздѣляя ихъ на боярскіе, окольничіе и т. п. (гл. II); при этомъ одинъ родъ стоялъ въ отношеніи къ другому какъ старшій, былъ какъ бы его господиномъ. Въ такихъ случаяхъ считалось безчестьемъ называть другъ друга даже *братомъ:* «Волынскіе «бранились» съ Рѣпнинымъ и называли его «братомъ». Рѣпнинъ пожаловался Государю на безчестье, и Государь указалъ сказать Волынскимъ. что они называли Рѣпнина своимъ братомъ и тѣмъ его обезчестили, потому что имъ мочно быть и меньше внука Рѣпнина» (1).

Существовало еще различіе между людьми родословными и неродословными, и послѣднимъ не давалось суда и счета съ первыми: «и бояре приговорили Волынскимъ сказать, что они на боярина Петра Петровича Головина били челомъ не дѣломъ, люди они не родословные, а по Государеву указу, неродословнымъ людемъ съ родословными людьми и счету въ отечествѣ не бывало... а за службу жалуетъ Государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ» (2). Но этотъ принципъ мѣстничества постепенно утрачивалъ свою юридическую почву.

Въ войскѣ, какъ и въ государственной службѣ, были старшія и младшія мѣста, и когда отношеніе родовое двухъ лицъ не совпадало съ отношеніемъ мѣстъ въ войскахъ, на которыя они назначались одновременно,—одинъ, младшій, на старшее мѣсто, другой, старшій, на младшее мѣсто,—тогда происходило столкновеніе—*стычка* со всѣми нерѣдко гибельными послѣдствіями для самой службы. Особенно часты были невыгодныя для государственной службы столкновенія между воеводами, при назначеніи ихъ по два, а иногда и по три, въ одинъ изъ полковъ, составлявшихъ самостоятельное крупное цѣлое, подобно нынѣшнимъ корпусамъ.

Такихъ полковъ сначала было пять, которые, какъ видно изъ разрядныхъ книгъ, имѣли слѣдующій порядокъ старшинства (чести): *большой полкъ*, *правая рука*, *передовой и сторожевой* (въ одной степени) и *лѣвая рука*. Валуевъ, на основаніи разрядныхъ данныхъ, составилъ таблицу, изъ которой видимъ кругъ отношеній и общій счетъ мѣстъ между воеводами главными и второстепенными. Напримѣръ: 1-й или старшій воевода лѣвой руки былъ въ такихъ отношеніяхъ ко всѣмъ прочимъ: больше *однимъ мѣстомъ* 2-го воеводы большаго полка, *двумя мѣстами* 2-го воеводы правой руки,

---

(1) *Шпилевскій*, стр. 213, цит. 120. Дворц. разр. II, 314, 315.
(2) *Шпилевскій*, стр. 213, цит. 122. Дворц. разр. I, 223, 224

тремя мѣстами 2-го воеводы передоваго и сторожеваго полковъ, *четырьмя мѣстами* 2-го воеводы лѣвой же руки (1). Войска не всегда состояли изъ пяти полковъ, ихъ было нерѣдко три—*большой, передовой* и *сторожевой*, и тогда вся пропорція отношеній измѣнялась (2). Равенство сторожеваго и перваго полковъ такъ выражено въ одномъ изъ царскихъ приговоровъ по поводу жалобы Салтыкова на Туренина, бывшихъ вторыми воеводами въ тѣхъ полкахъ: «придутъ на Украину крымскіе люди напередъ на сторожевой полкъ; і поити впередъ сторожевому полку, да большому полку, да сторожевому послѣ. А будетъ придутъ крымскіе люди на передовой полкъ, ино итти напередъ передовому полку, да большому полку, да сторожевому итти послѣ» (3). Замѣчательно, что претензіи мѣстниковъ являлись и при назначеніяхъ на одинаковое мѣсто двухъ лицъ, различныхъ по своему родовому происхожденію, по своей породѣ. Еще болѣе путаницы происходило, когда въ полкъ назначали трехъ или четырехъ воеводъ. Распространеніе числа мѣстническихъ случаевъ правительство ограничивало запрещеніемъ навсегда или къ какому-либо случаю поднимать мѣстническіе счеты при занятіи нѣкоторыхъ мѣстъ (4).

Мѣстническіе счеты усложнялись въ XVII столѣтіи, когда приходилось снаряжать двѣ особыя арміи или разряды, и когда число полковъ нужно было увеличить. Украйный разрядъ былъ выше

---

(1) *Валуевъ*, стр. 50 и слѣд. Авторъ приводитъ многіе примѣры челобитій и счетовъ. Съ особеннымъ вниманіемъ счетъ въ старшинствѣ воеводъ разработалъ *Шпилевскій* на основаніи Валуевой разрядной, дополняемой изъ Новиковской разрядной. Къ сожалѣнію, всѣ эти счеты оканчиваются 1604 годомъ. Шпилевскій приводитъ болѣе 120-ти примѣровъ челобитій по поводу споровъ изъ-за мѣстъ между воеводами и товарищами ихъ одного полка, съ такими же начальниками другаго, третьяго, четвертаго и пятаго полковъ.

(2) *Валуевъ*, стр. 52 и слѣд., см. еще Ливонскій походъ 1586 года. Древн.-Виеліот. т. XIV, стр. 489. Походъ 1628 г. Сиб. Сбор. II, стр. 395, V, стр. 77а

(3) *Валуевъ*, стр. 61. Арх. разр. № 5, лис. 717. «Въ этомъ отвѣтѣ царя указывалось (говоритъ авторъ), какъ бы съ насмѣшкой, на нелѣпость требовать старшинства между передовымъ и сторожевымъ полками, когда случайность непріятельскаго нападенія могла всегда обратить сторожевой полкъ въ передовой, или передовой въ сторожевой, и особливо въ такой войнѣ, какъ война съ татарами, и въ степяхъ, раздѣлявшихъ въ то время Россію отъ Крыма».

(4) *Шпилевскій*, стр. 236 и 237: «а передовой полкъ да сторожевой полкъ меньши одного въ большомъ полку большаго воеводы, а до правой руки и до лѣвой руки дѣла нѣтъ, съ тѣми безъ мѣстъ». Возобновленіе такого распоряженія Михаиломъ Ѳеодоровичемъ 9-го апрѣля 1620 г. Дворц. разр. I, 442—445. Но эти распоряженія не останавливали челобитій. См. у него цит. 189. Дворц. разр. I, 502, 503, 544, 545, 584, 668, 670, 792, 896, 894; II, 48, 49, 123—125, 196, 268, 323, 324, 386, 451—453, 497—500, 530—532, 590.

рязанскаго, и это различіе давало воеводамъ предлогъ къ спорамъ и искамъ. Стали размѣщать полки по городамъ (безъ названія большаго, передоваго и т. д.), чтобы, по военнымъ соображеніямъ, имѣть войска въ готовности на случай открытія похода. Тутъ нерѣдко случалось, что полевой воевода полка, расположеннаго въ одномъ городѣ, билъ челомъ на воеводу въ другомъ; первый воевода на перваго, второй—на втораго. Когда приходилось собирать полки въ «сходъ», т. е. сосредоточивать войска, воевода, считавшій себя старшимъ по родовымъ счетамъ, отказывался идти къ тому, котораго считалъ меньшимъ себя. Для ограниченія подобныхъ явленій объявлялось быть безъ мѣстъ и, кромѣ того, предписывалось изъ разряда: «воевода большой воевода меньшому помогаетъ и въ томъ всегда мѣстъ не бываетъ» (1). Но мѣстническіе споры и счеты о честности рода продолжались (2). Не въ одинаковой чести были города, и это обстоятельство давало поводы къ мѣстническимъ счетамъ между городовыми воеводами. Извѣстно, что въ XVII столѣтіи возникло множество новыхъ «городовъ», особенно на окраинахъ и въ Сибири, какъ укрѣпленныхъ пунктовъ. Болѣе важные города или пункты въ военномъ или стратегическомъ отношеніи, въ которыхъ располагалось бо̀льшее число войскъ или которые были важны по своему административному положенію, естественно пользовались и бо̀льшимъ значеніемъ. Воевода, считавшійся обойденнымъ при назначеніи, немедленно выдвигалъ искъ о своемъ безчестіи на своего противника, а иногда на двухъ или трехъ, и требовалъ суда.

Дворцовые разряды и разрядныя книги, изданныя бывшимъ II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, обнимая многочисленные случаи мѣстничества въ XVII столѣтіи, служатъ превосходнымъ матеріаломъ для сужденія о печальныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ вели мѣстническіе споры при назначеніи воеводъ въ какой-либо отдѣльный полкъ или куда-либо въ командировку для разнообразныхъ порученій въ войскахъ какъ старшихъ, такъ и младшихъ начальниковъ. Таковы споры и раздоры, которые искали исхода въ челобитьяхъ, при назначеніи двухъ осадныхъ воеводъ въ одинъ городъ и при нихъ вылазныхъ, при посылкахъ двухъ воеводъ къ третьему на подмогу, при посылкѣ съ хлѣбными запасами, съ деньгами на жалованье драгунамъ и солдатамъ, съ приказа-

(1) *Тамъ же*, стр. 222, 233. Дворц. разр. II, 195, 196, 268, 497, 499, 530—533, 625, 626; III, 184.

(2) *Тамъ же*, стр. 223. Разр. кн. I, 120, 1052, 1053, 1056; II, 10, 11, 756, цит. 158, разр. кн. I, 271, 272, 724, 894, 931, 1276; II, 123, 125.

ніемъ отвести куда-либо ратныхъ людей. Многіе факты указываютъ на мѣстническія столкновенія начальниковъ стрѣлецкихъ войскъ— головъ и другихъ подчиненныхъ воеводъ, съ воеводою своимъ же начальникомъ. Дворяне, подчиненные какому-либо воеводѣ, по мѣстническимъ счетамъ, не исполняютъ его приказаній: одинъ отказывается строить *острогъ* подъ тѣмъ предлогомъ, что приказаніе имъ получено отъ главнаго воеводы при подписи двухъ другихъ воеводъ, меньше которыхъ получившему приказъ быть нельзя — невмѣстно; другой, на томъ же основаніи, отказывается исполнить приказаніе начальника раздать деньги ратнымъ людямъ; третьи выражаютъ неудовольствіе на воеводъ, вслѣдствіе назначенія ихъ сотенными головами, или же воевода, назначенный, по распоряженію главнаго воеводы, судьею, бьетъ челомъ на третьяго воеводу, противъ котораго у него готовъ поколѣнный счетъ, выпутый изъ домашняго архива и т. д.

Нерѣдко отъ службы съ воеводою отказывались цѣлые семейства и роды: «Безобразовы съ братьею и племянниками» отказываются отъ службы со вторымъ воеводою втораго полка: «а имъ-де съ Семеномъ быть не мочно, потому что Семенъ ничѣмъ не лучше». Отъ службы отказывались даже цѣлые отряды: «московскіе дворяне и жильцы не хотятъ служить со вторымъ воеводою въ Стародубѣ, Алябьевымъ, потому что и послѣдній дворянинъ имъ въ *версту*». Царь указалъ имъ быть только съ первымъ воеводою, а Алябьеву съ дворовыми людьми, каковы: подключники, сытники, конюхи и т. п. (Дворц. разр. II, 674, 675).

Не было ни одного серьезнаго, спѣшнаго, весьма важнаго порученія въ военное время, когда дорога каждая минута, когда промедленіе можетъ повести къ проигрышу сраженія, гдѣ бы воевода, начальникъ отряда, не опасался натолкнуться на протестъ подчиненныхъ ему второстепенныхъ начальниковъ, даже головъ (сотенныхъ командировъ), которые по степенямъ родства досчитывались о несовмѣстности своей службы со службою отдававшаго приказаніе начальника. Чаще всего эти столкновенія родовой чести бывали, когда поручалось какое-либо дѣло исполнить одновременно двумъ или тремъ начальникамъ, стольникамъ, дворянамъ и т. п. чинамъ; напримѣръ, двухъ послали собрать ратныхъ людей, нѣсколькихъ командировали осмотрѣть дворянъ и дѣтей боярскихъ—одного въ большой полкъ, другаго въ передовой, третьяго въ сторожевой; посланные въ младшіе полки били челомъ, требуя суда на посланныхъ въ старшіе; или назначали, напримѣръ, нѣсколькихъ произве-

сти разсчетъ окладовъ различнымъ разрядамъ служилыхъ, или собрать кормъ со всѣхъ уѣздовъ и раздать его наемнымъ нѣмцамъ, или строить городъ,—мѣстники просили удовлетворенія, вовсе и не думая о послѣдствіяхъ неповиновенія, за которое могли подвергнуться по меньшей мѣрѣ наказанію батогами, вовсе не заботясь о послѣдствіяхъ, какія могли быть въ военное время отъ неисполненія приказаній. Эгоизмъ рода былъ выше пользы государственной службы (1).

Сказанное нами, полагаемъ, достаточно характеризуетъ тотъ дисциплинарный разладъ, какой вносило мѣстничество въ военный бытъ, перепутывая отношенія и нарушая самыя элементарныя основы внутренняго порядка.

Но и послѣ упраздненія мѣстничества и сожженія разрядныхъ книгъ, замѣненныхъ родословными, не прекращались столкновенія мѣстническаго характера. Съ этимъ зломъ приходилось бороться Петру Великому; при немъ споры о мѣстничествѣ встрѣчаемъ и въ арміи, и въ колегіяхъ. «Сварьі» и «укоризненныя слова» царедворцевъ въ войскахъ и въ колегіяхъ, не забывавшихъ старыхъ разрядныхъ счетовъ, вынуждали Петра неоднократно напоминать объ «отставкѣ тѣхъ прежде бывшихъ мѣстъ и разрядныхъ споровъ отеческихъ» и угрожать ослушникамъ наказаніемъ по суду: «будутъ истязаны и казнены по настоящему суду» (2).

Петру Великому съ созданіемъ регулярныхъ войскъ приходилось создать новыя юридическія нормы о воинской чести.

Наказанія за родовое безчестье въ XVII столѣтіи.

Бояре, окольничіе, думные люди, затѣмъ стольники, стряпчіе, жильцы, дворяне и дѣти боярскія, царедворцы и служилые были исполнены непомѣрной щекотливости въ отношеніи своей чести; у

---

(1) Указанные факты, намѣченные г. Шпилевскимъ, стр. 223—226, показываютъ, какъ много историческаго матеріала еще у насъ не тронуто; такая работа могла бы составить богатый вкладъ въ нашу военную исторію XVII столѣтія и служить опорою для оцѣнки преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Неудивительно поэтому, что великая эпоха преобразованія войскъ у многихъ историковъ является какою то необъяснимою ломкою стараго порядка, а не логическимъ выводомъ изъ предшедшаго періода бытовыхъ явленій въ русскомъ народѣ со всѣми его обычаями и вѣрованіями.

(2) 1-е П. С. З. V, № 3384. *Именной, изъ Сената*, 4-го іюня 1719 года. — Указъ этотъ ссылается на другой указъ, 19-го марта того же 1719 г., котораго нѣтъ въ П. С. З. О томъ, что происходило въ войскѣ въ Сѣверную войну, изложено въ сочиненіи моемъ: «Арт. Воин.», вып. 2-й. «Перех. Россіи къ рег. арміи».

нихъ понятіе о *чести лица* связывалось непосредственно съ понятіемъ о *почетѣ своего рода*, опредѣлялось представленіями о служебномъ значеніи рода, о количествѣ жалованья, о близости ко двору, къ особѣ Государя, и все это высчитывалось за одно, два столѣтія. «Старая родовая честь (заслуженная рядомъ поколѣній) считалась выше чести молодой, хотя и болѣе достойной» (*Соловьевъ*). Но уже явилось много новыхъ знатныхъ родовъ, у которыхъ не было знаменитыхъ предковъ. Изъ темноты поднимались роды дьяковъ и даже подъячихъ.

Во вторую половину XVII столѣтія родовая честь болѣе чѣмъ прежде мѣшала правильному распредѣленію служебныхъ силъ въ государствѣ, особенно въ войскѣ. Члены одного какого-либо рода, которые должны были уступить, придумывали отчаянныя средства, чтобы избавиться отъ этой тяжкой уступки. Молодые люди знатныхъ бояръ, обыкновенно поступавшіе во дворецъ спальниками, члены первостепенныхъ родовъ жаловались затѣмъ прямо въ бояре, второстепенныхъ—въ окольничіе. Завѣтной цѣлью честолюбцевъ было попасть въ бояре, минуя окольничаго. Такія домогательства о чести вели неизбѣжно къ столкновеніямъ одного рода съ другимъ (1).

Обыкновенными наказаніями за преступленія противъ родовой чести были: опала, выдача головою, *заключеніе въ тюрьму*, *битье батогами и денежный штрафъ* (2). Виновные отсылались въ тюрь-

---

(1) *Соловьевъ* XIII, 72. Головинъ, пожалованный изъ дворянъ въ окольничіе, билъ челомъ, что окольничихъ въ его пору нѣтъ, и отецъ его при царѣ Михаилѣ былъ въ боярахъ; за это челобитье онъ посланъ въ тюрьму и окольничество ему не сказано, сказано другое: «тебѣ страднику ни въ какой чести не бывать, бояре приговорили тебя бить кнутомъ и въ Сибирь сослать, да Государь на милость положилъ». *Шпилевскій*, стр. 205. За безчестіе кн. Хилкова его противника Михаила Плещеева били батогами и посадили на три дня въ козенку, а старшаго брата Михаила, Андрея Плещеева, посадили въ тюрьму на пять дней. *Дворц. разр.* III, 114. За безчестіе Волконскихъ Никифора Воейкова признано нужнымъ посадить въ тюрьму, а съ другихъ Воейковыхъ (потому что Никифоръ билъ челомъ съ братьею), доправить безчестье, т. е. взыскать денежный штрафъ, 1-е *П. С. З.* I, № 95. *Именной изъ Разряда*, 31-го марта 1653 года.

(2) Въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича при учетверившемся числѣ споровъ о челобитіи (въ 15 лѣтъ въ Валуевской разрядной 250 случаевъ) было нѣсколько случаевъ неявѣстной службы или выдачи неявѣстныхъ грамотъ, заключеній въ тюрьму и другихъ наказаній (по одной только разрядной) 15; далѣе — ссылка въ Сибирь; безъ суда бить батоги и выдать головою; «по государевѣ опалѣ съ Москвы сосланъ», но послѣ опала сложена и дана неявѣстная грамота; далѣе—одинъ посаженъ въ тюрьму татиную, другой въ нарошную; трое, не взявшіе списковъ (т. е. отказавшіеся взять росписаніе войскъ), посажены въ тюрьму; «Буйносовы посланы за приставомъ на службу (т. е. насильно) и одинъ изъ нихъ

му на одинъ, два и не болѣе семи дней. Тюрьма иногда соединялась съ наказаніемъ батогами. Проигравшій искъ въ безчестьи долженъ былъ отправляться въ тюрьму пѣшкомъ съ непокрытою головою. Иногда тюрьма замѣнялась ~~денежнымъ~~ арестомъ, «а для праздника Рождества Христова Государь пожаловалъ его, князь Данила, изъ тюрьмы выпустить велѣлъ; а съ двора съѣзжать ему не велѣно до Государеву указу». Денежный штрафъ простирался иногда на значительную сумму. Князь Пронскій за оскорбленія князя Воротынскаго самого подверженъ заключенію въ тюрьму, а за оскорбленіе его дѣда долженъ былъ заплатить 1,400 рублей безчестья.

Помимо указанныхъ наказаній за преступленія противъ родовой чести, происходили иногда невѣроятныя сцены; бояре, считавшіе свои притязанія на превосходство своего рода справедливыми, готовы были терпѣть униженія. Въ Дворцовыхъ разрядахъ записанъ такой случай расправы за противозаконную жалобу: «думной разрядной дьякъ Сыдавной-Васильевъ за князя Данила Гагарина билъ Замятню по щекамъ». И такая расправа, какъ ни кажется постыдною, не вела за собою вредныхъ послѣдствій для личной чести! Или вотъ еще примѣръ, который показываетъ наглядно, что въ понятіяхъ о родовой чести личность не имѣла никакого значенія. Въ Дворцовыхъ разрядахъ подъ 1620 г. записано: «И Иванъ пришелъ къ боярамъ въ золотую палату, о дву посохахъ... И думной разрядной дьякъ Томило Луговской говорилъ ему: больно-де отбаливаешься отъ князя Ооопасья Шаховскаго, затѣмъ и въ городъ не хотѣлъ ѣхать... И бояре сказали: мочно де тебѣ быть меньше князя Ооопасья, и приговорили-было Ивана за князя Ооопасьево безчестье *велѣли бить кнутомъ*. И думной дьякъ Томило Луговской сказалъ боярамъ: долго-де того ждать, да, взявъ у него посохъ, и сталъ *его бить по спинѣ и по ногамъ*, а бояринъ Иванъ Никитичъ другимъ посохомъ билъ по спинѣ и по ногамъ же; а говорили: не по дѣломъ

выданъ головою»; «за то, что П. Шереметевъ у руки не былъ и на службу не поѣхалъ, велѣно ево приставу вывесть скована въ телѣгѣ за посадъ»; «чтобы Лапунова привесть съ его помѣстья сковавъ, предо всѣми людьми бить батоги и бивъ посадить въ тюрьму и, доправивъ всѣ прогоны, прислать къ Москвѣ назадъ на службу, съ которой онъ сбѣжалъ» *Валуевъ*, стр. 46. Въ XVII столѣтіи съ расширеніемъ объема службы расширялся и кругъ самаго мѣстничества и увеличивалось число новыхъ отношеній и число споровъ между честью родовой и честью государевой, т. е. служебною.

бьетъ челомъ, знай свою мѣру, и бивъ его велѣли ему быть въ бѣломъ платьѣ по прежней сказкѣ» (1).

Мѣстническіе иски «въ отечествѣ» и «въ безчестіи» имѣли, такимъ образомъ, различныя послѣдствія: по первому давался судъ и возстановлялось право потерпѣвшаго. Искъ же о безчестьи, если признанъ былъ справедливымъ, велъ за собою наказаніе противнику (*батогами, тюрьмою, денежнымъ взысканіемъ*, или что Государь укажетъ)—«Царь и вел. кн. Романа Бутурлина пожаловалъ велѣлъ Кузьмина *бити батоги* за Романа безчестье въ Болховѣ передъ разрядною избою. А за отечество велѣлъ его выдати головою Роману Бутурлину» (2). «Мѣстничество, — справедливо говоритъ Погодинъ,—доведенное до крайности, показало, подобно рыцарству, свою смѣшную сторону, нелѣпость, предметъ для Серватесова романа, когда передъ вступленіемъ въ походъ надо было считаться двухсотлѣтними службами тысячелѣтнихъ родовъ» (3).

И въ началѣ XVII вѣка, и въ эпоху дѣйствія Уложенія, на основаніи котораго производился судъ о безчестьи, верховная власть, особенно послѣ смерти царя Алексѣя Милайловича, когда выдвинулись новые знатные роды, все болѣе и болѣе тяготилась щекотливостью мѣстническихъ счетовъ, крайнею придирчивостью и обидчивостью.

Во вторую половину XVII столѣтія, какъ уже намъ извѣстно (Арт. Воин., вып. 2-й), подъ вліяніемъ внутренней неурядицы и неудачныхъ внѣшнихъ войнъ, выдвинулись на первый планъ жгучіе вопросы, требовалось безотлагательное ихъ рѣшеніе, и съ паденіемъ мѣстничества родовое безчестье должно было утратить пер-

---

(1) *Б. Утинъ* (B. Utin), стр. 51, 52. Дворц. разр., т. I, стр. 234, 265, 576, 795; *замѣтка.*

(2) Выдача головою было самое крѣпкое, а потому и символическое утвержденіе меньшинства одного лица передъ другимъ. *Шпилевскій*, стр. 203, 204: «Искъ въ отечествѣ» должно различать отъ иска о «безчестіи и оборонѣ»: первымъ имѣлось въ виду возстановить нарушенное право, отстранить неправильное притязаніе другаго лица, стать выше челобитчика, а искъ въ безчестьи и оборонѣ былъ отвѣтомъ на неправильный искъ въ отечествѣ, потому что въ послѣднемъ выражалось притязаніе унизить соперника, стать выше его». Князь Димитрій Хворостининъ въ 1588 г. жалуется такъ: «по тому бью челомъ на князь Михаила (Кашина) о безчестьи, что тѣмъ меня князь Михайло обезчестилъ, что не хочетъ со мною въ меньшихъ быть».

(3) *Истор. Сборн.* III, стр. 279. Здѣсь кстати припомнить о томъ, что писалъ царь Алексѣй Михайловичъ къ князю Трубецкому. «Арт. Воин.», вып. 2-й стр. 119. О наказаніи стольника Ивана Прончищева за неправильную жалобу въ безчестіи на окольничаго и оружейничаго Хитрово. «Арт. Воин.», вып. 2-й прим. 144.

вобытный свой характеръ. Понятія о безчестьи родовомъ перепутались съ понятіями о безчестьи личномъ, математически вычисленномъ по сословіямъ, разрядамъ чиновъ и классовъ. Статьи Уложенія (гл. X, 26—98) были своего рода табелью о рангахъ, которою измѣрялось удовлетвореніе за нанесеніе личнаго оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ и впослѣдствіи на письмѣ. Собор. Улож. своею мелочною регламентаціею о судѣ поддерживало непомѣрную охоту къ искамъ за «безчестія» уже во всѣхъ слояхъ общества и охраняло склонность къ сутяжничеству по обвиненію и въ безчестіи родовомъ, и безчестіи семейномъ и личномъ какимъ-либо ничтожнымъ словомъ, которое, по нашимъ понятіямъ, имѣетъ совершенно безобидный смыслъ. Безчестье личное ударилось въ противоположную крайность: когда, съ развитіемъ грамотности, стали появляться какія-либо ошибки, то начали придираться къ ошибкамъ въ письмѣ. Придирались даже къ буквѣ. Мелочныя придирки къ словамъ и буквамъ возбуждали безпрерывныя жалобы, которыя плодили челобитья и возбуждали иски съ цѣлью полученія денежнаго вознагражденія за «безчестіе». Къ иску за личное оскорбленіе приплеталось непремѣнно нѣсколько лицъ обезчещенной семьи—самъ обиженный, его дяди и племяшники, его жена, и сестра, и братья... и такимъ образомъ по статьямъ Уложенія насчитывались изрядныя суммы: окладъ жалованья самому, за жену вдвое, за дочерей вчетверо за каждую. Не было чѣмъ платить денегъ за безчестіе, —обидчикъ подвергался правежу самъ или его люди, его крестьяне. Легко понять, что когда къ дѣламъ чести присоединились всякаго рода нечистыя побужденія, сутяжничество и ябедничество должны были ропять истинное о ней понятіе. Простое, грубо сказанное слово, можетъ быть даже и въ шутку, поднимало на ноги всю семью, вызывались свидѣтели въ приказъ или къ воеводѣ. Дѣло доходило даже до пытки. При дикости нравовъ, при непосредственныхъ, такъ сказать, прямолинейныхъ грубыхъ отношеніяхъ служилыхъ людей между собою, оскорбленный, непривычный съ дѣтства удерживать своего неудовольствія, не умѣющій владѣть своею волею боярскій сынъ отвѣчалъ какимъ-либо словомъ, которое противнику казалось почему-либо «непригожимъ», «непристойнымъ»,—и этого было конечно достаточно для возбужденія судебнаго иска въ приказѣ, по Уложенію. Послѣ каждой пирушки, вездѣ, гдѣ только скоплялась толпа не только молодыхъ людей,—жильцовъ, стряпчихъ, стольниковъ, спальниковъ,—но и стариковъ—родовитыхъ бояръ, «столповъ» русской земли, являлись дѣла о безчестьи, отлично кормившія и

судей, и подъячихъ. Но что именно слѣдовало понимать подъ словомъ: «непригожее»—Уложеніемъ не опредѣлено: про то знали судьи, дьяки, подъячіе,—они и рѣшали дѣло. Недомолвки Уложенія дополнялись изъ обычнаго права и судейской практики: составлялось челобитье, требовались свидѣтельскія показанія всѣхъ присутствовавшихъ при ссорѣ, дьяки и подъячіе Разряда, приказовъ Большаго и Казанскаго дворца, Челобитнаго или Судныхъ, стряпали доклады, составлялись приговоры судившихъ бояръ!

Челобитья о безчестьи и разбирательство по нимъ въ Государевомъ дворѣ. Личная обида на письмѣ.

Дѣлами о безчестьи лицъ, составлявшихъ дворъ московскаго Государя—бояръ, которыхъ насчитывали до 34-хъ родовъ,—стольниковъ, ихъ было 500 человѣкъ; *стряпчихъ*, ихъ считалось 800 человѣкъ; *жильцовъ*,—такихъ было до 2,000 человѣкъ; *дворянскихъ дѣтей* и *подъческихъ дѣтей*, вѣчно днемъ и ночью топтавшихся на площади Государева двора, на Постельномъ крыльцѣ, приходилось заниматься много даже самому Государю.

И вотъ какъ это происходило на практикѣ, напримѣръ, при дворѣ.

Историкъ Соловьевъ, пользуясь документами Забѣлина, описываетъ занятіе толпы *площадныхъ* придворныхъ чиновъ (1): «На крыльцѣ, на площади, не всегда тихо, не всегда слышны только одни мирные разговоры: иногда вдругъ раздается *шумъ*, громкіе голоса: два врага, два соперника по какому-нибудь тяжебному дѣлу встрѣтились и не выдержали, сцѣпились браниться; стоитъ только вымолвить первое бранное слово, и языкъ расходится, удержу ему нѣтъ: отъ лица сейчасъ переходъ къ отцу, матери, сестрамъ и другимъ ближнимъ и дальнимъ родственникамъ, никому нѣтъ пощады: всѣ старыя и недавнія исторіи, сплетни, слухи,—все тутъ будетъ повторено съ прибавками, какія продиктуетъ расходившееся сердце». Побранятся за холопа, а покончатъ на сестрѣ или матери. Отъ шума, отъ крупныхъ словъ дѣло переходило къ расправѣ ручной, къ потасовкѣ, и гоньба по крыльцу за врагомъ оканчивалась иногда тѣмъ, что у одного изъ соперниковъ была прошиблена кирпичемъ

---

(1) Слова: *площадь, площадной* — заключали въ себѣ понятіе общаго, публичнаго, всенароднаго и также обыкновеннаго *рядоваго*. Были *подъячіе площадные* и *избы площадныя*, гдѣ эти подъячіе писали купчія, закладныя и разные другіе акты. *Забѣлинъ*, I, 259. Стольники младшихъ разрядовъ именовались площадными въ отличіе отъ *комнатныхъ*, находившихся въ приближеніи къ Государю.

голова (1). Ссоры изъ-за дѣлъ тяжебныхъ нерѣдко возбуждались намѣренно, чтобы этимъ путемъ ускорить рѣшеніе дѣла, затянувшагося волокитою въ приказахъ.

Ссоры на Постельномъ крыльцѣ, въ Государевыхъ комнатахъ, въ Государевомъ дворцѣ, съ произнесеніемъ «непригожихъ словъ» и дерзкія выходки, какъ наносившія «*безчестіе Государеву двору*», «безчестіе самому Государю», разбирались царскимъ домашнимъ судомъ: царскій постельничій или стряпчій съ ключемъ дѣлалъ *обыскъ* или *сыскъ*, допрашивалъ свидѣтелей происшествія по ссылкамъ обоихъ соперниковъ, потомъ изъ допросовъ составлялъ докладъ, подводилъ указъ или статью изъ Уложенія и представлялъ царю на рѣшеніе. Царскій приговоръ по извѣстной формѣ объявлялся при всѣхъ, публично. Съ увеличеніемъ числа грамотныхъ людей щепетильность дворянъ доходила до того, что даже простая описка, пропускъ, прописка въ чинѣ, имени, фамиліи считалась безчестьемъ и давала основаніе къ вчинанію иска. Въ 1675 году подобные иски предъявили, напримѣръ: князь Василій Голицынъ на Аввакума Іевлева, князь Лобановъ-Ростовскій на князя Ивана Дашкова. Нужно было положить конецъ новымъ страннымъ притязаніямъ. 15-го марта 1675 года Великій Государь указалъ и бояре приговорили: «будетъ кто въ челобитьѣ своемъ напишетъ въ чьемъ имени или прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто *о—а*, или вмѣсто *а—о*, или вмѣсто *ъ—ѣ*, или вмѣсто *ѣ—е*, или вмѣсто *и—і*, или вмѣсто *о—у*, или вмѣсто *у—о* и иныя въ письмахъ нарѣчія, подобныя тѣмъ, по природѣ тѣхъ городовъ, гдѣ кто родился и по обыкностямъ своимъ говорить и писать извыкъ, того въ безчестье не ставить и судовъ въ томъ не давать и не разыскивать; а кто кого браня, назоветъ княземъ безъ имени: и за то править безчестье» (2).

Съ развитіемъ грамотности челобитный и судные приказы пуще прежняго завалены были челобитьями не только по поводу мелочныхъ придирокъ къ обидамъ словомъ или дѣйствіемъ, но также и оскорбленіями и на *письмѣ*. Поэтому, въ дополненіе къ Уложенію, указомъ 14-го мая 1690 года, велѣно по суду и по сыску

(1) *Соловьевъ*, стр. 66—68. Эту картину нравовъ царедворцевъ Алексѣя Михайловича историкъ основываетъ на юридическихъ документахъ въ соч. *Забѣлина* «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ», ч. I, второе изданіе, Москва 1872 г., стр. 263—312. Мы вернемся еще къ этимъ любопытнымъ фактамъ.

(2) 1-е П. С. З. I, № 597, *Именной*. Приговоръ велѣно записать въ Челобитномъ приказѣ, а въ Володимірской и въ Московской судные приказы о томъ послать памяти.

винныхъ наказывать и безчестье править по Уложенію тому: «*кто кому въ какихъ нибудь* письмахъ за своею рукою, или въ письмѣ своей руки *напишетъ безчестье, убойцомъ* или *воромъ* или *какимъ нибудь* (?) *безчестнымъ* словомъ обезчеститъ». По обычаю времени, когда еще не успѣли остынуть понятія о родовой чести, указъ опредѣляетъ нормы наказаній по разрядамъ чиновъ. Къ первому разряду отнесены бояре, окольничіе, думные люди, ко второму—чины ниже жилецкаго чина: городовые дворяне, копейщики, рейтары, дѣти боярскія, подъячіе и иные *служилые* и торговые чины, боярскія люди и крестьяне. Дѣленіе личныхъ обидъ на *неумышленныя*, «безхитростныя» и *умышленныя*, съ намѣреніемъ оскорбить, весьма характерно. Для чиновъ втораго разряда законъ не признаетъ обидъ неумышленныхъ, совершенныхъ по неосторожности или неосмотрительности! Кто изъ чиновъ перваго разряда «*безхитростно* пропишетъ честь или чинъ, или имя, или отечество, или произволеніе, или учинитъ какую недопись или прописку, а соперники ихъ въ томъ на нихъ учнутъ бить челомъ о безчестіяхъ своихъ; и такихъ людей въ такихъ допискахъ допрашивать съ подкрѣпленіемъ по Евангельской заповѣди Господней, что они то учинили съ *умысломъ-ли*, *хотя обезчестить соперниковъ своихъ*, или *безхитростно*, въ томъ имать у нихъ сказки за руками. И будетъ они въ сказкахъ своихъ подъ *клятвою* скажутъ, что они такія прописки *учинили безхитростно*, а не для безчестія соперниковъ своихъ, и имъ того *безхитростнаго дѣла въ вину не ставить*, и *судовъ на нихъ въ томъ безчинствѣ не давать*, а тѣ письма, въ которыхъ они прописку учинятъ, отдавать имъ и велѣть переписывать по подобію» (п. 2). А кто въ письмѣ или совѣстной грамотѣ напишетъ кому какія слова «*нарочно*, не безхитростною подпискою» и въ такихъ безчестьяхъ давать судьи и безчестье указывать по Уложенію (п. 5).

Если же прописки (п. 3) *хотя* и *безхитростно* учинятъ люди втораго разряда, то ихъ о такихъ прописках не допрашивать, а отсылать ихъ за такія безчестья на недѣлю въ *тюрьму*. Кто же изъ лицъ этой категоріи станетъ просить, чтобы ихъ въ тюрьму не посылать, тотъ платилъ безчестье деньгами, не разбирая дѣла, умышленно или неумышленно сдѣлана прописка или недописка (1).

---

(1) 1. П. С. З. I, № 1,374. «*Прописки*, учиненныя въ письмахъ, подаваемыхъ въ приказы, исправлять дьякомъ, а въ городахъ—воеводамъ своими руками, чтобы отъ такихъ прописокъ никому ни отъ кого никакова безчестья не было».

Правительство, однако, продолжало преслѣдованіе особыхъ случаевъ оскорбленія на письмѣ; напримѣръ,—кто напишетъ отечество кому не слѣдуетъ безъ *вича*, или кто въ брани назоветъ другаго княземъ безъ имени, т. е. вмѣсто *князь Иванъ* скажетъ просто: *князь* (1).

Примѣры исковъ за безчестье въ высшемъ разрядѣ служилыхъ (въ государевомъ дворѣ).

Пользуясь юридическими документами, собранными Забѣлинымъ, постараемся дать наглядное понятіе о свойствѣ обидъ словомъ и дерзкими поступками лицъ, приближенныхъ къ царю, его царедворцевъ, въ Государевомъ дворцѣ, на Постельномъ или Красномъ крыльцѣ, даже во внутреннихъ комнатахъ, не забудемъ и знатныхъ бояръ, и дворовыхъ людей.

Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Стольники Григорій Облязовъ и Борисъ Плещеевъ на Постельномъ крыльцѣ поссорились за крѣпостнаго человѣка, котораго другъ у друга оттягивали: Облязовъ, наговоривъ Плещееву разныхъ оскорбленій, задѣлъ честь даже и его сестеръ дѣвицъ. Въ теченіе одного мѣсяца мать Плещеева, вдова, подала шесть челобитенъ, въ которыхъ, называя Облязова *оглашенникомъ*, жаловалась, «что онъ, Григорій, у тебя у Государя на Постельномъ крыльцѣ у переградныхъ дверей позорилъ дочеришекъ моихъ трехъ дѣвокъ *не былишными* позорными словами... не дай, Государь, отъ того Григорія, вѣдомаго вора и озорника, дочеришкамъ во вѣкъ опозореннымъ быть».

Поссорились жильцы Чириковы съ Измайловыми. Тимофей Измайловъ въ челобитной объясняетъ, что 19-го апрѣля Алексѣй Чириковъ съ своими дядьями, съ Степаномъ да съ Костянтиномъ, дѣтишекъ моихъ Левку да Олешку хотѣли бить, и меня и дѣтишекъ моихъ безчестили и всякаго своею лаею *неподобно лаяли*, и *называлъ Алексѣй Чириковъ меня холопа твоего и всѣхъ насъ ворами и измѣнниками и страдниками*, и по Красному крыльцу за дѣтишками моими гонялъ... надѣючись на свои деньги, говорилъ дѣтишкамъ моимъ, *что ваши головы, а мои тутъ будутъ тысячи*. На слѣдствіи одни свидѣтели показали, что Чириковъ назвалъ дѣтей Измайлова *измѣнничими племянники*, и говорилъ имъ: *знали бы де вы орлиной кнутъ да липовую плаху*, а Левъ и Александръ Измайловы называли Чирикова *псаверичемъ и псаревымъ внукомъ*. Другіе свидѣтели сказали, что Чириковъ говорилъ дѣтямъ Алексѣя Измайлова: «знали

(1) 1. П. С. З. I, № 597. «Не ставить въ безчестье и не давать судъ за прописку по нарѣчію какихъ либо буквъ, но наказывать тѣхъ, кто, бранясь, назовутъ княземъ безъ имени».

бы-де вы своего Оску палача да липовую плаху». А Левъ и Александръ говорили: «пойдемъ-де прочь, что съ такимъ псаренковымъ внукомъ и говорить».

Поссорились жильцы Иванъ Елчаниновъ съ Самаринымъ. Послѣдніе въ челобитной жалуются, что онъ Иванъ безчестилъ насъ и родителей нашихъ, называлъ насъ холопей твоихъ *своими холопи и лаялъ насъ матерны и всякою неподобною лаею и называлъ насъ страдниками и зализами, Самарѣны, и инеми всякими позорными словами; а дѣдовъ нашихъ называлъ мужиками пашенными... онъ же похваляется насъ рѣзать*, мстя не дружбу, что у насъ дѣло съ нимъ въ московскомъ приказѣ, надѣясь на богатство, которое пріобрѣлъ служа по монастырскимъ селамъ.

Царскій казначей Богданъ Миничъ Дубровскій поссорился съ дворяниномъ Василіемъ Колтовскимъ. Когда Дубровскій вышелъ изъ царской комнаты послѣ докладу въ переднюю, на него набросился Колтовскій, говоря ему, что онъ не дѣломъ служитъ: «изъ комнаты-де у тебя челобитные пропадаютъ». Подалъ жалобу и Колтовской «Богданъ Миничъ почелъ насъ холопей твоихъ, безчестя отца нашего *называлъ воромъ и олтынникомъ* и меня холопа твоего называлъ *не дорогимъ человѣкомъ: дорогое-де тебѣ безчестья заплатить*. А въ томъ не запирался при всѣхъ, что онъ меня холопа твоего изъ приказу у себя велѣлъ бить въ шею»...

Князя Еѳимія Мышецкаго оскорбили Ѳеодоръ Нащокинъ и Иванъ Бужаниновъ: первый называлъ всѣхъ «*холопи боярскими и конюхами*», а второй называлъ меня «*дьякомъ*, а *дѣтишекъ моихъ подъячими и ворами и подпищиками, будто мы подписывали воровскіе грамоты*». Нѣкоторые свидѣтели подтвердили, что Иванъ Бужаниновъ князя Мышецкаго «лаелъ матерны и князь дьякомъ и князь подъячимъ».

Иванъ Бртурлинъ жалуется на Ивана Бордюкина Зайцева, что онъ (Бордюкинъ) лаялъ меня (Бутурлина) «матерны».—Свидѣтели показали: Зайцевъ Бутурлина излаялъ матерны «и съ жемчугомъ», Зайцевъ Бутурлину молылъ: «ты-де у меня б..... сынъ окончину изломилъ».

Князь Лаврентій Мещерскій напалъ на Постельномъ крыльцѣ на Алексѣя Дубровскаго, сына царскаго казначея. Дубровскій (сынъ) въ жалобѣ своей между прочимъ писалъ: «а князь Лаврентій, гоняючи за мною, лаялъ матерны и всякою неподобною лаею и называлъ страдничонкомъ, и говорилъ такіе слова: *не дорогъ-де твой и отецъ, што привезъ мертвому нѣмчину голову отрѣзавъ; тебѣ бъ-де у меня живу не быть*». Жеребцовъ, на котораго сослались обѣ стороны («обчая правда» по Улож., гл. X, ст. 167) показалъ, что князь Мещерскій дѣйствительно сына Дубровскаго «матерны лаелъ и мать его не доброю называлъ и бить его посыкнулся... излаялъ: *страдникъ-де ты бадлива мать, отецъ-де твой мертваго нѣмчина голову привезъ*».

Въ Царскомъ дворцѣ, на Постельномъ крыльцѣ, въ Передней, на Красномъ крыльцѣ, между царедворцами въ XVII столѣтіи про-

исходили стычки, подобныя которымъ не приходится намъ слышать теперь и между простыми людьми въ людской господскаго дома. Разбирать эти ссоры стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дворянъ приходилось самому государю. По полученіи челобитной царь Алексѣй Михайловичъ поручалъ стряпчему съ ключемъ или постельничему произвести разборъ и доложить. Къ допросу призывались свидѣтели, по ссылкѣ истца и челобитчика; нерѣдко приходилось допрашивать десятка три, четыре бояръ, стольниковъ, жильцовъ. Дѣла тянулись мѣсяцами, иногда годами. Наконецъ, составлялся докладъ и дѣло представлялось на резолюцію государя. Такъ, по жалобѣ матери Плещеевой, выслушавъ дѣло 14-го сентября 1643 г., царь указалъ: «Григорія Дмитріева, сына Облязова, за вдовино, Аннино, съ дѣвками, за ихъ безчестье, *бить батоги нещадно*, чтобъ инымъ впередъ воровать было неповадно». «И 152 (1644) года генваря въ 15 день, Григорій Облазовъ въ подклѣткѣ бить батоги въ одной рубашкѣ нещадно». Или, напримѣръ: 6-го сентября 1649 г., согласно Уложенію: «указалъ государь за *честь двора своего* Ивана Зайцева *послать въ тюрьму*, а Бутурлину *доправить на немъ безчестья окладъ его* (т. е. Бутурлина)». Или еще примѣръ: «Князя Лаврентія Мещерскаго за честь двора за неистовые слова Государь указалъ посадить въ *тюрьму на двѣ недѣли и доправить безчестье за лай* Алексѣя Дубровскаго, его матери и его отца. И марта въ 9 день (1650 г.) князь Лаврентій посланъ въ тюрьму съ истопниками». Мы видимъ здѣсь уже приложеніе Уложенія (гл. III, ст. I, гл. X, оклады безчестья, и ст. 167 и 168, ссылку на обчую правду). Мещерскому приходилось заплатить за безчестье немалую сумму, ибо за безчестье жены платился двойной окладъ мужа, а окладъ царскаго казначея не могъ быть менѣе 400—500 рублей.

Иски за безчестье въ государевомъ дворѣ, окружавшихъ царскій тронъ, людей въ XVII столѣтіи, открываютъ передъ нами непривлекательныя картины правовъ. Князя Ивана Волконскаго Хромаго жилецъ Гаврило Богдановъ, сынъ Карповъ, назвалъ *вѣдуномъ и чародѣемъ*. Въ оправданіе свое Карповъ приводилъ слѣдующія обстоятельства: «въ судномъ дѣлѣ въ Большомъ приходѣ объявилось его (кн. Ивана Волконскаго) *заговорное письмо*, которое подалъ въ судъ князь Тимофей Волконскій, а писалъ подъячій Воинко Якунинъ: «Боже милостивъ человѣкъ лебедь взгляни на меня раба Божія Мину князь Иванъ Волконскій ангельскима очима матернымъ сердцемъ; а тому бъ Костентину (?) тетеревина голова языкъ тетеревинъ воловья губа, не умѣлъ бы противъ меня искать»

и тому подобную чепуху. Но дѣло не въ письмѣ. Воинко Якунинъ князь Тимофея и князь Ивана Волконскихъ уличалъ въ судѣ словесно и подалъ роспись, а въ той росписи написано: «Волконскихъ ко многимъ людямъ обида-жъ и насильства и налоги и продажа, и у кого помѣстною землею и угодьи людьми крестьяны завладѣли насильствомъ; а какъ его Воинковыхъ людей били и въ болота сажали, и ко вдовамъ малопомѣстнымъ пріѣзжали и били и мучили и вымуча крѣпости, землями же завладѣли жъ, а ихъ съ помѣстій согнали. А *про вѣдовство и про коренье* въ томъ судномъ дѣлѣ письменныхъ и словесныхъ упрекъ на Волконскихъ не объявилось». Воинко Якунинъ подвергнутъ распросу и пыткѣ. Пытные и распросные рѣчи докладывали боярамъ и *бояре приговорили того Воинка пытавъ сослать въ Сибирскіе городы.*

Грустнѣе всего, что личные счеты шумѣвшихъ въ государевомъ дворѣ царедворцевъ и затрогивавшихъ, кстати или не кстати, честь семейную или родовую, не щадившихъ въ своемъ «лаѣ» ни отца, ни матери, приплетавшихъ сестеръ и братьевъ, дядей и племянниковъ, приводили къ обвиненіямъ людей посторонпихъ, подобно описанному случаю, гдѣ ссора Волконскаго съ Карповымъ разрѣшилась наказаніемъ кнутомъ и ссылкою въ Сибирь подъячаго Якупина. Трудно сказать, при чемъ тутъ было удовлетвореніе оскорбленной чести князя Волконскаго, обозваннаго публично «вѣдуномъ и чародѣемъ»!.. Подъ покровомъ казуистики Соборнаго Уложенія мѣрка личной чести въ служиломъ классѣ утрачивалась совершенно. Подъ охраною иска за безчестье укрывались не только тщеславіе и корыстолюбіе, но и вопіющія злоупотребленія властью—стольниковъ и стряпчихъ, посылаемыхъ на службу воеводами въ города, дворянъ, назначаемыхъ на службу въ провинцію и въ войско. Поссорились двое изъ-за крѣпостнаго, наговорили другъ другу массу неприличныхъ дерзкихъ словъ, а затѣмъ шли съ жалобой на «безчестье» въ судъ, и судъ, разсмотрѣвъ дѣло, находилъ виноватымъ или несчастнаго подъячаго, или ни въ чемъ неповиннаго прикащика. Бѣлорусская пословица: «Паны дерутся,—у мужиковъ чуприны трясутся» находила полное примѣненіе въ дѣлахъ о безчестьи. Далѣе того, что происходило въ судахъ XVII столѣтія съ исками о безчестіи, когда допрашиваемыхъ, не причастныхъ къ ссорѣ, свидѣтелей нерѣдко подвергали пыткѣ, едва-ли можетъ заходить судебная практика.

Замѣтимъ еще, что разслѣдованіе о личныхъ обидахъ даютъ хорошее понятіе о злоупотребленіяхъ людей, сильныхъ въ провин-

ціи, властныхъ людей въ приказахъ, воеводъ въ городахъ, которые, кормясь на воеводствѣ, для страха людей еще слабыхъ, но уже опасныхъ—подъячихъ, пускали въ ходъ пытки и ссылки ихъ въ дальніе города.

Теперь трудно и представить себѣ путаницу въ понятіяхъ людей XVII вѣка о безчестіи родовомъ и безчестіи личномъ, въ строгомъ смыслѣ юридическомъ. Неправильная жалоба въ мѣстничествѣ, за оскорбленіе родовой чести, могла повести къ наказанію (иногда кнутомъ), а дѣйствительная обида словомъ, на письмѣ или дѣйствіемъ, влекла за собою лишь уплату небольшой суммы денегъ, не свыше рубля.

Личныя обиды царедворцевъ не всегда ограничивались «неподобными» словами—«лаемъ». Въ 1674 г. стряпчій Александръ Протасовъ на его великаго Государя дворѣ *прошибъ кирпичемъ голову* стряпчему Ивану Хрущову. По сыску Протасова, вмѣсто кнута (какъ слѣдовало по Уложенію) велѣно *бить батоги нещадно*. Да на немъ же, Александрѣ, велѣно доправить Хрущову *безчестья вчетверо* (1).

Мѣстничество пало, но ближайшіе царскіе слуги—«безстрашники» не унимались: они продолжали часто оглашать царскій дворецъ неистовою бранью и безчиньемъ. Въ 1683 г., генваря 4, данъ указъ, чтобы стольники, стряпчіе, дворяне, жильцы всякій въ *свое дневанье* сіе дѣлали въ указныхъ палатахъ смирно и межъ себя безчинства и шума никакого и драки не чинили, а кто будетъ безчинствовать и шумѣть и межъ себя браниться и тѣхъ велѣно присылать въ Разрядъ.

Время патріархальныхъ отношеній царя къ своимъ буйнымъ царедворцамъ миновало. Съ кончиною Алексѣя Михайловича обрываются эти простыя отношенія великаго Государя къ ближнимъ людямъ; а съ уничтоженіемъ мѣстничества, когда внутреннія замѣшательства и внѣшнія войны продолжали расшатывать высшую правительственную вотчинную систему, судъ и расправа по дѣламъ личныхъ обидъ перешли въ вѣдѣніе различныхъ приказовъ: Разряда, Большаго Дворца, Иноземнаго, Пушкарскаго и Судныхъ. Въ старомъ московскомъ войскѣ появились неслыханные чины:—генералы, полковники, капитаны, поручики,—но въ высшихъ слояхъ дворянства, въ семействахъ бояръ, долгое время не забывались еще мѣстническіе счеты, не взирая на реформы,

(1) *Забѣлинъ*, I, стр. 264—295. За обиды дѣйствіемъ, соединенныя съ тѣлеснымъ поврежденіемъ, плата за безчестіе, какъ видно, на практикѣ значительно увеличивалась.

предпринятыя на соборѣ 1682 г., и установленіе новыхъ чиновъ по обычаю иноземцевъ. Бояре, окольничіе, думные люди, какъ равно стольники и иные низшіе, менѣе знатные чины, личныя оскорбленія, даже замѣчанія по службѣ, заботливо связывали съ оскорбленіями всему роду. Поручики и капитаны дворянской конницы неохотно шли подъ команду полковниковъ; свои понятія о старшинствѣ родовой чести они переносили повсюду и не въ состояніи были свободно подчиняться условіямъ воинской дисциплины. Повиновеніе младшихъ чиновъ старшимъ, въ порядкѣ подчиненности, по понятіямъ мѣстничества, наносило безчестье цѣлому роду: отцу и дѣду, братьямъ и племянникамъ. И этой слабостью пользовались соперники, стоявшіе близко къ трону, чтобы задѣть какіе-либо *родовые* старые грѣхи, безчестившіе весь родъ поголовно. Этой слабостью пользовались капитаны, когда состояли подъ командою полковника или воеводы не знатнаго рода.

Прекрасной иллюстраціей сказанному служитъ ссора между стольникомъ княземъ Яковомъ Оедоровичемъ Долгорукимъ и боярином князем Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ въ 1691 г. Послѣдній былъ дядькою Петра, лицомъ довѣреннымъ и вліятельнымъ при дворѣ; первый былъ только стольникомъ, но по происхожденію принадлежалъ къ знатному роду, не сегодня—завтра могъ стать боярином и занять одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ, какъ и случилось впослѣдствіи. (Извѣстно, что Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій въ преобразуемой Петромъ арміи занялъ мѣсто, соотвѣтственное званію военнаго министра). Ссора боярина Голицына съ Долгорукимъ доказываетъ во всякомъ случаѣ, какъ тяжело было Петру Великому бороться съ понятіями мѣстническими въ самомъ началѣ предпринятыхъ имъ преобразованій. Ссора, надѣлавшая такъ много шума въ Москвѣ и записанная въ актахъ историческихъ, произошла 28 января 1692 г. въ хоромахъ великаго государя Петра Алексѣевича, въ присутствіи многихъ придворныхъ. Стольники князь Яковъ и Григорій Долгорукіе выбранили боярина князя Бориса Голицына «всякими скверными и неподобными словами и въ то же время, по старинѣ, обезчестили и отца его, князя Алексѣя Андреевича».

Произвести разслѣдованіе поручено было боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу. Голицынъ, какъ видно, настаивалъ и просилъ государей, чтобы оскорбителя чести наказать примѣрно, кнутомъ, не по Уложенію. Долгорукіе, очевидно виновные, оправдывались

тѣмъ, что они не хуже Голицыныхъ, и просили примѣнить къ нимъ соотвѣтственныя статьи Уложенія.

«Учинилась у насъ ссора на словахъ и въ ссыску. Свидѣтели, которыхъ допрашивали, сказали то, чего мы не говаривали. А въ той ссорѣ (и Голицыны) насъ бранили и словами безчестили. *А у насъ съ ними ссора учинилась не странная, брань такая, какая всегда между нами за недружбы бываетъ*». Затѣмъ, ссылаясь на Уложеніе (гл. III, ст. 1, 2, гл. X, ст. 30 и 91), челобитчики напоминаютъ, что эти статьи остаются безъ измѣненія и не обновлены новоуказными статьями.

Указомъ 2-го марта 1692 года государи приговорили: *стольниковъ* князя Якова и князя Григорія Долгорукихъ за безчестье бояръ князя Алексѣя и сына его князя Бориса Голицыныхъ послать въ тюрьму. Да на нихъ за безчестье имъ боярамъ взять денежные ихъ оклады сполна. «А что они довелись по Уложенію за честь ихъ государскаго двора послать въ тюрьму, а великіе государи пожаловали, за то ихъ въ тюрьму посылать не указали».

Въ приговорахъ нѣтъ даже и намека о несоотвѣтствіи іерархическаго положенія соперниковъ.

Не легко было расплачиваться за безчестье: нѣтъ денегъ,—начинается правежъ, а по истеченіи мѣсяца, въ крайности—двухъ, назначается продажа имущества; не было имущества,—опредѣлялось наказаніе кнутомъ. Только случайное обстоятельство спасло Долгорукаго отъ наказанія *кнутомъ*, чего добивался боярин Борисъ Голицынъ.

Почти въ то же время возникло новое крупное дѣло: 10 декабря 1692 года царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ подали встрѣчныя жалобы боярин Алексѣй Семеновичъ Шеинъ и боярин князь Михайло Григорьевичъ Ромодановскій. Въ домѣ боярина Петра Васильевича Шереметева 9-го декабря Ромодановскій бранилъ Шеина, безчестилъ всячески и билъ и вынялъ ножъ и хотѣлъ его зарѣзать и называлъ себя московскимъ княземъ, а прадѣда его Шеина, боярина Михаила Васильевича, называлъ измѣнникомъ, а дѣда его, и отца его, и мать его, боярыню Авдотью Ивановну Черкасскую, бранилъ и безчестилъ всякими словами, и его называлъ измѣнническимъ внукомъ. Съ своей стороны, Ромодановскій жаловался, что-де Алексѣй Семеновичъ безчестилъ его, боярина, всячески-жъ и называлъ малопороднымъ человѣкомъ и худымъ князишкомъ и бранилъ всякою неподобною бранью и билъ палкою, а то-де видѣли и слышали бояре, окольничіе, и думные и ближніе люди.

Судъ производился въ приказѣ Казанскаго дворца. 10-го января

1693 г. состоялся Высочайшій указъ, въ которомъ опредѣлено: боярина князя Ромодановскаго за безчестіе дѣда и отца Шеина послать въ тюрьму. А въ заключеніе, въ слѣдующихъ словахъ, признано торжество идеи государства надъ личными родовыми счетами: «а въ *милости Великихъ Государей жалованы бываютъ въ чести не по родамъ, и кто прежде или послѣ пожалованъ, о томъ принять къ безчестью не для чего*». Что же касается до личныхъ оскорбленій другъ друга, то указъ предоставляетъ каждому изъ нихъ вѣдаться и искать безчестье на основаніи общаго закона: «а за слова ихъ и за драку, что они другъ друга бранили и дрались, и за ту брань и за драку указали Великіе Государи другъ на другѣ взять безчестье и увѣчье имъ противно» (1), т. е. заплатить другъ другу, по разсчету, сколько причиталось по окладу жалованья!..

Иски за личное безчестье и увѣчье другихъ разрядовъ служилыхъ людей и низшихъ сословій.

Мы видимъ, какъ безцеремонно позволяли себѣ браниться и безчинствовать во дворцѣ, въ царскихъ палатахъ, въ гостяхъ другъ у друга знатные люди, лица близкія къ государю. Нельзя и ожидать болѣе деликатныхъ отношеній между собою въ другихъ слояхъ общества, дворянъ вообще, дѣтей боярскихъ въ частности, наконецъ, людей простыхъ:—торговыхъ, посадскихъ, крестьянъ, а равно стрѣльцовъ и солдатъ. Между ними происходили несомнѣнно еще бо́льшія безчинства, обида словомъ выражалась еще въ болѣе крѣпкихъ выраженіяхъ и непосредственно переходила въ обиду дѣйствіемъ, сопровождаясь ранами и увѣчьемъ. Искъ за безчестье здѣсь рѣдко не сопровождался добавкою и «за увѣчье».

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ быта дворцовыхъ служителей:

Стольникъ Бабарыкинъ послалъ за квасомъ на Сытной дворецъ *дневальнаго истопника* Демку Клементьева. Послѣдній жалуется: «я, холопъ твой, его не послушалъ, по квасъ не пошелъ, потому что я, холопъ твой, въ *передней дневалъ*; и онъ, Романъ, за то меня, холопа твоего, *стихнулъ съ лѣстницы и убилъ меня до полусмерти*; и лежалъ я, холопъ твой, на землѣ, обмертвѣвъ многое время;

(1) 1. П. С. З. III, № 1460. *Именной изъ приказа Казанскаго Дворца*, 14-го января 1693 года.

и оттерли меня, холопа твоего, товарищи мои льдомъ; и отъ побой нынѣ я, холопъ твой, сталъ *увѣченъ*!».

Для полноты очерка замѣтить нужно, что многія обиды приходилось переносить и *подъячимъ* отъ большихъ и отъ малыхъ людей. Подъячій царицы и царевенъ мастерской палаты, Василій Клушинъ, 3-го августа 1693 года сидѣлъ за своимъ столомъ. Въ ту же палату пришелъ закройщикъ Яковъ Матвѣевъ, сѣлъ за поставнемъ, гдѣ дѣлаютъ платье, и говорилъ ему, Василію, издѣваясь: «*добръ-де подъячей, да языкъ высуня пишетъ;* еслибъ-де я шедъ, и *сзади его ударилъ*, языкъ-де бы ему пришибъ. И иныя *многіе издѣвочные слова* ему говорилъ. Да въ тѣхъ же рѣчахъ молвилъ ему, Василію: *не поможетъ-де тебѣ и царевна, что я надъ тобою сдѣлаю. И про иныхъ его братьевъ, подъячихъ*, говорилъ, *безчестя его, Василія, и иныхъ его братью подъячихъ*, что будто въ холопы къ нему иной подъячей бьетъ челомъ... И онъ, Василій, ему, Якову, запрещалъ и унималъ, чтобъ онъ *неприличныя слова* не говорилъ, и его, Василья, и иныхъ его братью подъячихъ не безчестилъ». Однако свидѣтели показали, что и самъ, подъячій Василій Клушинъ, называлъ его, Якова, *чортомъ* и *бранилъ матерны*. Подъячіе, конечно, не оставались въ долгу.

Жалобами на личныя обиды безпокоила Государя и женская половина придворнаго штата. Золотыхъ дѣлъ мастерица Ѳедосья Кашинцова жалуется словесно самой Царицѣ на сына боярскаго Ѳедоса Новашина за то, что назвалъ ее, Ѳедосью, *безпелюхою*. Свидѣтели подъ присягою, по евангельской заповѣди, показали, что поводъ къ обидѣ подала сама мастерица. Чѣмъ дѣло кончилось, неизвѣстно (1).

Съ одной стороны, патріархальное разбирательство домашнихъ ссоръ и брани приближенныхъ къ Царю вѣрныхъ его слугъ—бояръ, окольничихъ, стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и всей придворной челяди даетъ намъ понятіе о характерѣ отношеній Великаго Государя къ своему двору, какъ вотчинника и хозяина, съ другой—изображаемыя въ челобитьяхъ о «безчестьи» картины обнаруживаютъ непривлекательную сторону нравовъ нашихъ предковъ. Этой простодушной, подчасъ забавной грубости приходилъ конецъ. Подчиняясь господству извѣстныхъ общественныхъ граней, твердо охраняя преданія старины, русское законодательство XVII столѣтія въ основѣ карательной системы за «личную обиду» ставитъ денежную

---

(1) *Забѣлинъ*, 1, 306—311.

единицу. Оскорбленіе чести оно тщательно взвѣшиваетъ суммою рублей. Если богатъ, силенъ, обругаешь, обезчестишь ближняго, заплатилъ—и дѣлу конецъ; если бѣденъ, не можешь откупиться, держи языкъ за зубами, обезчестилъ и не заплатишь, подвергайся правежу наравнѣ съ должникомъ, а то и позорному наказанію—кнутомъ. И способъ вознагражденія за безчестье посредствомъ платы извѣстной суммы рублей, развивавшій сутяжничество, долженъ былъ уступить мѣсто другимъ способамъ: за оскорбленіе личной чести бранными словами опредѣляется арестъ и испрошеніе прощенія (Уст. воин. Глава 49, § 3). Приходилось теперь учиться владѣть собою, воспитывать свою волю...

Богатыми и сильными до Уложенія были только бояре: они и ихъ родичи стояли во главѣ столичной и провинціальной администраціи: они были начальниками приказовъ, ихъ дѣти—стольники, кормились на воеводствахъ, ихъ же дѣти—стряпчіе, служили въ войскѣ, въ посольствахъ и употреблялись на посылкахъ. Высшая духовная іерархія была обособлена отъ боярской знати; духовенство еще не успѣло утратить важнаго значенія *учительства*. Но еще до начала борьбы съ патріархомъ въ средѣ духовенства появились внутренніе враги—*церковные мятежники*, которые подкапывались подъ авторитетъ духовной власти и упорно выставляли ея недостатки. И вверху и внизу начиналась борьба, результатъ которой приводилъ къ крайнему ослабленію авторитета власти. Горожане въ эпоху дѣйствія Уложенія имѣли мало значенія; выдѣлялось, однако, купечество, особенно московское, такъ какъ Москва была средоточіемъ гражданскаго и церковнаго управленія. Но и здѣсь богатое купечество только зарождалось. Вслѣдствіе враждебнаго отношенія законодателя къ мірскому самоуправленію городовъ, Уложеніе предоставило судить горожанъ воеводамъ и приказнымъ людямъ; въ судахъ уже не сидѣли болѣе старосты, цѣловальники, земскіе люди. Многіе изъ городскаго населенія, вслѣдствіе отягощенія налогами, отдѣлывались отъ тягла, прятались, закладывались, и за особенную честь считали попасть въ подъячіе.

Дѣйствительно, дьяки и подъячіе *богатѣли*,—объ этомъ заботилось Уложеніе, развивъ съ особеннымъ вниманіемъ ихъ интересы въ постановленіяхъ о судопроизводствѣ. Запутанныя и смутныя дѣла о безчестьи, за которое съ такою мелочною щепетильностью расплачивались потомки бывшей великокняжеской дружины, составляли одну изъ наиболѣе доходныхъ статей людей *приказнаго* чина, людей письменныхъ, безъ которыхъ не могъ обойтись ни богатый вельмо-

жа, ни его родичъ — стольникъ, посылаемый управлять воеводствомъ, кормиться въ немъ по старинѣ, ни иноземецъ, являвшійся на царскую службу и щедро за нее награждаемый подарками. Для боярской чести слово «дьякъ» было также позоромъ, какъ слова: «воръ», «страдникъ». Князь Мышецкій, напримѣръ, жалуется въ челобитной на Ивана Бужанинова за то, что тотъ назвалъ его самого *дьякомъ*, а дѣтишекъ его—*подьячими*. Свидѣтели сдѣлали небольшую поправку; Бужаниновъ въ своемъ показаніи назвалъ князя Мышецкаго: *княземъ дьякомъ*, а дѣтей его—*князьями подьячими*.

О томъ, какъ низко оцѣнивалась личная честь московскихъ дьяковъ, разбогатѣвшихъ «мздоимствомъ неправеднымъ» (соборъ 1642 г.), свидѣтельствуетъ Гордонъ въ своемъ «Дневникѣ». Начальникъ иноземнаго приказа (завѣдывавшаго иноземными офицерами и солдатами), царскій тесть, бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій, велѣлъ сдѣлать подарокъ Гордону за его выѣздъ въ Россію, куда онъ, въ 1661 году, пріѣхалъ искать счастья, какъ и большинство иностранныхъ офицеровъ, устремившихся за добычею въ Россію, послѣ заключенія Вестфальскаго мира. Для полученія подарка, по обычаю, надобно было прежде подарить дьяка. Гордонъ не зналъ такого обычая. Явившись къ дьяку за подаркомъ безуспѣшно два раза, Гордонъ въ третій разъ отправился съ жалобою къ боярину и говоритъ ему прямо, что не можетъ понять, кто имѣетъ больше силы,—онъ, бояринъ, или дьякъ, потому что дьякъ и не думаетъ исполнять его приказанія. Бояринъ разсердился, велѣлъ позвать дьяка, схватилъ его за бороду, потаскалъ его добрымъ порядкомъ и обѣщалъ кнутъ, если Гордонъ придетъ еще разъ съ жалобою».

Съ появленіемъ регулярнаго войска установились другія отношенія, явились и болѣе зрѣлыя понятія о чести, но мѣстничество, съ его оригинальными понятіями о чести, еще долгое время сохраняется въ нравахъ русскихъ людей и не только въ военномъ быту, но въ гражданскомъ и даже духовномъ.

2007081209